

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 8

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора:

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинцев, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Гашева Н. Н.</i> Культуррефлексивный контекст русской литературы XIX–XX вв.	5
<i>Горюнова Т. А.</i> О бытии и понимании языка Аристотелем.....	9
<i>Верещагин О. А., Белова Н. Е.</i> Фреймирование и символизация в опыте конституирования социальных объектов	13
<i>Павлов А. П.</i> Этосы социальных миров.....	17
<i>Газизов Р. Р.</i> Экзистенциальное понимание информации в контексте социального и правового времени.....	23
<i>Котляр П. С.</i> Медиаграмотность в условиях развития цифровых технологий	26

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бенда В. Н.</i> Вклад военных деятелей и ученых в развитие военной науки и научно-методических основ подготовки офицерских кадров (вторая половина XVIII в.)	33
<i>Шилова Р. Р.</i> Деятельность земства по оказанию помощи нуждающимся в годы Первой мировой войны: на примере Уфимской губернии.....	39
<i>Демина Ю. В.</i> Голод 1946–1947 гг. в зарубежной историографии.....	44
<i>Бондарева Д. К.</i> Природоохранная агитационно-пропагандистская деятельность в Иркутской области во второй половине 1960-х – 1991 гг.	49

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Солнышкина М. И., Исмаилова А. Р.</i> Топонимы и антропонимы в эргонимиконе г. Казани	54
<i>Ягафарова Л. Т., Глушкова С. Ю.</i> Концепт <i>мода</i> в русском и китайском языках	58
<i>Давыдова А. Р.</i> Рематизация синтаксического строя английского языка (на материале английских СМИ).....	61
<i>Гулевец Н. А.</i> Языковое воплощение особенностей бизнес-культуры США и Мексики	66
<i>Картушина Е. А.</i> Многоязычие в языковом ландшафте городской среды (на примере города Хельсинки)	71
<i>Шукурджиева З. Ш.</i> Идеино-тематические характеристики публицистики Исмаила Гаспринского.....	76
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	83
INFORMATION ABOUT AUTHORS	85

CONTENTS

- Gasheva N. N.* Cultural and refflexive context of XIX–XX russian literature
- Goryunova T. A.* About Aristotle's understanding of language and being
- Vereshchagin O. A., Belova N. E.* Framing and symbolization in the experience of constructing social objects
- Pavlov A. P.* Ethos of social worlds
- Gazizov R. R.* Existential understanding information in the context of a social and legal time
- Kotliar P. S.* Media Literacy in Conditions of Development of Digital Technologies
- Benda V. N.* The contribution of military leaders and scientists in the development of military science and scientific-methodical bases of training of officers (second half of XVIII century)
- Shilova R. R.* The activities of the Zemstvo to help the needy during the First world war: the example of Ufa province
- Dyemina Y. V.* The famine of 1946–1947 in foreign historiography
- Bondareva D. K.* Environmental advocacy and agitation activity in the Irkutsk region in the second half of the 1960's. – 1991 years
- Solnyshkina M. I., Ismagilova A. R.* Toponyms and anthroponyms in ergonimical of Kazan
- Ismagilova A. R.* Toponyms and anthroponyms in the ergonymy of Kazan
- Iagafarova L. T., Glushkova S. Y.* Fashion concept in Russian and chinese languages
- Davydova A. R.* The process of focusing the syntactic system of the english language (based on the corpus of the english mass media)
- Gulevets N. A.* Verbalization of characteristics of business cultures in the USA and Mexico
- Cartushina E. A.* Multilingualism in the linguistic landscape of the urban environment (for example Helsinki)
- Kobysheva A. S., Nakaeva V. A.* The symbiotic relationships between verbal and non-verbal components of the creolized text on the example of the analysis of book covers by Stephen King
- Shukurdzhyieva Z. S.* Ideological and thematic characteristics of Ismail Gasprinsky's journalism

Культурорефлексивный контекст русской литературы XIX–XX вв.

В статье исследуется проблема взаимоотношения искусства и философии, связи этих двух форм культуры, пока только фрагментарно затрагиваемые теоретиками и историками культуры. Фундаментальные для философии и семиологии положения переосмысливаются автором в культурологическом ракурсе. Автора интересует проблема органической связи и взаимодействия литературы и философии в контексте русской культуры XIX–XX вв., поскольку именно в рамках данных семантических и исторических хронопов этого кульминационного этапа русской культуры особенно интенсивно проявляет себя идея динамического синтеза, свойственная русской культуре вообще. Тернарность русской литературы органически выявляет ее имманентную синтетичность через экзистенциальные интенции. Делается вывод о том, что для семиотических оснований динамических структур текстов духовной и художественной культуры характерен не столько антиномический, сколько тернарный синтез, обусловленный целостной исторической и общекультурной динамикой русской ментальности.

The article deals with the problem of interaction of art and philosophy, and relations between these two forms of culture. This problem is just being faced by cultural theorists and historians. Fundamental philosophical and semiological concepts are interpreted by the author from the cultural point of view. The author focuses on the problem of natural relations and interaction of literature and philosophy in the context of XIX–XX Russian culture since it is the idea of dynamic synthesis, typical of Russian culture in general, that is vividly expressed in the semantic and historical chronotopes of this period in Russian literature. The ternary character of Russian literature naturally reveals its immanent synthesis through existential intentions. It is inferred that the semiotic foundations of text dynamic structures in spiritual and fiction culture are characterized not so much by antinomic as by ternary synthesis, determined by entire historic and cultural dynamics of Russian mentality.

Ключевые слова: культурорефлексивный контекст русской литературы, синтез литературы и философии, сфера интеграционного подхода, тернарная модель, суперструктура, принцип взаимной дополнителности, христианский реализм, экзистенциально-онтологический реализм.

Keywords: cultural and reflexive context of Russian literature, synthesis of literature and philosophy, sphere of integration approach, ternary model, superstructure, mutual complementarity principle, Christian realism, existential and ontological realism.

Основная черта русской культуры, рефлекслируемая в исследовательской литературе, определяется чаще всего как бинарность. Однако нам представляется плодотворной точка зрения Ю. Лотмана, неоднократно обращавшего внимание на то, что при изучении культуры как непрерывно движущегося процесса мы оказываемся «...не в центре однозначной и легко моделируемой, описываемой структуры, а в центре живого мира, который сам себя осознает, постоянно взаимодействует со своими различными уровнями» [1]. В такой ситуации любое построение будет условностью описания, поскольку интересующий нас материал есть живой и не прекращающий своего движения объект, постоянно меняющийся, не являющийся чем-то самим себе равным. Отталкиваясь от идеи Ю. Лотмана о том, что русская культура XIX в., проявляя структурное единство, внутри себя делится на два различных структурных модуса: бинарную и тернарную системы, – мы вместе с тем не можем согласиться с выводом ученого об их либо параллельном сосуществовании, либо противоположности (Ю. Лотман противопоставляет бинарность Ф. Достоевского и тернарность Л. Толстого), либо об уникальности только двух исключительных моментов их совмещения в творчестве А. Пушкина как начального этапа развития русской классической культуры, и А. Чехова как ее итога.

Имея в виду основные структурные закономерности дуального смыслополагания, мы стремимся исследовать внутреннее содержание и структурный принцип тернарной парадигмы,

реализующейся в русской культуре XIX–XX вв. Мир духовный – территория культурных смыслов, где в результате медиации рождается срединная культура, осуществляет себя в литературных текстах XIX–XX вв. Русская литература XIX–XX вв. растворена в воздухе культуры. Ее лучшие произведения – это пристрастный полилог о судьбах России и ее культуры. Сложность «культуррефлексивного контекста» [2] определяется тем, что он является динамичным и рождается на пересечении русской литературы XIX–XX вв. с мировой культурой в целом. Можно говорить об интерактивности и несинхронности культуррефлексивного контекста, поскольку только учет многоуровневой, многосоставной коммуникации, полилога в «Большом времени» культуры [3], незамкнутости того или другого автора в своем хронотопе, открывает возможность проследить глубинную логику рождения смыслов. Плотность интеллектуальных переключек – свидетельство общего поля, как никогда напряженного в русской культуре XIX–XX вв., доказывающего и общность проблем, и общность решений, в том числе образных. Рассматривая русскую литературу XIX–XX вв. как культурное самосознание, мы имеем в виду, что она универсально репрезентативна и, как пограничное явление, выражает ментальные ценности всей культуры. Как утверждает Ю. Лотман, «законообразующий центр культуры, генетически восходящий к первоначальному мифологическому ядру, реконструирует мир как полностью упорядоченный, наделенный единым сюжетом и высшим смыслом» [4]. Текст-конструкт как инвариант культуры определяет ее сквозной сюжет (их может быть несколько), структурирующий модель мира, в его социальной, религиозной, этической, аксиологической, эстетической иерархичности. Особенность культуррефлексивного контекста, в котором развивается сам принцип российского философствования XIX–XX вв., в том, что он тесно связан с вечной книгой христиан, ее пафосом, мистикой ее постижения мира. Русские писатели XIX–XX вв., придерживающиеся христианских взглядов, выдвигали концепцию человека и мира, в которой синтезировали трансцендентное и имманентное. Предполагалось, что в личности заложены два начала: «новый человек», сотворенный «Духом Святым», и «ветхий человек», влекомый ко злу. Соответственно, есть земной Иерусалим и небесный. Эти начала выступали не в виде иллюстративной схемы – они воплощались в сложных психологических комплексах, в живых человеческих характерах и конкретно-исторических, эмпирических обстоятельствах. Однако повседневное, земное сопрягалось в особой поэтической системе с Высшим началом. Из этого синтеза возникала своеобразная третья реальность, которая обособывалась русскими религиозными философами-неоидеалистами С. Франком, Н. Лосским, С. Булгаковым. Следует говорить вообще не о двух, а о трех сферах Бытия. Одна сфера – предметный мир, то есть мир эмпирический, исторически-имманентный. Вторая сфера – мир метафизический, мистический, вечный. И третий мир – ненаблюдаемая реальность, сопрягающая земное и сверхземное, душевное и Духовное. Имея в виду подобный синтез, осуществляемый за счет творческих усилий человеческого Духа в его прямом обращении к Богу, С. Франк назвал свою философскую систему «идеал-реализмом» [5]. В работах И. Есаулова, М. Дунаева, А. Алексеева, А. Любимудрова закономерно актуализировался термин «духовный» или «христианский реализм» [6]. Однако при выявлении доминантных особенностей художественного сознания в литературе XIX–XX вв. необходимо иметь в виду, что стремление воплотить действительность с точки зрения вечности не обязательно связано у того или иного художника напрямую с религиозной мистикой. Вот почему более корректным было бы вести речь об экзистенциально-онтологическом реализме [7]. Тернарность русской литературы органически выявляет ее имманентную синтетичность через экзистенциальные интенции. В этих рамках мир жизни располагается между добром и злом, а центром внимания оказывается мир обыденной жизни. Этот мир может оцениваться как мир пошлости, и тогда зло будет принимать облик своего обычного, каждодневного проявления, как у А. Чехова, но он может оцениваться и как мир естественного человеческого существования, мир, который оправдан не добром и не злом, не талантом и не преступлением, не высокой нравственностью и не низкой безнравственностью, а просто своим бытием, как у Л. Толстого, А. Ахматовой, В. Набокова. Это мир пушкинского Евгения из «Медного всадника», мир героя, который не обладает ни умом, ни талантом, это мир гоголевского Башмачкина, несчастного Мармеладова. Здесь важно представление о том, что человеческое бытие на земле не нуждается во внешнем оправдании и само по себе имеет безусловную ценность. Зло мыслится как отклонение от возможностей человеческой личности, а добро – как реализация их. И добро, и зло в своем одновременном слиянии находятся в человеческой личности в ее обыденном проявлении и реализуются в чистом виде в двух полярных элементах тернарной схемы. У Л. Толстого мы сталкиваемся с героями саморазвития и самооценки, и с героями существования, которые не подлежат оценке, чей мир – поэтический, он в определенном смысле лежит вне нравственных оценок, оправдан тем, чем оправдана жизнь, – фактом своего существования. Тернарная модель создает в русской литературе возможность оправдания жизнью и вносит, рядом с религиозно-этической оценкой нрав-

ственности, ее эстетическую и философскую оценку, представление о том, что бытие нравственно по своей природе, а зло есть уклонение самого человека от природы бытия. «Жизнь хороша, а мы были гадки» [8], – говорит Лиза Подроску. «Надо полюбить жизнь прежде ее смысла» [9], – истина, выстраданная Алешей Карамазовым. Отсюда – характерная для русской литературы, да и в целом для национального сознания, мысль об искажении сущностной природы человека, его «натуры» вторжением социального зла и рационализма. Бинарность и тернарность – это не параллельные тенденции, а неотделимые и взаимосвязанные аспекты единого целого культуры XIX–XX вв. Именно существование их в некоем едином целом и одновременное столкновение этих двух тенденций и создавало необходимое внутреннее разнообразие культуры, обеспечившее динамику системы как таковой. Но бинарная парадигма, порождая синтетическую структуру, реализовывалась по-разному в исторической и духовно-эстетической практиках. В истории она приводила лишь к торжеству мертвого догматизма, статики, антисинтезу (терроризм, большевизм, революция, все виды насилия). В духовной же и художественной сфере синтетическое воплощение идеала реализовывалось в многообразных его вариантах, сохраняя свою суть и являясь мощным противовесом исторической реальности, влияя на нее, опосредованно изменяя ее.

Система русской культуры, таким образом, обладала изначально способностью саморазвития и осмысления внележащих структур в переводе на свой внутренний язык именно потому, что она была разнообразна и могла себя осознавать в формах постепенного перевода то на одну, то на другую знаковую систему. Тернарная модель в русской литературе XIX–XX вв., в отличие от бинарной, представляет собой движение мысли не от рациональной схемы, умозрения, идеи, модели к реальности (натуре), а от реальности к умозрению. Это проявляется на примерах творчества Ф. Достоевского и Л. Толстого, где реальность (натура) всегда вступает в противоречие с идеологической умозрительной схемой и представляет нечто более богатое и глубокое. Тернарная модель всегда бывает внутренне подвижна, неравновесна. Бинарные модели логически последовательны, непротиворечивы, так как исключают момент динамического синтеза и переструктурирования системы. Происхождение русских тернарных моделей противоречиво также: на общую христианскую бинарность, из которой закономерно вырастает тернарность, – накладывается противоречивое синкретическое мироощущение языческого типа, оправдывающее мир жизни как таковой. Экзистенциальная парадигма русской культуры опирается и на «идею троичного единства, которое всегда существовало на Руси как идеал, воплощенный в русской святости и религиозном искусстве» [10]. Н. Бердяев обращал внимание на «экзистенциальный смысл» троичности: «Три есть священное число, потому что оно означает завершение, преодоление всякой двойственности, раздвоения...; троичность есть не только единство, но и идеальное множество» [11]. Об экзистенциальном смысле троичности писали С. Булгаков, П. Флоренский, С. Франк, кн. Е. Трубецкой [12]. В то же время многие литературные источники XIX–XX вв. в русской культуре противопоставляют официальному христианству народную его интерпретацию, где языческое начало неразрывно с христианством. Но апелляция к язычеству – не единственный путь структурирования синтеза. И здесь в качестве примеров можно обращаться не только к образам языческого сознания, воплощенным в русской литературе (концепция любви и смерти в «Снегурочке» и «Грозе» А. Островского, Митенька Карамазов у Достоевского с его гимном индивидуальному бытию, мироощущение лирической героини М. Цветаевой, бунтующей против смерти, попирающей жизнелюбием законы небытия), но и к противоречию между официальным русским православием, богословием и русской философией, и вообще всеми попытками «еретиков» от русской духовности к «реформации» в сфере церковной догматики. Любые попытки христианского инакомыслия, предполагавшие допущение мировоззренческого плюрализма, возникновение разных течений в религиозной духовности (Нил Сорский, Л. Толстой, В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, А. Мень), взрывали бинарную модель изнутри, актуализируя синтетическую структуру. Мы рассматриваем их (все они самобытны и не тождественны) не как исключения, а как закономерные этапы на пути самоопределения и самовыявления русской духовности, ее сложного, многосоставного синтетически становящегося смыслополагания.

Тернарные модели Л. Толстого и Ф. Достоевского, внутренне противоречивые, тоже структурируются как динамические синтезы. С одной стороны, антиномия «естественной» жизни, гармонической, с другой – «противоестественная», отрицательная, конструируемая человеком. На эту схему накладывается другая: созданный человеком мир распадается на мир, остановившийся в своей противоестественности, и мир, который, выявляя свою природу, приобретает высшую нравственную ценность. Чтобы приблизиться к исходной ценности, он должен от нее предельно удалиться. Таков путь героев Достоевского, укладывающийся в евангельский алгоритм: грехопадение – духовная смерть – Воскресение. Пересечение этих двух моделей, из которых каждая в отдельности бинарна по своей структуре, создает непоследовательную тернарную

модель, описывающую реальность действительности (может описывать, но не строить их в реальности), а бинарная модель позволяет строить строго последовательную структуру, но непременно вступает в конфронтацию с эмпирической реальностью, воплощаясь на практике в анти-синтетических формах. Деструктивному характеру социокультурных процессов противостоит трихотомичное мышление, в категориях троичного алгоритма, способное членить картину мира по логике триад. Русская литература и является такой формой саморефлексии и самоидентификации культуры в режиме тернарной системы ценностей. Тернарные модели, реализованные в творчестве А. Пушкина и А. Чехова, пограничные (начало и конец) и внутренне более сложные. Путь А. Пушкина выходит даже за рамки тернарной схемы и может осознаваться как полиглотический, преодолевающий бинарную жесткость и полярность. Справедлива обобщающая точка зрения современного философа культуры И. В. Кондакова, отмечающего значение и роль Пушкина для отечественного самосознания в целом: «Пушкин – это формула созидания русской культуры, осмысленного, одухотворенного бытия, каким бы страшным и беспросветным оно ни казалось (“я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”)... Пушкин – многосторонность, многомерность, многозначность русского сознания, русской души, русской жизни... архетипическая мера русской культуры, тем более важная, что в русской культуре обычно торжествует безмерность, неизмеримость, стихийность» [13]. Логика и формула, заданная А. Пушкиным, становится сквозной во всей последующей русской литературе XIX–XX вв. и проявляется как у Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Гончарова, так и у акмеистов, М. Булгакова, Г. Газданова, Б. Пастернака, И. Бродского, В. Высоцкого, А. Солженицына, Л. Петрушевской, Ю. Мамлеева, В. Набокова, в форме экзистенциального мировидения. Здесь огромна роль А. Чехова, соединившего бинарную структуру анекдота (и вообще бинарности второстепенной литературы) с тернарной структурой психологической повести, проложил новые пути и заложил новые способы выражения и воплощения русской экзистенции уже в рамках философской парадигмы XX в.

Итак, мы рассматриваем русскую культуру как принципиально незамкнутую модель, которая характеризуется специфической особенностью – все время выходить за свои пределы. Пересечение многообразных структур – основной механизм ее культурной эволюции. Литература и философия, и культура в целом, – это не только объективно динамический процесс, но динамический процесс, сам себя осознающий и все время собственным сознанием вторгающийся в свое развитие. Сам характер и сами способы идеального бытия и воплощенного существования в семиотическом поле культуры языков философии и литературы будут различны. М. Каган вводит понятие «суперструктуры» [14], интегрирующей идеальные и материальные структуры, синтетически объединяющие вещественно-телесные и духовно-концептуальные, знаковые подсистемы. Такой суперструктурой и является, с нашей точки зрения, русская литература XIX–XX вв. Со-природные свойства и функции суперструктуры проявляются и в русской философии рассматриваемого периода. Их взаимоотношения могут характеризоваться как отношения, основанные на принципе дополнительности.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Наука, 2008. С. 193.
2. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М. : Аспект пресс, 1997. С. 10.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Сов. Россия, 1979. С. 125.
4. Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. М. : Искусство, 1992. С. 276.
5. Франк С. Смысл жизни // Франк С. Духовные основы общества. М. : Правда, 1992. С. 114.
6. Есаулов И. Тоталитарность и соборность: два лика русской культуры // Вопросы литературы. 1992. Вып. 1. С. 158.
7. Гашева Н. Н. Синтез в русской культуре: типология и динамика форм. Пермь : Перм. гос. ин-т искусства и культуры, 2009. С. 105.
8. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 15. Л. : Наука, 1978. С. 297.
9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 14. Л. : Наука, 1981. С. 440.
10. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Прогресс, 1993. С. 43.
11. Там же. С. 78.
12. Булгаков С. Философский смысл троичности // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 106.
13. Кондаков И. В. Вместо Пушкина. Незавершенный проект. Этюды о русском постмодернизме. М. : МБА, 2011. С. 265.
14. Каган М. С. Синергетика и культурология // Синергетика и методы науки. СПб. : Наука, 1997. С. 153.

Notes

1. Lotman YU. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles about semiotics of culture and art]. SPb. Nauka. 2008. P.193.
2. Kondakov I. V. *Vvedenie v istoriyu russkoj kul'tury* [Introduction to the history of Russian culture]. M. Aspect press. 1997. P. 10.
3. Bahtin M. M. *EHstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Sov. Russia. 1979. P. 125.
4. Lotman YU. M. *Neskol'ko myslej o tipologii kul'tury* [Some thoughts on the typology of culture] // *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* – Languages of culture and problems of translation. M. Iskusstvo. 1992. P. 276.
5. Frank S. *Smysl zhizni* [Meaning of life] // *Frank S. Duhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. M. Pravda. 1992. P.114.
6. Frank S. *Duhovnye osnovy obshchestva* [Totalitarianism and sobornost: two faces of Russian culture] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 1992, is. 1, p. 158.
7. Gasheva N. N. *Sintez v russkoj kul'ture: tipologiya i dinamika form* [Synthesis in Russian culture: typology, dynamics and forms]. Perm. Perm state Institute of Art and Culture 2009. P. 105.
8. Dostoevskij F. M. *Podrostok* [Teenager] // *Dostoevskij F. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Full. Coll.: in 30 vol.] Vol. 15. Leningrad. Nauka. 1978. P. 297.
9. Dostoevskij F. M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov] // *Dostoevskij F. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Full. Coll.: in 30 vol.] Vol. 14. L. Nauka. 1981. P. 440.
10. Berdyaev N. A. *O naznachanii cheloveka* [Destiny of man]. M. Progress. 1993. P. 43.
11. Ibid. P. 78.
12. Bulgakov S. *Filosofskij smysl troichnosti* [Philosophical meaning of the Trinity] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1989, No. 12, p. 106.
13. Kondakov I. V. *Vmesto Pushkina. Nezavershennyj projekt. Ehtyudy o russkom postmodernizme* [Instead Of Pushkin. Unfinished project. Sketches of Russian postmodernism]. M. IBA. 2011. P. 265.
14. Kagan M. S. *Sinergetika i kul'turologiya* [Cultural studies and synergetics] // *Sinergetika i metody nauki* – Synergetics and methods of science. SPb. Nauka, 1997. P. 153.

УДК 1(091):111.1

Т. А. Горюнова

О бытии и понимании языка Аристотелем

В статье речь идёт об особом рассмотрении Аристотелем как бытия, так и языка. Понимание Аристотелем бытия как наличной совокупности единичных вещей-сущностей находится в связи с его пониманием языка как системы высказываний-предложений. Язык выражает наличие или отсутствие у этих вещей-сущностей определённых свойств или предикатов. При описании языка здесь центр тяжести смещен с имён на предложения, которые утверждают или отрицают наличие или отсутствие у вещей определённых свойств. Имена признаются лишь условными обозначениями вещей, а сам язык представлен как универсальная знаковая система, несущая предметно-логическое содержание. В Новое время это приведёт к тенденции опредмечивания сущего, где происходит разрыв онтологической связи между словом и вещью.

The article deals with Aristotle's special consideration of both being and language. Aristotle's understanding of being as a set of single things-essences is in connection with his understanding of language as a system of statements-sentences. The language expresses the presence or absence of certain properties or predicates of these things-essences. In the description of the language, the center of gravity is shifted from the names to the sentences, which prove or deny the existence or absence of certain properties of things. The names are recognized only as the symbols of things, but the language itself is represented as a universal system of signs, which has a content of logical subject. In modern times it will lead to a tendency towards objectification of the entity, where a discontinuity of the ontological connection between the word and the thing occurs.

Ключевые слова: бытие, язык, мышление, логика, свойства вещей, категории, имена, высказывание, знаковая система, онтологическая связь, значение слова.

Keywords: being, language, thinking, logics, properties of things, categories, names, statements, system of signs, ontological connection, word meaning.

Для Аристотеля категория сущности является представителем бытия среди других категорий. Она не может быть предикатом чего-либо другого, она сама является подлежащим, о котором сказывается всё остальное. Сущность есть сама по себе, она не есть вторичное. Сущности Аристотеля – это индивидуальные предметы: вот эти деревья, вот этот человек. Поэтому бытие

для него – это и есть совокупность предметов, вещей, находящихся в движении и изменении. В этом смысле бытие в качестве общих умопостигаемых идей (например, человек как таковой) не противопоставляется налично сущему, а отождествляется с ним.

Для нас важно отметить, что у Аристотеля бытие и сущее выступают как синонимы. По крайней мере, различие этих понятий у греческого мыслителя не носит принципиального характера, например, по сравнению, с философией М. Хайдеггера [1].

Противоположности у Аристотеля соединяются через сущности, отсюда вытекает невозможность их непосредственного соединения. Стагирит формулирует в качестве важнейшего закон непротиворечия, называемый им началом, относительно которого нельзя ошибиться: «...невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и все другое, что мы могли бы еще уточнить, пусть будет уточнено во избежание словесных затруднений)» [2].

Аристотель называет его самым достоверным, очевидным и свободным от всякой предположительности. И в то же время он весьма обстоятельно занимается разъяснением и обоснованием этого начала, споря с философами, которые утверждают противоположное. «Исходная точка всех подобных доводов (*в пользу вышеприведённого начала*. – Т. Г.) состоит не в том, чтобы требовать [от противника] признать, что нечто или существует, или не существует (это можно было бы, пожалуй, принять за предвосхищение того, что вначале подлежит доказательству), а в том, чтобы сказанное им хоть что-то означало и для него, и для другого; это ведь необходимо, если только он что-то высказывает, иначе он ничего не говорит ни себе, ни другому. Но если такую необходимость признают, то доказательство уже будет возможно; в самом деле, тогда уже будет налицо нечто определённое» [3].

Итак, довод в пользу рассматриваемого начала состоит в признании или, по крайней мере, включает признание того, что любое высказывание должно что-то означать, то есть должно быть высказыванием определённой мысли: если признаешь, что то, что высказываешь, значит что-то определённое, то должен признать, что нечто существует или не существует (другая формулировка самого достоверного и очевидного начала). При этом здесь даже неважно, что именно высказывать. Важно, чтобы вообще высказывалось нечто определённое. Даже когда возражаешь, выступая именно против признания вышеприведённого начала, то это тоже означает утверждать что-то определённое. Следовательно, должно также признать, что нечто существует или не существует, и не может одно и то же в одно и то же время быть и не быть присущим одному и тому же в одном и том же отношении.

Обратим внимание на то, что в первой части аристотелевского обоснования начала, именно в посылке, речь идёт о свойствах любого осмысленного высказывания: высказывание должно означать что-то определённое, определённую мысль. Во второй части, именно в заключении, речь идет о свойствах сущего как такового, то есть об онтологии. Получается, что мыслитель обосновывает бытие и свойства сущего, опираясь на свойства языка. Но очевидно, что язык – это одно, а бытие как таковое – это другое.

Очевидно, что здесь налицо нарушение закона тождества, согласно которому предмет мысли в ходе рассуждения должен оставаться тождественным (равным) самому себе. То есть при рассуждении о языке необходимо рассуждать именно о языке, при рассуждении о свойствах сущего – о свойствах сущего. Даже если принять, что язык есть тоже часть сущего, то есть всего, что существует, получается, что на основании свойств части сущего делается вывод о свойствах сущего как такового.

Но именно в этом нарушении закона тождества сам Аристотель упрекает тех, кто признаёт, что вещи существуют и не существуют. Эти люди, пишет он, придерживаются двух противоположных мнений, считают, что вещи существуют и одновременно, что вещи не существуют, тем самым они не имеют какого-то одного определённого мнения.

Можно предположить, что Аристотель так свободно движется в рассуждениях от свойств языка к свойствам сущего и наоборот в силу недостаточного понимания различия между языком и сущим.

Так, В. Ф. Асмус говорит о неразработанности у Аристотеля вопроса об отношениях и связях категорий – логических и лингвистических: «категории выступают у него то как категории бытия (метафизические), то как категории познания (гносеологические), то как категории языка (грамматические)» [4].

И Э. Кассирер отмечает, что категории Аристотеля представляют наиболее общие характеристики бытия, являясь в качестве таковых одновременно высшими родами высказываний, и что структура предложения и его разбор по словам и классам слов служат мыслителю моделью для описания свойств бытия [5].

Итак, Аристотель не делает различий между категориями языка, логики и бытия, и поэтому он свободно переходит от одного к другому.

Подчеркнём, что интерпретация понятий (категорий), вычлененных философом из языка, имеет онтологическую направленность. Структура языка, его грамматический строй помогают Аристотелю изучать не просто логику мышления, но постигнуть логику бытия. Именно с Аристотеля началась традиция рассматривать язык как особое средство выражения предметного содержания, как оболочку, за которой скрываются структуры логического содержания. Его категории становятся в определённом смысле способами высказывания о бытии. Здесь речь идёт об особом понимании как сущего, так и языка, именно таком понимании, которое позволяет апеллировать к языку, чтобы описывать бытие.

Особенность понимания сущего античным мыслителем состоит, как было выяснено, в отождествлении бытия с налично существующим – совокупностью вещей, явлений, которые выступают самостоятельными сущностями, находящимися в различных отношениях между собой и в связи с этим обладающими различными свойствами или предикатами. Поэтому и язык должен выражать наличие или отсутствие у этих вещей-сущностей определённых свойств, то есть предикатов.

Но это означает, что центр тяжести при описании языка у Аристотеля должен сместиться с имён на предложения, которые как раз и утверждают или отрицают наличие или отсутствие у вещей определённых свойств, то есть предикатов. Сами же имена должны признаваться лишь как условные обозначения вещей. Важно одно, чтобы они позволяли отличать одну вещь от другой.

Именно это обнаруживается при разборе положений Стагирита по поводу языка. В них язык предстаёт как система знаков (звукосочетаний), обозначающих вещи и отношения между ними, то есть как область особых предметов – звуков, слов, знаков. Язык изучается как вещь, как естественное, хотя и органически связанное с человеком, явление, как универсальная знаковая система, несущая предметно-логическое содержание. Об этом пишет К. Бюлер, указывая, что у Аристотеля «язык – знак вещей», и называя это признаком «косвенной» репрезентации [6].

Аристотель рассматривает отдельные слова (простые) и их значение и высказывания, слова в предложении (составные) и их смысл. Отдельное слово имеет определённое, именно это, значение и указывает на сущность или какие-то свойства предмета. Аристотель говорит о том, что слова в языке вносят эту определённость в представление о сущем: «...верно по крайней мере то, что слово “быть” или слово “не быть” обозначает нечто определённое, следовательно, не может что-либо [в одно и то же время] обстоять так и не так» [7]. Приведённые в цитате глаголы «быть» и «не быть» указывают на свойства конкретности, определённости сущего, одна существующая вещь не может быть одновременно такой и не такой.

Отдельное слово в реальности может иметь несколько значений, оно полисеманлично. Однако таких значений у него должно быть определённое, то есть конечное, число: «...слово имеет больше одного значения, лишь бы их было определённое число» [8]. Таким образом, можно всё же добиться однозначности, то есть приписывания каждой вещи одного имени. В противном случае при бесчисленном, неопределённом, бесконечном числе значений сама речь была бы невозможна, не было бы адекватного познания и взаимопонимания людей: «...не означать что-то одно – значит ничего не означать; если же слова ничего [определённого] не обозначают, то конец всякому рассуждению за и против...» [9].

Движение в рассуждениях Аристотеля происходит внутри языка, поскольку слова что-то обозначают именно в языке. А далее идёт переход к движению уже внутри мира, вне языка, здесь затрагивается категория бытия: «...в самом деле, “быть человеком” и “не быть человеком” означает разное, если уже “быть бледным” и “быть человеком” – разное...» [12]. И «тогда “быть человеком” не может означать то же, что “не быть человеком”...» [13]. Исходя из сказанного, одно и то же на самом деле, в реальности, в сущем одновременно быть и не быть не может. Такое вероятно лишь при многозначности слова в языке. Но Стагирит уже показал в своих логических выкладках, что при бесконечной многозначности слова вообще нельзя будет что-то сказать. Если же ввести определённое конечное число значений, этой многозначности можно избежать.

Слова могут быть высказаны сами по себе – «без связи» или же в соединении – «в связи». Однако произнесённые вне связи, отдельно, для полной смысловой ясности слова нуждаются в определении. Определение, отмечает античный учёный, обозначает то, что очень близко к сущности вещи: «...определение основывается на необходимости того, чтобы сказанное им что-то значило, ибо определением будет обозначение сути (logos) через слово» [14], «...определение есть обозначение сути бытия вещи и что суть бытия имеется для одних только сущностей, или главным образом для них, первично и прямо» [15]. Определение – это суть бытия вещей. Только со-

единяясь в высказывание (высказывающую речь), слова выражают смысл, означая определённую вещь, указывая на свойства вещей в мире.

Итак, можно сказать, что категории языка, мышления и бытия выступают в аристотелевской концепции в неслучайном единстве. Понимание сущего как наличной совокупности единичных вещей-субстанций-сущностей находится в связи с пониманием языка как системы высказываний. Слова, называя вещи, позволяют отличить одну вещь от другой. Язык в целом выражает представления о наличии или отсутствии у вещей-сущностей определённых свойств и качеств.

Более того, Аристотель говорит о языке как условной системе знаков (имён, глаголов, высказываний), обозначающей вещь и отношения между ними. По мнению философа, сам процесс именования включает в себя три компонента – предмет, представление предмета в душе (значение) и слово, причём представления одинаковы у всех людей и универсальны, безотносительны к субъективным особенностям отражения действительности. Одинаковы для всех и предметы, и представления о них. Язык становится копией реальности. Далее происходит разрыв онтологической связи между словом и вещью, в результате слово лишается бытийственности, превращаясь в произвольный знак, условный символ. Идея о произвольности языкового знака хорошо отражает новоевропейскую тенденцию опредмечивания сущего, когда бытие вещи становится независимым от способа обговорённости в языке и в слове, через которые вещь только называется.

Примечания

1. Гайденко П. П. Понимание бытия в античной и средневековой философии // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 289.
2. Аристотель. Метафизика, IV, 3, 1005b 20.
3. Там же. VI, 4, 1006a 20-25.
4. Асмус В. Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 42-43.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М. ; СПб., 2002. С. 59.
6. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2000. С. 169.
7. Метафизика, IV, 4, 1006a 29-31.
8. Там же. IV, 4, 1006b.
9. Там же. IV, 4, 1006b 8-9.
10. Там же. IV, 4, 1006b 15-18.
11. Там же. IV, 4, 1006b 28-29.
12. Там же. IV, 4, 1007a 1-2.
13. Там же. IV, 4, 1006b 13.
14. Там же. IV, 7, 1012a 22-24.
15. Там же. VII, 5, 1031a 13-14.

Notes

1. Gajdenko P. P. *Ponimanie bytiya v antichnoj i srednevekovoj filosofii* [Understanding of being in ancient and medieval philosophy] // *Antichnost' kak tip kul'tury* – Antiquity as a type of culture. M. 1988. P. 289.
2. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics], IV, 3, 1005b 20.
3. Ibid. VI, 4, 1006a 20 25.
4. Asmus V. *Metafizika Aristotelya* [Metaphysics of Aristotle] // *Aristotle. Sochineniya : v 4 t.* [Compositions: in 4 vol.] Vol. 1. M. 1975. Pp. 42-43.
5. Cassirer E.H. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. YAzyk* [Philosophy of symbolic forms]. Vol. 1. Language. M.; SPb. 2002. P. 59.
6. Byuler K. *Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funkciya yazyka* [The theory of language. Representative function of language]. M. 2000. P. 169.
7. Metaphysics, IV, 4, 1006a 29 31.
8. Ibid. IV, 4, 1006b.
9. Ibid. IV, 4, 1006b 8-9.
10. Ibid. IV, 4, 1006b 15-18.
11. Ibid. IV, 4, 1006b 28-29.
12. Ibid. IV, 4, 1007a 1-2.
13. Ibid. IV, 4, 13 1006b.
14. Ibid. IV, 7, 1012a 22-24.
15. Ibid. VII, 5, 1031a 13-14.

Фреймирование и символизация в опыте конституирования социальных объектов

В статье представлена критическая аналитика теории фреймов в социальных исследованиях. Фрейминг рассматривается авторами в широком контексте современных кросс-дисциплинарных исследований, позволяющих преодолевать узкие рамки отдельных дисциплинарных онтологий и формировать новые области проблематизации и дискурса. По мнению авторов, современный формат публичной политики немаловажен вне контекста конкурентной борьбы репрезентативных схем и практик фреймирования. Фреймируются как отдельные события, так и целостные сюжеты политической жизни, задавая смысловую определенность как действительным, так и фиктивным явлениям социального взаимодействия. Нация в качестве этноконцепта и аналитической категории этнополитики, как полагают авторы, является результатом взаимодействия коррелятивных событий медиатизации, фреймирования и символизации, осуществляемых в дискурсе публичной политики.

In the article the critical analytics of frame theory in social studies is stated. Framing is reviewed by the authors in the wide context of modern interdisciplinary research works, which help to overpass narrow bounds of specific disciplinary ontologies and form new areas of problematization and discourse. According to the authors, the modern format of public policy is unthinkable outside of the context of the competitive struggle of representative schemes and frame practice. Framing design as a separate event, and integral subjects of political life, specifying semantic certainty to both real and fictitious phenomena of social interaction. Nation as an ethnoconcept and analytical category of ethnopolitics, from the authors' point of view, is the result of interaction of correlative events of mediatization, framing and symbolization, that are realized in public politics discourse.

Ключевые слова: дискурс-анализ, коммуникативистика, конструктивизм, нация, примордиализм, семиосфера, теория медиа, фрейминг.

Keywords: discourse-analysis, communication science, constructivism, nation, primordialism, semiotic sphere, media theory, framing.

Дискуссии о семантическом и прагматическом измерениях фрейм-концепта [1] в западной социальной теории не ослабевают и со временем демонстрируют тенденцию к самотиражированию и пролиферативному росту. Не случайно фрейм-аналитика значительно распространена в теории социальной коммуникации, дискурс-анализе и широком спектре нарратологических и когнитивных исследований [2], являясь действительно «хорошей идеей» [3] в перспективных областях социально-гуманитарного дискурса. Значимость фрейм-концепта проявляется в эвристике возвратных практик реактуализации и реартикуляции прежних смыслов социальной теории. Кроме того, теория фреймов, учитывая ее трансдисциплинарный характер, в русле очерченной проблематики синтеза различных областей социогуманитарного знания оказалась «способна обеспечить связь идей социального конструирования с идеями факторов организационного и политического процесса» [4]. Медиаторский связующий потенциал теории фреймов проявляется в «повышенной кросс-дисциплинарной мобильности» [5] данной теоретической области, размыкающей прежние рамки и границы социогуманитаристики и формирующей новые области проблематизации и дискурса.

Полемика о соотношении идеологических клише и фреймов политического взаимодействия, как указывает В. Э. Гончаров [6], на первый взгляд имела характер типичного междисциплинарного конфликта коммуникативистики и теории идеологии. Впоследствии, однако, обнаружилась большая степень релевантности фрейм-аналитики современным политическим практикам и технологиям, ее гибкость и адаптированность широте и охвату массовой аудитории фреймирования. Очевидное несоответствие «между сложностью идеологических доктрин и массовым характером участия» [7] электоральных групп в социальных движениях явилось зримым концептуальным недостатком ортодоксальных идеологических теорий, которые оказались вне генерального тренда изменений современной электоральной политики.

Идеологические конструкции индустриализма (модернизма), как оказалось, сложно вписываются в нынешний ментальный контекст «liquid modernity» [8] с характерными для данного

типа социальности стратегиями детерриториализации традиционных пространств и децентрации иерархических структур социума. «Текучесть», «изменчивость», «диффузность» социальной среды, фиксируемые социальными теоретиками в гуманитарной прогностике второй половины XX в., становятся диагнозом нашего времени как эпохи «растопливания твердых тел» [9]. Собственно говоря, происходит одновременное выхолащивание идеологических доктрин «modernity» и деформация их связи с ключевыми референтными группами в политической системе. Этим очевидным обстоятельством объясняется тот драматический сдвиг в направлении электоральной политики западных стран, которым отмечено окончание прошлого века. Логика «перехода от непосредственного взаимодействия избирателей с кандидатом и волонтерами в предвыборный период к коммуникации, опосредованной СМИ» [10] определена банальной массовизацией электорального поля и деконструкцией основополагающих идеологических принципов.

Политика, превращенная в медиаполитику и медиабизнес, опирается теперь на фейковые новости, заказные сюжеты и сфабрикованные политические нарративы, апеллируя к различным целевым аудиториям медиапотребителей. Коммуникация власти и общества замещается властью коммуникации и господством коммуникационной власти, которая отныне «находится в сердце структуры и динамики общества» [11]. И если прежняя власть действовала через привычные механизмы политического контроля (насилие, авторитет, сакралитет), то коммуникативная власть оказывается более тотальной, тоталитарной и паноптической, высказывая претензии относительно доминирования в интенциональной сфере общества. По утверждению М. Кастельса, «конструируя смыслы на основе дискурсов, которыми социальные акторы, руководствуются в своих действиях» [12], коммуникативная власть включается в поле борьбы за человеческое сознание, в «фундаментальную битву за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни» [13].

Публичная политика теперь немыслима вне контекста конкурентной борьбы репрезентативных схем и практик фреймирования, используемых в целях овеществления и интериоризации формализованных субстанций политической реальности. Фреймируются как отдельные события, так и целостные сюжеты политической жизни, задавая смысловую определенность как действительным, так и фиктивным явлениям социального взаимодействия. При этом дереализация политических процессов происходит имплицитно, и, как правило, под благовидным предлогом восстановления объективной картины происходящего.

«Примордиализмом здравого смысла» называет Р. Брубейкер [14] аналогичные когнитивные стратегии в социальном познании, характеризующиеся тягой к эссенциалистским обобщениям и субстанциалистским реконструкциям. «Группизм», по мнению Брубейкера, в качестве методологической установки и мировоззренческого принципа, объединяет исследователей, склонных к реификации социальных явлений и процессов. Натуралистическая редукция этногрупп к субстанциальным сущностям, примордиальным образованиям одновременно предполагает наделение их субъектными интересами и потребностями, вменение им надындивидуальной целеустремленности и свободы.

«Народная социология», фундированная логикой здравого смысла, действует через механизм натурализации и овеществления, воспроизводя в своем опыте дискретные и суверенные субстанциальные образования, такие как раса, этнос, нация, которые и становятся главными акторами социальной драмы. Брубейкер призывает нас не просто переосмыслить исходные основания субстанциалистского (эссенциалистского) мышления, не превращаясь при этом из «аналитиков натурализма» в «натуралистов в анализе», а поставить некий предел размышлениям подобного рода, изменив принципы социального познания. Как указывает американский исследователь, «этнизация, расизация и национализация должны пониматься не как субстанциальные группы или сущности, а как практические категории, ситуативные действия, культурные идиомы, когнитивные схемы, дискурсивные фреймы, организационные устои, институциональные формы, политические проекты и случайные события» [15], то есть в качестве продуктов политического конструирования в их специфическом эпистемологическом измерении.

Понижая онтологический статус этногрупп до «события», «этноситуации», «этнопроцесса» в ряду трансформаций различных форм социального, мы, тем самым, становимся более чуткими в аналитике спекулятивных, манипулятивных и иных конъюнктурных форм представления социальной реальности. Подобный взвешенный подход позволяет, с одной стороны, более эффективно объяснять приемы и средства мнимой консолидации расовых, национальных и конфессиональных групп, а с другой стороны, предвидеть в обозримой перспективе потенциальный крах «группистских» стратегий в действующей социальной практике.

В этом смысле те или иные провалы «этнической мобилизации» выглядят не столь уж катастрофичными и судьбоносными, поскольку в действительности представляют собой сбои и

деформации в системе «этнического» мировосприятия, с предустановленным данному мировоззренческому типу практиками фреймирования. В результате то или иное социальное действие (межнациональный конфликт или межкультурный диалог) предполагает изначальную фреймированность и соответствующий тип представленности в дискурсивных практиках власти. Власть сама оживляет и воссоздает «отжившее» и «утраченное» в культурно-исторической памяти народа, фабулизируя несвязанные фрагменты событийности и управляя содержательным контекстом.

Не случайно исследователи [16] отмечают особый перформативный характер подобных стратегий социального конструирования, позволяющий, что называется, «переходить от слов к делу», овеществляя сказанное и таким образом внося свою лепту в производство того, о чем призвано лишь было заявить в дискурсе. Как отмечает С. А. Мироненко, «перформативные высказывания сами влекут за собой действия, которые они называют, и могут удаваться или не удаваться, то есть быть успешными или не успешными» [17], поэтому и оценивать перформативность можно без корреспондирования с истиной, а лишь через эффективность коммуникативного действия.

Социальные перформативы «этничности», «конфессиональности», «классовости» в указанной связи можно интерпретировать в качестве «феноменальных» событий, специфических процессов культурной жизни, в результате которых воссоздается (производится) социальная действительность. В данном случае мы имеем дело с сознательными актами культурного строительства – нарративными, дискурсивными, текстуальными стратегиями конституирования этнонациональных, религиозно-конфессиональных и социально-классовых общностей, выступающих в качестве базовых референтных фигур социальной истории.

Как указывает современный исследователь Х. Баба, нация как воображаемая общность или «имагинативное сообщество» в действительности является результирующей процессов культурной идентификации и дискурсивного обращения и «заполняет пустоту, оставшуюся после искоренения общин и родства, и переводит эту потерю на язык метафоры» [18]. Будучи неясной и вездесущей формой в генезисе западной культуры, сгенерированной в культурном опыте модернизма, нация по своим сущностным характеристикам (как нарративной стратегии и как аппарата власти) амбивалентна и признаком ее амбивалентности является «ее непрерывное перетекание в аналогичные, даже метонимические категории, такие как народ, меньшинства или “культурное различие”, которые постоянно пересекаются в акте письма нации» [19].

Очевидно, что субстанциальный статус нации можно и должно проблематизировать, однако столь же очевидным является присутствие нации в социально-когнитивном пространстве и в пространстве социокommunikаций. И даже если мы поставим под сомнение эту «прогрессивную метафору всеобщей социальной связанности – “многие как одно”» [20], ее присутствие в социально-политическом дискурсе весомо и определяюще. Нация, если так можно выразиться, остается фактом ментальной жизни социума. Фактом изменчивым, подчас ситуативным, клишированным и идеологизированным, но, тем не менее, реальным в своей идеациональной природе и медиатизированной форме.

Медиатизация реальности сама является реальностью общества, причем как современного, так и традиционного. Поэтому, безусловно, любая этнонациональная или этноконфессиональная проблематика, существующая в публичном дискурсе, представляет собой ряд взаимосвязанных и коррелятивных медиатизации событий символизации, означивания и фреймирования.

Идея символической власти как власти, опирающейся на повсеместность коммуникации, которая, в свою очередь, становится основой любого социального действия, обретает парадигмальные черты и распространяется далеко за пределы «media studies». Как утверждают авторы современного учебника по истории и теории медиа, опыт взаимодействия с людьми происходит через те или иные «подсознательные модели коммуникации, своего рода грамматику коммуникаций, и именно она становится основой нашей повседневности» [21]. Выбор этих грамматико-коммуникативных средств не является произвольным и определяется интенциями властных и знаниевых предписаний, определяющих актуальную информационную повестку дня.

В интересующем нас контексте фреймирования «этнического» мировоззрения, являющегося частью стратегии коммуникативного акта символической власти, чрезвычайно интересным представляется опыт строительства нации (nation building) в границах символического концепта «столица». «Столичность» является базовым фреймированным понятием в семантике национальной идентичности, раскрывающим нам механизмы функционирования этноконцепта в семиосфере. В связи с этим принято говорить о символической функции «столичности» в интеграции этноса, о «мистерии центра» [22] как о ритуале организации национально-государственного пространства. Современный исследователь и философ-урбанист В. И. Россман [23] специ-

ально останавливается на трех аспектах эффективности символических функций столицы. Символы «столичности» инклюзивны или репрезентативны по отношению ко всем участникам национального проекта, поэтому предполагают участие «микронарративов различных конституирующих элементов нации в визуальном ряде города и метанарративах, которые в нем воплощаются» [24]. Эффективность символов столицы также отчетливо проявляется в их перформативном характере, то есть в способности актуализировать национальные смыслы через осуществление конкретных интегративных действий. Кроме того, успех символов столицы обеспечивается тем, «в какой степени они включают вертикальное или глобальное измерение» [25], гарантирующее им свое местоположение в пространстве мировой истории.

В любом из представленных срезов «столичности» ее потенциал связан с механизмами реконструирования тех смыслов и символов, которые не являются внеположными человеку и обществу. Это сознательное культуросоздающее творчество, целенаправленный процесс национального строительства, имеющий альтернативные способы проектирования, воплощения и реализации в духовном опыте ключевых субъектов общественной жизни.

Примечания

1. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. L. : Harper and Row, 1974. 124 p.
2. Пономарев Н. Ф. Когнитивные и лингвистические механизмы нарративного политического фрейминга // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи : материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / отв. ред. Н. В. Соловьева ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 88–95.
3. Oliver P., Johnston H. What a Good Idea! Ideologies and Frames in Social Movement // Mobilization. 2000. Vol. 5. Issue 1. P. 37–54.
4. Там же. Р. 37.
5. Вахштайн В. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4. С. 24.
6. Гончаров В. Э. Идеологический фрейминг как политическая технология. URL: <http://political-technology.ru/index.php/2011-04-30-02-48-49/69-2013-01-02-14-39-25> (дата обращения: 05.02.2017).
7. Там же.
8. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
9. Там же. С. 9.
10. Гончаров В. Э. Странствующие рыцари демократии. Политические консультанты в XXI веке : монография. СПб. : ИВЭСЭП, 2014. С. 15.
11. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 20.
12. Там же. С. 27.
13. Там же. С. 21.
14. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
15. Там же. С. 28–29.
16. Мироненко С. А. Определение понятий «перформативность» и «перформанс» в научно-исследовательском дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 1 (134). С. 69–74.
17. Там же. С. 70.
18. Баба Х. Диссеминация: время, повествование и края современной нации // Синий диван. 2005. № 6. С. 69.
19. Там же. С. 70.
20. Там же. С. 74.
21. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа : учебник для вузов / И. В. Кирия, А. А. Новикова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. (Учебники Высшей школы экономики). С. 17.
22. Россман В. И. Мистерия центра. Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 42–57.
23. Россман В. И. Нации, национализм и символизм столичных городов // Материалы секционных заседаний и дискуссий XVI Международных Лихачевских научных чтений. М., 2016. С. 449–451.
24. Там же. С. 450.
25. Там же. С. 451.

Notes

1. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. L. : Harper and Row, 1974. 124 p.
2. Ponomarev N. F. Kognitivnye i lingvisticheskie mekhanizmy narrativnogo politicheskogo frejminga [Cognitive and linguistic mechanisms of narrative political framing] // Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei : materialy Vseros. nauch. konf., Perm', 8 aprelya 2013 g. – Philology in the XXI century: methods, problems, ideas: materials of

All-Russia scientific conf. Perm, April 8, 2013 / ed. N. V. Solovyova; Perm State Nat. Research University. Perm. 2013. Pp. 88-95.

3. Oliver P., Johnston H. What a Good Idea! Ideologies and Frames in Social Movement // Mobilization. 2000. Vol. 5. Issue 1. Pp. 37-54.

4. Ibid. P. 37.

5. Vahshtajn V. Frejm-analiz kak politicheskaya teoriya [Frame analysis as a political theory] // Sociologiya vlasti – Sociology of power. 2013, No. 4, p. 24.

6. Goncharov V. EH. Ideologicheskij frejming kak politicheskaya tekhnologiya [Ideological framing as a political technology]. Available at: http://politicaltechnology.ru/index.php/2011_04_30_02_48_49/69 2013 01 02 14 39 25 (date of access: 05.02.2017).

7. Ibid.

8. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity] / translated from English., under the editorship of Y. V. Asochakov. SPb. Piter. 2008. 240 p.

9. Ibid. P. 9.

10. Goncharov V. EH. Stranstvuyushchie rycari demokratii. Politicheskie konsul'tanty v XXI veke : monografiya [The wandering knights of democracy. Political consultants in the XXI century: monograph]. SPb. IVESEP. 2014. P. 15.

11. Kastel's M. Vlast' kommunikacii : ucheb. posobie [Power of communication: textbook] / transl. from English N. M. Tylevich; under scientific ed. by A. I. Chernykh; Nat. Research University "Higher school of Economics". M. Publ. house of the Higher School of Economics. 2016. P.20.

12. Ibid. P. 27.

13. Ibid. P. 21.

14. Brubejker R. EHtnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups] / transl. from English I. Borisova; Nat. Research University "Higher school of Economics". M. Publ. house of the Higher School of Economics. 2012. 408 p.

15. Ibid. Pp. 28-29.

16. Mironenko S. A. Opredelenie ponyatij «performativnost'» i «performans» v nauchno-issledovatel'skom diskurse [Definition of the terms "performativity" and "performance" in the research discourse] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Herald of Adyghe State University. Ser. 2: Philology and history of art. 2014, No. 1 (134), pp. 69-74.

17. Ibid. P. 70.

18. Baba X. Disseminatsiya: vremya, povestvovanie i kraia sovremennoj natsii [Dissemination: time, narration and the edge of the modern nation] // Sinij divan – Blue couch. 2005, No. 6, p. 69.

19. Ibid. P. 70.

20. Ibid. P. 74.

21. Kiriya I. V., Novikova A. A. Istoriya i teoriya media : uchebnik dlya vuzov [History and theory of media: textbook for universities] / I. V. Kiriya and A. A. Novikova; Nat. Research University "Higher school of Economics". M. Publ. house of the Higher School of Economics. 2017 (Textbooks of the Higher school of Economics). P. 17.

22. Rossman V. I. Misteriya centra. Identichnost' i organizatsiya social'nogo prostranstva v sovremennykh i tradicionnykh obshchestvakh [Mystery of the centre. Identity and organization of social space in modern and traditional society] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2008, No. 2, pp. 42-57.

23. Rossman V. I. Natsii, nacionalizm i simvolizm stolichnykh gorodov [Nation, nationalism and symbolism of capital cities] // Materialy sekcionnykh zasedaniy i diskussij XVI Mezhdunarodnykh Lihachevskikh nauchnykh chtenij – Proceedings of the breakout sessions and discussions of XVI Lihachev International scientific readings. M. 2016. Pp. 449-451.

24. Ibid. P. 450.

25. Ibid. P. 451.

УДК 141.7

А. П. Павлов

Этосы социальных миров

В статье исследуется феномен этоса как конструкта социального мира, как важнейшего элемента устройства общества и совместного обустройства людьми собственного бытия.

Этос трактуется автором как совокупность морально-этических качеств, которые интегрированы в непосредственные экзистенциальные практики индивидов, в структуры их бытия-в-мире.

Автор исходит из того, что удержание бытия в мире, собирание и воспроизводство мира как пространства бытия составляет онтологическую суть человеческого общежития. Важнейшую роль в этом удержании играют этосы.

Автор показывает, что этос выполняет двойную миссию: конституирование социального мира и вовлечение индивидов в процессы его удержания и воспроизводства.

В статье автор рассматривает взаимосвязь этосов и социальных миров, событийный фактор генезиса этосов.

В своём исследовании автор опирается на работы М. Хайдеггера, С. Франка, М. Бахтина, В. Библихина, а также труды других учёных, изучающих проблематику социального бытия и порядка в различных философских дискурсах.

This article discusses the phenomenon of ethos as a construct of social world, as the most important element of society construction and mutual arrangement of own existence by people.

Ethos is considered as a set of ethic properties which are integrated into direct existential practices of individuals, in structures of their existence in the World.

The main assumption is that retention of existence in the World, aggregation and reproduction of the World as existence space is the ontological essence of human community life. Ethos plays an essential role in this retention.

As illustrated in this article, ethos executes double mission: constitution of social world and involvement of individuals into its retention and reproduction.

Interrelation between ethos and social worlds is analyzed, as well as event-related factor of ethos genesis.

This article is based on the works of Heidegger, Frank, Bakhtin, Bibikhin, as well as of modern foreign and Russian researchers involved in study of concepts of social existence and order in various philosophic discourses.

Ключевые слова: этосы, социальный порядок; социальный мир; жизненный мир; эйдетический мир; событие.

Keywords: ethos, social order, social world, lifeworld, eidetic world, event.

Современное обществознание сфокусировано на нахождении способов разрешения «базовой» дилеммы: «человек – общество». Но существует еще одна дилемма, суть которой заключена в замечательном высказывании средневекового теолога Майстера Эрхарда, которое приводит Эрих Фромм в произведении «Иметь или быть» в качестве эпиграфа: «Людям следовало бы меньше задумываться над тем, что они должны делать, а больше – над тем, что они есть» [1].

Вопросы «есть», «быть» как бы всегда имеются в виду при рассмотрении различных социальных проблем. Но они имеют склонность ускользать из поля внимания социальных исследователей, как только они погружаются в дискурсивное поле, задаваемое дилеммой «человек / общество». И не важно, какую позицию занимает исследователь: «методологического индивидуализма» или «социального реализма». В любом случае «быть» трансформируется в способы существования (людей или общества), т. е. переводится в прагматический план.

Но бытие человека может сохраняться и удерживаться только в мире. В отличие от системного организованного социетального общества, которое отчуждено от индивидов и регулируется с помощью системных правил и механизмов, мир – самая близкая жизненная сфера человека (ближе быть не может!). Единственный способ бытия человека – удержание мира. И способы удержания содержатся в этосе, о котором пойдет речь далее.

Что такое этос? Следует различать социологический и экзистенциально-онтологический «фокусы» изучения данного понятия.

Слово «этос» (вместо «этика», «мораль») стало активно применяться в социальных исследованиях не без влияния М. Вебера, М. Шелера, М. Хайдеггера. Общее – то, что объединяет этих мыслителей, по-видимому, желание осмыслить социальный мир сквозь призму субъективной освоенности, обустроенности, озабоченности людьми собственным бытием.

Изящную и глубокую трактовку этоса дает М. Хайдеггер. Немецкий философ рассматривает этосы в духе древнегреческих мыслителей, в частности Гераклита.

Хайдеггер, вслед за Гераклитом, трактует этос не просто как физическое местопребывание, а как пребывание божественное, как проявление божественной сущности (даймона), в обыденном (в «обителе»). «Человек обитает, поскольку он человек, вблизи Бога» [2].

Этос – есть область соединения божественного и обыденного, сфера, «где каждая вещь и каждое обстоятельство, любой поступок и помысел знакома и примелькались, т. е. обычны» [3].

М. Хайдеггера вряд ли стоит причислять к социальным мыслителям. Однако его фундаментальная онтология с акцентом на изучение бытия как со-бытия, как сопresentствующего бытия, как того, что является предметом общей заботы, безусловно, придала дополнительный импульс и смысловые оттенки исследованиям этоса.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер не дает развернутого артикулированного определения этоса. Этосы осмысливаются немецким социологом как этический кодекс, нормативно-ценностная система, сформированная в эйдетическом поле религиозных картин реальности и инкорпорированная в «социальное тело» социума в форме практических схем, правил жизнедеятельности и общежития.

В таком же духе рассуждал и М. Шелер, который добавил экзистенциальный акцент в изучении этосов.

Этос – невидимая структура мира. Слово структура используется достаточно условно. Оно просто более понятно по сравнению с неопределёнными словами: «связность», «единообразие», которые, тем не менее, указывают на характерную черту и, одновременно, функцию этоса – «объемлемость». Данный термин мы заимствуем у К. Ясперса. В нашей трактовке он означает то, что благодаря этосу социальный мир утрачивает «объектность» (он уже не объект) и субъектность (он уже не произведен от субъектов). Мир наполнен настроением «быть», «присутствовать» в объемлющем «собственном».

Со-владение миром возможно при условии его совместного сбережения. Вспомним знаменитое изречение А. И. Солженицына о «сбережении народа».

Важно понять феномен «сберегаемого». Сберегать можно то, что осмысливается как сберегаемое, как то, что узнается и тематизируется как предмет общей заботы. Что же это может быть?

Видимо, то, что каждый человек всегда считает насущным. Насущное – это то, что ближе всего к человеку (ближе быть не может) и то, что делает мир идентичным самому себе. Любой из нас и в детском и в зрелом возрасте остаётся самим собой. Старик помнит себя ребенком. Он узнаёт себя на старых фотографиях. Также и мир благодаря этосу остается самим собой независимо от кардинальных перемен, трансформаций.

Может ли исчезнуть мир? Безусловно, если исчезнет его этос.

Мир существует до тех пор, пока существует его этос. Это главная мысль статьи. К этому надо добавить, что этос есть условие миропорядка. Социальный порядок понимается в дискурсивном поле экзистенциальной онтологии как способ бытия мира, бытия-в-мире, как насущное, аутентичное миру, что наиболее близко людям и каждому отдельному человеку и что наиболее уязвимо и нуждается в совместном сбережении и заботе.

Этос не является моралью, в каком бы виде она не была представлена: императивы, нормы, образцы. Этос не зависит от обстоятельств, от объекта желаний, и в этом он напоминает категорический императив Канта. Мир этоса живет своей собственной жизнью. И всё, что происходит с ним, происходит исключительно внутри него. Этос – это позиция внутринаходимости мира как целого. Этос не является прямым результатом воспитания и освоения традиций, хотя воспитание и традиции – важнейшие каналы усвоения этоса.

Важно отметить, что этос не является результатом субъективного выбора и свободы воли актора. Этос просто есть, он существует не благодаря чему-то и кому-то. Этос, ещё раз подчеркнём, есть собственная жизнь самодостаточного мира. Слово «собственное» здесь является ключевым.

В работах обществоведов второй половины XX в. в трактовке этоса нет единого мнения.

М. Оссовская рассматривает этос как «стиль жизни какой-то общественной группы, общая (как полагают некоторые авторы) ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена *explicite* [здесь: в явном виде (*лат.*)], либо может быть выведена из поведения людей» [4].

Польская исследовательница добавляет: «термин “этос” применяется к группам, а не к индивидам. Его объем выходит за рамки ценностей, которыми занимается этика» [5].

Ева Анчел связывает этос с культурным кодом, который даёт возможность поддерживать солидарные связи внутри группы (общности) в условиях утраты, «размывания» традиционных и системных основ ее нравственной солидаризации». Когда в обществе всё идёт своим чередом, этос незаметен, «невидим». Эта «невидимость» является «визитной карточкой» этоса. Невидимость, незаметность не означает нечувствительности этоса к социальной реальности. Скорее, наоборот, она (невидимость) охраняет реальность от опредмечивания и «дурного трансцендирования».

Но такое правосудие обнаруживает себя, раскрывается тогда, когда ощущение неблагополучия в обществе становится явным: в кризисных ситуациях, в переломные моменты истории (революции), социальных и гуманитарных потрясений. Этос «есть такое правосудие, которое препятствует воспроизведению общественной несправедливости» [6].

Как справедливо отмечает А. И. Пригожий, этос есть единство ценностей и норм. При этом имеются в виду «не декларируемые или задаваемые нормы и ценности, а те, которыми люди реально руководствуются, поступая так или иначе» [7].

Этосы есть нормативные комплексы общества, ориентированные на его самовоспроизводство.

Этос осуществляется в релевантной среде: смысловой плоскости, где социальные акторы ведут себя подобным (релевантным) образом. Релевантность среды вовсе не означает, что люди одинаково мыслят, находят в согласии друг с другом. Это, скорее, негласные правила, императивы поведения, способы ведения диалога.

Порядок этоса является как раз релевантным полем конкретных жизненных ситуаций. Он предполагает соприсутствие индивидов в определенном месте, проявляющееся в самоощущении каждым индивидом собственной доступности к смыслу общего события, которое в данный момент переживается всеми его участниками

Подведём предварительные итоги.

Этос есть способ бытия мира как целого. В понимании этоса следует избегать откровенного социологизма. Социологизм проявляется в том, что этос «привязывается» к обществу, рассматривается как ресурс его воспроизводства. Такой взгляд на этос, видимо, берет начало с трудов М. Вебера [8].

Этос есть консенсус «по умолчанию»: согласие индивидов придерживаться норм и целей данного общества или общности, членами которых они являются. Следует добавить, что в поле этоса индивиды готовы соблюдать социальные нормы и цели, даже когда нет непосредственного принуждения со стороны социальных институтов и иных социальных агентов.

Безусловно, моральные качества и ценности трансцендентны. Но как моральные качества и ценности «возвращаются» в имманентный мир людей, становятся неотъемлемой частью их бытия? Почему ценности и этические нормы становятся настолько естественными, само-собой-разумеющимися, что они как бы «не замечаются» в обыденном потоке жизни и обнаруживают себя лишь в экстраординарных ситуациях?

Естественность этоса проявляется в анонимном доверии социальных акторов тому миру, которому они принадлежат. Доверие понимается не в аксиологическом и даже не в морально-этическом смысле, поскольку оно (доверие) не побуждается извне, а является исключительно «внутренним делом» человека. Аксиологический и морально-этический аргументы «не работают», поскольку поведение, основанное на анонимном доверии, не нуждается во внешних оценках и индифферентно к моральным санкциям, исходящим от Других (общественности, социальных институтов).

Вопрос о доверии как основе социального порядка хорошо изучен в социологической литературе. Достаточно упомянуть книгу известного ученого Петра Штомпки, который всесторонне рассмотрел данный феномен с позиций социолога [9].

Мы в статье обращаем внимание именно на анонимное доверие, которое осмысливается в экзистенциально-онтологическом плане. Доверие рассматривается не как «подстройка» человеческого бытия под мир, но как проявление самого мира в его собственных манифестациях и определениях.

Конечно, внешние императивы оказывают на нас воздействие (через воспитание, образование, дисциплинирование, наказание и поощрение и т. д.). Они побуждают нас к лояльным действиям в общественных интересах и, в конечном счёте, в наших собственных интересах, поскольку «общество» награждает нас за нашу лояльность. Но социальные акторы совершают повседневные поступки чаще всего не «для того чтобы» и «не потому что», а в силу привычки жить в комфортном для себя социальном мире. Как остроумно замечает Хосе Ортега-и-Гассет, «человек живет, поскольку сам того хочет. Потребность жить не навязана человеку силой, как материи “навязано” свойство сохраняться... так или иначе, человек проявляет удивительное упорство в том, чтобы жить, длить свое пребывание в мире» [10].

Все, что есть у человека, – содержится в нём самом, точнее в том в мире, который он считает своим. «Человек, бесспорно, несводим к собственным обстоятельствам. Он лишь погружен в них, причем так, что иногда все же способен от них избавиться и, самоуглубившись, сосредоточиться на себе» [11].

Таким образом, комфортность в экзистенциально-онтологическом понимании – это удовлетворённость собственным миром. Смысл бытия – в его сбережении.

Озабоченность миром, разделяемым с другими, охранение его экзистенциально-онтологических границ соединяет приватно-интимное бытие и бытие коллективное.

Архитектоника мира напоминает архитектуру художественного произведения М. Бахтина, в котором действие разворачивается как некий континуум откликов и вопрошаний различных голосов героев (в нашем случае – акторов), которые занимают позицию вневходимости.

Еще раз подчеркнем: этос неразрывно связан с миром. В мире приобретает актуальность особая трансценденция: трансценденция к Другому. Её результатом является рождение «анонимной ответственности», которая дополняет анонимное доверие.

Слово «ответственность» предполагает наличие « хора », в котором мой голос сливается в анонимном многоголосье.

«То, что ожидает от меня определенного отношения, является для меня устойчивой ценностью, не зависящей от моих колеблющихся потребностей и интересов» [12].

Определенный этос становится господствующим благодаря тому, что он «в большей мере, чем другие этосы, соответствует “личностному образцу”, который на определенном историческом этапе вырабатывает социальная общность (группа, класс, общество, эпоха)».

Этос рождается вместе с социальным миром и существует в мире.

Что такое социальный мир?

Прежде всего, это форма общежития, в котором человеческое бытие удерживается в своём сущем. Иными словами, мир всегда есть то, что происходит внутри него самого. Социальный мир всегда определенным образом настроен на самого себя как на сущее целое. Целостность мира означает, что человеческое бытие есть изначальное бытие-в-мире (вне мира нет бытия).

Мир есть солидарное сопричастие, задаваемое неким со-бытием, онтологическим центром («очагом»), истоком.

Быть в мире – значит быть у себя дома, получать свидетельство о том, что «я бытийствую». Поэтому мир всегда одновременно снаружи и изнутри. «Внутринаходимость» и «вненаходимость» – модусы мира, «мировости». Пустота мира есть свидетельство его покинутости, одновременно она есть свидетельство утраты мира человеком. Экзистенциально эта утрата ощущается как внесобытийность, как мир, в котором уже нет онтологических скрепов: душевная пустота, попадание во вневременье. Знаменитое хайдеггеровское «забвение бытия» есть также и «забвение мира».

Но мир должен ещё состояться. Ему предшествует жизненный мир.

Жизненный мир самодостаточен как замкнутое на себе сущее, пребывающая в себе дорефлексивная реальность. Жизненный мир онтически наполнен, в нем нет пустот бытия. Это проблемный мир, который захватывает людей самым фактом заброшенности в него людей. Заброшенность в мир побуждает людей объединяться для совместного преодоления реальных угроз со стороны враждебной окружающей среды, а также экзистенциальных угроз, связанных со страхами, прежде всего, страхами смерти, одиночества, отчужденности. Но эту связь ещё нельзя назвать этической. У индивидов нет «личных» обязательств по отношению к миру, они не несут ответственности перед ним, поскольку у него («жизненного мира») нет собственной предметности. Жизненный мир всего лишь чистое присутствие, простое совместное «есть». Человек жизненного мира еще без «лица», без «ипостаси» (термин Э. Левинаса).

Для того чтобы появился этос, необходимо событие-травма, которая проблематизирует жизненный мир, делает его уязвимым.

Событие – событие-катарсис переживается как вселенская драма, сопровождаемая экзистенциальной травмой, реальными и метафизическими жертвами. Событие может удерживать мир благодаря своим адептам – первым его свидетелям и непосредственным участникам. Таковыми, к примеру, были ученики Спасителя.

Благодаря событию-травме, которое оставляет след в бытии последующих поколений, возможно удерживать их (поколения) в хронотопе социального мира. Они становятся трансцендентальными участниками и свидетелями его рождения, его судьбы. Благодаря событию-травме становится возможным личностное сопричастие в мире. В жизненном беспроблемном, несобытийном мире человек еще не ощущает экзистенциального сопричастия, поскольку этот мир не определен, в нём нет пустот, он самодостаточен в своей неопределенности. У него нет онтологического центра, домена, позволяющего ему присутствовать возле себя.

Домен не только исток, домен – хранитель истока. Хранение и удержание истока (который, напомним, связан с «вселенской» травмой, например, холокост) как всеобщая забота рождает этос. Проявления заботы разные: ностальгия об уходящем событии, подозрения и неприязнь к чужим доменам, чужакам вообще.

Но чаще всего она проявляется в совместной с другими готовности быть при мире как ближайшем (ближе быть не может), «родном».

Как образно пишет В. Библихин, «мир не материал для переработки. Мир в своей сути – та ранняя согласная тишина, без которой не откроется мир как дом человека... Чтобы допустить бытию присутствовать, не нужно проектов и конструкций. Всё зависит от готовности принять его, как оно есть» [13].

Эта готовность непрерывно поддерживается акторами социальных этосов: братств, товариществ, неформальных объединений, движений.

Для понимания природы этосов уместно вспомнить работы С. Л. Франка (хотя русский философ не использовал данное слово). В частности, в своей работе «Непостижимое» он рассматривает непосредственное самобытие как само себе открывающееся бытие. Мы полагаем, что здесь «схвачена» суть этоса. «Для непосредственного самобытия не менее существенно и необходимо, чем трансцендирование во-вне – в отношении “я – ты” и в бытии “мы”, трансцендирование в на-

правлении «во-внутрь» или «вглубь», в силу которого оно достигает области «духа» или «духовного бытия» и пускает в нём корни» [14].

Непрерывная трансценденция «во-вне» делает его со-участником «общего дела», общего проекта, задаваемого «корневым» (реперным) событием. Франк называет эту совместность опредмеченным «мы», которое есть «рациональное единство совместного порядка и совместной цели жизни» [15].

Трансцендирование «во-внутрь» означает «возвращение» человека к самому себе, но уже в качестве «объективного» бытия, т. е. осмысляемому как актуальная значимая реальность, наполненная смыслом. Без «внешнего трансцендирования» самобытие оставалось бы «вещью в себе», незавершенным, анонимным, «незрячим». Это есть «сплав», и, в то же время, непрерывный переход от трансцендирования «во-вне» к трансцендированию «во-внутрь» и обратно.

Как пишет Б. Хюбнер, «автономия современного человека и отказ от должного в пользу человеческих желаний очистили традиционное общество от шлаков коллективно исповедуемых ценностей, передававшихся по наследству, и превратили его в современное целевое общество [Zweck-gesellschaft], общая цель которого утверждена путем согласительных процедур и есть не что иное, как мирное сосуществование автономных членов этого общества» [16].

По мнению немецкого учёного, необходимо «минимизировать» этос в пользу целерациональных правил как регулятора человеческого общежития.

Представляется, что «минимизация этосов» – реальная угроза социальным мирам, которые утрачивают качество «собственных» социальных миров, собственные коды. В конечном счёте это может привести к онтологическому хаосу.

Онтологический хаос совсем не обязательно проявляется в выраженных формах кризисов, конфликтов. Не всякая война, например, есть хаос. Хаос может быть незаметным, «тихим», «безмолвным». Он проявляется в фундаментальном разрыве между социетальными механизмами воспроизводства общества и экзистенциальными каналами мироустройства.

Это приводит к тому, что акторы участвуют в процессах социального мироустройства односторонне, исключительно как агенты обезличенных социетальных систем. При этом они утрачивают способность распознавать социальную реальность, которая «дробится», размывается, трансформируется в схематизмы, поведенческие клише. Наступает время (точнее, безвременье) «ненаходимости», нечувствительности акторов к социальному миру и, в конечном счёте, к самому себе, к собственному бытию.

Но, быть может, прав Б. Хюбнер с идеей минимизации этоса? Да, у людей старших поколений есть тоска и ностальгия по прошлому. Люди научаются жить в новых условиях без обращения к «корням», «истокам», к заветам предков и т. д. Но, с другой стороны, быть может, нам достаточно того, что этосы «сегрегируются» в различные формы фольклора, культуры, ритуалов, традиций. Возможно рациональное отношение человека к миру, к обществу, к самому себе перестало быть просто способом его бытия, но становится самим бытием?

Примечания

1. Фромм Э. Иметь или быть? М. : «Прогресс», 1986. С. 29.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 215.
3. Там же. С. 216.
4. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М. : Прогресс, 1987. С. 26.
5. Там же.
6. Анчел Е. Этос и история. М. : Мысль, 1988. С. 16.
7. Пригожий А. И. Российский этос: обогащение или лечение? // Общественные науки современность. 2006. № 2. С. 310.
8. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 345.
9. Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. С. 445.
10. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 32–69.
11. Там же. С. 36.
12. Шелер М. Ordo Amoris // Избранные произведения. М. : «Гнозис», 1994. С. 490.
13. Бибихин В. Мир. Томск : «Водолей», 1995. С. 114.
14. Франк С. Л. Непостижимое : сочинения. М. : Правда, 1990. С. 386.
15. Там же. С. 384.
16. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики. Минск : Пропилеи, 2000. С. 148.

Notes

1. Fromm E. *Imet ili byit?* [To have or to be?]. M. "Progress". 1986. P. 238.
2. Heidegger M. *Pismo o gumanizme* [Letter on humanism] // *Vremya i byitie. Stati i vyistupleniya* – Time and being. M. Respublika. 1993. P. 215.
3. Ibid. P. 216.
4. Ossovskaya M. *Rytsar i burzhua: Issledovaniya po istorii morali* [Knight and bourgeois: studies in the history of morality]. M. Progress. 1987. P. 26.
5. Ibid.
6. Anchel E. *Etos i istoriya* [The ethos and history]. M. Mysl. 1988. P. 16.
7. Prigozhii A. I. *Rossiyskiy etos: obogaschenie ili lechenie?* [The Russian ethos: enrichment or treatment] // *Obschestvennyye nauki sovremennost* – Social sciences modernity. 2006, no. 2, p. 310.
8. Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma. Izbrannyye proizvedeniya* [The Protestant ethic and the spirit of capitalism]. M. Progress. 1990. P. 345.
9. Shtompka P. *Doverie – osnova obschestva*. [Trust is the basis of society]. M. Logos. 2012. P. 445.
10. Ortega i Gasset H. *Razmyishleniya o tekhnikе* [Reflections on the art] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1993, No. 10, pp. 32 – 69.
11. Ibid. P. 36.
12. Sheler M. *Ordo Amoris* // *Izbrannyye proizvedeniya* – Selected works. M. "Gnozis". 1994. P. 490.
13. Bibihin V. *Mir* [World] Tomsk. "Vodoley". 1995. P. 114.
14. Frank S. L. *Nepostizhimoe* [Incomprehensible] // *Sochineniya* – Works. M. "Pravda". 1990. P. 386.
15. Ibid. P. 384.
16. Hyubner B. *Proizvolnyiy etos n prinuditelnost estetiki* [Arbitrary ethos and a forced aesthetic]. Minsk. Propilei. 2000. P. 148.

УДК 1/6.165

Р. Р. Газизов

Экзистенциальное понимание информации в контексте социального и правового времени

В статье исследуется экзистенциальная сущность информации, феноменальный информационный опыт, запечатлённый в праве как форме существования духовного мира субъекта. При этом экзистенция и трансценденция информации предстают как фундаментальные формы правового существования субъекта. Автор обосновывает ту мысль, что информация раскрывается через модусы присутствия человека в мире, через экзистенциалы, взятые в аспекте социального и правового мира.

Экзистенциальное понимание информации, взятое в контексте социального и правового времени, предполагает выявление структуры опыта существования человека в современном сложном мире. Речь идет о предпонимании человеком другого Лица, которое связано с повседневностью существования в правовом мире, об экзистенциалах повседневного мира, где информация проектов бытия как структуры открытости и закрытости самой экзистенции.

The article explores the existential nature of the information, the information of the phenomenal experience, is embodied in law as the form of existence of the spiritual world of the subject. In this case, existence and transcendence of information appear as the fundamental forms of legal existence of the subject. The author substantiates the idea that information is disclosed through modes of human presence in the world through assistenziali, taken in the aspect of social and legal world.

The existential understanding of the information taken in the context of social and legal time, involves the identification of the structure of the experience of human existence in the modern complex world. We are talking about prepaymania of another Person who is associated with daily existence in the legal world, assistenziale the everyday world, where information projects of the being as structure of the opening and closing of the existence.

Ключевые слова: информация, феноменальный и информационный опыт, экзистенция и трансценденция информации, правовое существование субъекта, экзистенциалы присутствия человека в мире, социальное время.

Keywords: information, informational and phenomenal experience, existence and transcendence of information, the legal existence of the entity, assistenziali human presence in the world, social time.

Эпоха глобализации выдвигает перед человеком поиск экзистенциалов, связанных с социальным и правовым временем. Социальное время, как память о человеке, не существует в отрыве от права как формы существования духовного, экзистенциального мира субъекта. При этом сама память раскрывается через модусы присутствия человека в мире, а информация, в своем экзистенциальном измерении, перестает быть только формой обладания вещами и процессами. Она стремится войти в гармоничные отношения с миром правовых и нравственных, духовных реалий.

Отсюда целью настоящего исследования выступает анализ информации как важнейшего экзистенциала культуры человека и общества. При этом информация нас интересует как экзистенция и трансценденция, что позволяет рассмотреть ее в плане правового существования социального субъекта.

Научная новизна работы заключается в экзистенциальном истолковании информации и правового пространства – времени субъекта. Это позволяет раскрыть модусы, состояния присутствия человека в современном сложном и развивающемся мире.

На наш взгляд, такой подход к пониманию информации к праву как форме ее существования, затем, к самому правовому пространству, «требует сегодня существенного обновления» [1].

Информация – это не просто знание, которым владеет, обладает человек; она связана с экзистенциальным опытом, с его интерпретацией. На наш взгляд, следует различать существование человека в мире и его экзистенцию. Существование всегда связано с проблемой начала доказательства. Еще Аристотель различал «доказательство того, почему это так» от «доказательства того, что это так». В этом последнем случае Аристотель имел в виду доказательство, которое убеждало бы нас в верности того или иного положения, но не выясняло бы его причин и начал. В первом же случае речь идет о доказательстве, которое убеждает в «правильности чего-либо с помощью выяснения его причины» [2].

Информация как система знания о человеке и мире всегда стремится ответить на вопрос «что это так». Но современный мир предъявляет иные требования к информации, в частности к ее экзистенциальным характеристикам.

Чистая феноменальность существования есть, в принципе, выражение пространства информации. Но информация, в своей правовой и нравственной ипостаси, устремлена к «здесь-присутствующему» бытию. Информация не может быть информацией в подлинном смысле этого слова, если не «слышится» сам «голос» бытия. Следовательно, какие-то акты информационной жизни выступают условием социальной жизни и социальной памяти субъектов. Но это, в то же время, означает, что правовая жизнь, если она совершилась, вплетает в себя «элементы рассуждения», которые связаны с философствованием, с культурой философствования.

Феноменальный способ существования информации есть, видимо, пространство выражения самого бытия. Бытие информации есть «здесь-присутствующее», а потому информацию невозможно основать на идеале. Бытие вообще есть то, что трудно поддается идеальному оформлению.

Бытие информации, с одной стороны, сторонится того, что выходит, трансцендирует за границы опыта, а с другой – информация оказывается чем-то «наличным» самого духовного мира человека. В результате между информацией и знанием устанавливаются напряженные соотношения. Это, прежде всего, проявляется между понятиями «существования» и «экзистенции»; информация (в отличие от знания) стремится прорвать границы «здесь-бытия». Но все же не следует, подобно М. Хайдеггеру, отождествлять экзистирование и трансценденцию. Трансцендирование есть просто выход сущего из одного своего «здесь-бытия» к другому «здесь-бытию», от одной реальности к другой, в «каждой из которых существует открытой возможностью осуществиться Existenz» [3].

Таким образом, информация (в отличие от знания) постепенно продвигается к границам своего существования, как «здесь-бытия». Она, тем самым, обретает само бытие, как нечто прекрасное и служащее человеку.

Когда М. Хайдеггер говорит, что «трансцендирование» есть «просто» экстатический выход сущего из своего «здесь-бытия» [4], то он имеет в виду следующее: «Бытие есть transcendent просто. Трансценденция бытия, присутствия, особенная, поскольку в ней лежит возможность и необходимость радикальнейшей индивидуализации. Всякое размыкание бытия как transcendent и есть трансцендентальное познание. Феноменологическая истина (разомкнутость бытия) есть *velitastranszendentalis*» [5].

Нас интересует здесь, прежде всего, сущность информации, которая размыкает мир знания и экзистенции. Существование информации, которая в своей правовой и нравственной ипостаси есть постоянный выход «здесь-бытия» человека к его экзистенции, раскрывается через модусы пространства и времени. Информация лишь в том случае оказывается продуктивной, когда она позво-

ляет повысить духовный, экзистенциальный потенциал человека и оказать влияние на само присутствие последнего, не исключая и правовое бытие в этом сложном, глобализирующемся мире.

Заметим, что М. Хайдеггер усилил понимание правового пространства и времени идеей «конечности познающего разума». Кроме того, М. Хайдеггер смог интерпретировать сам «трансцендентальный синтез» воображения человека как некую «изначальную временность». Этот замысел «фундаментальной онтологии» и заключается в интерпретации бытия на основе «интерпретация бытия человека» [6].

Информация, по большому счету, связана с экзистенцией правовой и моральной культуры, взятых в аспекте пространства и времени. Поэтому нам необходимо выявить структуру опыта существования человека в современном мире. Речь идет о предпонимании человеком другого «Лица», которое связано с самой повседневностью существования в сложном мире.

При этом сам проект онтологии человеческого существования в правовом мире коренится в такой повседневности, которая существует в контексте социального и правового времени. Чувственность при этом превращается «в сподручность и пустую знаковую; априорные формы пространства и времени превращаются в феномены мирности мира и феномен внутривременности» [7].

Сами структуры экзистенции оборачиваются экзистенциалами повседневного мира, где информация становится взаимосменой «проектов» бытия как структуры открытости и закрытости экзистенции. Само экзистенциальное понимание информации оказывается связанным с воображением, которое выражает фундаментальную схему развертывания информации как духовного явления. Информация как некая моральная воля к бытию превращается в чистый экзистенциальный порыв человека к бытию.

В таком случае информация как некое трансцендирование вовне превращается в социальную и духовную жизнь, которая оказывается не устремленностью к бытию, но неопределенностью метаний человека от «здесь-бытия» к своим границам и обратно. Экзистенция, таким образом, превращается, тем самым, в «чистое» время, которое не наполнено событиями, а оказывается связанной с вопросом о том, кто мыслит в данном акте мышления [8].

Отсюда ясно, что экзистенциальная сущность информации проявляется в вопросе о самом мыслящем субъекте. Само мышление человека выходит в мир и обнаруживает себя в качестве существующего бытия и, таким образом, оказывается наделенным социальной, нравственной и правовой памятью.

Примечания

1. Федорченко А. А. Правовое пространство: дистанция справедливой социальной деятельности // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. М. : Изд-во Рос. акад. адвокатуры и нотариата, 2016. № 1 (40). С. 57–62.
2. Розенфельд Б. А., Юшкевич А. П. Теория параллельных линий на средневековом Востоке IX–XIV вв. М. : Наука, 1983.
3. Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб. : Алетея, 2007. 736 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 38.
5. Там же.
6. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М., 1997. С. 124–134.
7. Комаров С. В. Указ. соч. С. 567.
8. Там же. С. 576.

Notes

1. Fedorchenko A. A. *Pravovoe prostranstvo: distanciya spravedlivoj social'noj deyatel'nosti* [Legal space: the distance of just social activity] // *Uchenye trudy Rossijskoj Akademii advokatury i notariata* – Works of Scientists of the Russian Academy of advocacy and notaries. M. Publishing house of Rus. Acad. of Lawyers and Notaries. 2016. No. 1 (40). Pp. 57–62.
2. Rozenfel'd B. A., YUshkevich A. P. *Teoriya parallel'nyh linij na srednevekovom Vostoke IX–XIV vv.* [Theory of parallel lines in the medieval East in the IX–XIV centuries] M. Nauka. 1983.
3. Komarov S. V. *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: istoricheskie prolegomeny k fundamental'noj ontologii soznaniya* [Metaphysics and the phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to a fundamental ontology of consciousness]. SPb. Aletheia. 2007. 736 p.
4. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. M. 1997. P. 38.
5. Ibid.
6. Heidegger M. *Kant i problema metafiziki* [Kant and the problem of metaphysics]. M. 1997. Pp. 124–134.
7. Komarov S. V. Op. cit. P. 567.
8. Ibid. S. 576.

Медиаграмотность в условиях развития цифровых технологий*

Статья посвящена изучению значения медиаобразования для современной культуры, которая фундирована новыми медиа. Автор раскрывает содержание основных составляющих новомедийной среды. В статье отстаивается тезис, согласно которому поиск информации является для современного человека равнозначным удовлетворению физиологических потребностей, что обуславливает возникновение нового типа культуры, когда цифровой детерминизм определяет тип социального взаимодействия. В контексте дигитальной социализации личности классические культурные императивы утрачивают свою ценность. Автор делает предположение, что возможность выстраивать культурно-рефлексивное отношение к медийному становится возможной не путем переноса на новомедийное пространство понятийных схем старомедийной парадигмы, а через изменение подхода к восприятию медиа с инструментального на пространственный, в котором нивелируется противопоставление человека и медийного феномена. Обосновано, что уровень медиаграмотности выступает основным фактором формирования современного субъекта.

The article is devoted to the study of the role of media education for modern culture, which is grounded in new media. The author reveals the contents of the main components of the new media environment. In the context of digital socialization of personality, classical cultural imperatives lose their value. The article defends the thesis according to which the search for information is equivalent to satisfying physiological needs for modern man, which causes the emergence of a new type of culture, when digital determinism determines the type of social interaction. The author makes the assumption that the ability to build a culturally reflective attitude to the media becomes possible not by transferring the conceptual schemas of the old-world paradigm to the new media space, but through a change in the approach to the perception of media from the instrumental to the spatial, in which the opposition of man and the media phenomenon is leveled. It is proved that the level of media literacy is the main factor in the formation of the modern subject.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, новые медиа, цифровые технологии, новомедийная среда.

Keywords: media education, media literacy, new media, digital technologies, new media environment.

Сегодня можно утверждать, что произошло расширение набора физиологических потребностей человека. Так, в один ряд с базовыми биологическими потребностями в отдыхе, пище, размножении становится потребность иной природы – потребность в информации. Польза информации не может быть объективирована без соотнесения с человеческими потребностями – через информацию человек обеспечивает свои безопасность, отдых, благосостояние. Однако быть причастными к информационно-коммуникационной системе могут те, кто обладают способностью оплачивать трафик, соответствующими компетенциями пользования цифровыми устройствами, а также знанием достоверных информационных источников и доступом к ним, пониманием возможности практической применимости информации. Невозможность выполнения этих условий определяет возникновение информационного разрыва между группами населения, что позволяет говорить о возникновении нового классового деления: информационной элиты и информационного плебса.

В рамках данной статьи мы не ставим своей задачей рассмотреть явление информационной бедности как результата экономического отставания стран или технической некомпетентности в плане освоения гаджетов. Мы считаем, что в качестве наиболее актуальной проблемы, нуждающейся в теоретическом осмыслении, выступает процесс формирования информационно-практической ориентации пользователей. Иными словами, новейшие цифровые технологии с подробными инструкциями по их освоению являются неполноценными в качестве цифровых инструментов без решения вопроса о культурно-рефлексивном отношении пользователя к медиа. Существует ряд проблем, связанных с поиском информации, таких как низкий порог ожидаемого результата, когда пользователь перестает вести поиск и удовлетворяется той информацией, которая ему встречается, так, например, исследователь Д. Чейни отмечает, что студенты «обычно

используют скорее ту информацию, которая им попадает, чем решают, какая информация им нужна» [1]; использование ограниченного набора поисковых стратегий; отсутствие верификации полученной информации и ее некритическое восприятие. В условиях современной плотности информационных потоков люди минимизируют присутствие негативного контента. Это выражается в тенденции отказа от просмотра новостных репортажей, которые сообщают о террористических актах, стихийных бедствиях и других чрезвычайных происшествиях в пользу новостей из мира шоу-бизнеса, спорта, развлечений [2].

Под понятием грамотность общепринято подразумевать умение читать, писать на определенном языке, в расширительном значении грамотность есть знание внутренней организации какого-либо процесса (устойчивое выражение «грамотный специалист»). Под информационной грамотностью следует понимать знание основополагающих элементов, фундирующих цифровой контекст современной информационной среды.

Элементы, фундирующие распространение информации, одновременно выступают и как факторы, определяющие корреляцию человека и медиасреды, в которую выстроены процедуры обмена, трансляции и воспроизведения информации.

Одним из главных элементов медийного является интерфейс. На повседневном уровне интерфейс не рефлексирован, так как представляет собой достаточно консервативный способ взаимодействия пользователя и гаджета: текст вводится с помощью клавиатуры, информация отображается на экране в виде текстового материала или изображения, активация объектов осуществляется посредством наведения курсора мыши и т. д. Интерфейс буквально означает межграничное состояние, когда физические носители становятся невидимыми и происходит представление информации в материальной форме. Иными словами, интерфейс – это не вещь, интерфейс – всегда эффект, это всегда процесс или перевод. Или как у Дагоне: плодотворная связь [3].

Согласно мнению российского медиатеоретика М. Куртова, «интерфейс» представляет собой сочетание «внешних технических средств», таких как дисплей, клавиатура, мышь и языки программирования [4]. Ключевым свойством интерфейса является его «прозрачность». Пользователи не воспринимают непосредственно сам интерфейс, он располагается вне границ их внимания и обнаруживает себя в моменты сбоя, когда пользователь видит перед собой графическое подтверждение проблемы. Интерфейс, взятый в предельной форме, есть весь окружающий человека мир, Б. Гейтс и Э. Шмидт предрекали растворение Сети в окружающем мире [5].

Цифровой (двоичный) код является языком хранения и передачи информации новых медиа. Цифровые гаджеты обеспечивают доступ к информационной среде в любое время. Именно это повлекло радикальные изменения в классической структуре передачи информации с помощью аналоговых СМИ. Оцифровка традиционных медиа фактически ознаменовала собой цифровую революцию, когда возникла особая дигитальная среда, изменившая социальные характеристики, в первую очередь, духовного производства. Отметим наиболее важные аспекты произошедшей трансформации.

Следующим основанием взаимодействия пользователя и цифровой среды является гипертекстуальность. Гипертекстуальность в целом синонимична понятию «нелинейность» и обуславливает основное отличие цифрового от печатного текста. Гипертекст представляет собой прямую ссылку на определенную дискретную единицу материала за границами смыслов данного текста, которая позволяет понимать его содержательно на более глубоком уровне. Следует отметить, что в данном контексте, говоря о новых медиа, мы ставим знак равенства между дигитальным (цифровым) и виртуальным.

Можно отметить, что потребление информации сегодня определено цифровым детерминизмом и вследствие этого процесс распределения и потребления информации делает невозможным воспроизводство классических монополий традиционных медиа.

Следующим фундирующим элементом цифровой социосферы является интерактивность. В. В. Миронов, описывая изменение локального восприятия человеком собственной культуры, характерное для классической культурной парадигмы, отмечает, что за стабильность культурного ядра ответственен адаптивный механизм, который состоит из двух элементов: «смеховая», или низовая, культура и элитарная, или высокая, культура [6]. Иными словами, консервативность культуры обеспечивается предельной идеалистичностью и закрытостью рафинированной вершины культуры и открытостью для продуктов, являющихся порождением низовой культуры. Интерактивность как явление представляет собой взаимодействие между участниками любого современного диалога или полилога, кроме изменения роли зрителя-слушателя-пользователя с пассивно-воспринимающего, абстрактного на ключевую фигуру медиaprостранства. Например, в качестве критерия оценки потенциала участия блогера в рекламной кампании рекламодатель производит оценку его аудитории, а именно – количество лайков и комментариев под его поста-

ми. Рост интерактивности трансформировал культурную логику. В то же время интерактивность порождает неоднозначный феномен новых медиа старого типа, когда определенный медиаисточник находится на цифровой платформе, но отказывает своим адресатам в возможности равноправного участия в производстве контента. Это влечет появление новых информационных каналов, в которых бывшие реципиенты становятся производителями собственного продукта. Такое изменение статуса пользователя представляет собой компенсацию монополистического информационного дискурса в пользу свободной интерпретации информации.

Высокая культура в классическом ее понимании оказывается переработанной новой цифровой культурой, и вместе с этим массовая культура также становится объектом цифровой детерминации, что делает практически невозможным дифференциацию продукта, который потребляет новый реципиент. Например, посещение концерта популярного исполнителя – это проявление интереса к его творчеству или желание, вызванное мемофикацией его контента или личности? Умение декодировать мемы выступает в качестве условия успешной сетевой коммуникации. Мемофикация выступает в качестве основной тенденции современной медиасреды. Мем – это единица информационной среды, которая подвергается многократной репликации. Российский исследователь М. Кронгауз определяет мем следующим образом: «...речевые клише, связанные с одной конкретной ситуацией или текстом (фильм, роман и т. п.). Становясь модными, они воспроизводятся во множестве других ситуаций, уместно или неуместно. Мемы, имея реальный источник, по мере распространения обрастают новыми подробностями, достоверность которых проверить чрезвычайно сложно. Источники стираются, исчезают, важные фрагменты удаляются, а легенда становится важнее реальности» [7].

Также необходимо выделить мобильность как составляющую новомедийной среды. Развитие Интернета и гаджетов изменили идентификацию пользователей и выступили одним из основных факторов культурной глобализации. В этом контексте медиаустройства и медиаконтент составляют органическое единство, объект фетишизации, который из средства становится способом существования. Примат мобильности становится постулированием посттехнического восприятия гаджета как условия преодоления пространственно-временной обусловленности. Таким образом, цифровая мобильность есть симптом собирания бытия не человеком, а медиа [8].

Как отмечает Й. Хёриш [9], медиа способны не только объединять, но и разъединять людей. Это происходит через опосредование человеческих отношений материальными посредниками, но, в отличие от медиа старого типа, например денег, новые медиа деэмансипируют человеческие отношения тотально. Однако согласно позиции российского медиафилософа В. В. Савчука, «человек сам становится средой – массой – постоянного круговращения информации» [10]. Медиа деперсонализируют, проникают внутрь людей, становятся их оптикой, изменяют сознание и т. д. Подобный подход к проблеме медиа, на наш взгляд, может быть дополнен. Французский социолог Б. Латур предлагает концепцию, основанную на принципе ирредукционизма: «Ничто не является редуцируемым или не редуцируемым посредством самого себя, но всегда через посредничество чего-то другого, что его измеряет и придает ему меру» [11]. Этот принцип уточняется А. Кузнецовым, он называет его прагматическим ирредукционизмом. В широком смысле он может быть интерпретирован в качестве вопроса: если медиа детерминируют социосферу и растворяют персональное (мнение, образ жизни и др.), делая людей единым медиателом, то насколько продуктивным будет постановка вопроса о проблеме человека в современной социосреде?

Российский исследователь К. К. Мартынов подходит к проблеме человека в Сети, делая акцент на превентивной стороне проблемы: «Человеческий вид столкнулся с новым очень активным вирусом, носящим не генетическую, а меметическую природу... Поэтому ответом на информационные вирусы должен стать дальнейший прогресс нашей культуры, формирование Номо digitus, цифрового человека» [12]. Иными словами, классический субъект (в контексте данной статьи это не нововременное понимание субъекта, которому следует противопоставлять неклассического, дефрагментированного субъекта, а тот актор, который принадлежит доцифровому социальному миру) не может противостоять цифровому детерминированию и фактически становится нейтральным медиумом, средой. Его можно описывать в качестве блуждающего субъекта, реципиента информации без ее рефлексии.

Утрата человекосоразмерности объемов информации в новомедийной среде обесценивает ее. Общепринятым является обращение к концепции симулякров Ж. Бодрийяра при проблематизации феноменов виртуальности. Согласно французскому философу, «симулировать значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле» [13]. Сам симулякр есть «означающее без означаемого», симулякры создают собственную мнимую реальность, согласно Бодрийяру, симулякризация присутствует повсеместно. Получается, что человек лишен возможности различить истинное от симуляции. Это трансформирует отношение человека к действительности и дискре-

дителирует традиционные культурные императивы. Сегодня человек все более отдаляется от непосредственного, немедийного восприятия реальности: температуру на улице можно узнать, посмотрев на экране гаджета, событие становится видимым только через медиа, так как от очевидцев на месте оно ускользает в силу того, что они начинают его запечатлевать. Кроме того, для понимания действительности и ее подтверждения человеку становится необходимо войти в Интернет и узнать об этом событии. В. В. Савчук отмечает, что сегодня можно говорить о таком тренде, как желание постинформации, когда, например, человек отправляется путешествовать, уже зная, что он там увидит, единственное, что будет для него новым, – это запахи, температура и еще ряд тактильных ощущений. На наш взгляд, теория симулякров для современной социальной теории утрачивает эвристическое значение. Знаменитое музыкальное произведение «Четыре минуты тридцать три секунды» Дж. Кейджа представляет собой концерт тишины. Можно ли это понимать в качестве симулякра? Безусловно, так как, например, нельзя узнать, слушая пьесу онлайн, была ли тишина записана или за нее выдали отсутствие звука. Но сегодня услышать тишину для человека становится возможным только благодаря медиа. Поэтому необходим пересмотр значения и места симулякров для новомедийного символического обмена.

Когда рассмотрение медийного и его эффектов происходит в контексте диад человек – гаджет, человек – социальные сети и т. д., то цифровые феномены понимаются как инструменты. Именно при таком подходе получается, что человек оказывается либо поглощен ими, либо обманут. Неизвестным остается точка отсчета в оценке его положения. Представляется продуктивным внесение в схему человек-медиафеномен звена медиаграмотности. Иначе человек будет тем самым «бестелесным индивидом», который подключен к информационным потокам, описанным Марком Постером, который есть новый тип Паноптикума [14]. Следует отметить, что принятие схемы человек – его уровень медиаграмотности – медиафеномен означает возможность развести человека и медийное. Пользователь новых медиа характеризуется как субъект, постоянно подключенный к информационным потокам (через интернет-surfing или подключенные push-уведомления). Это означает, что медиа структурируют его повседневность. В качестве опор выступают выбранные медиаканалы, через которые пользователь узнает информацию. Если уровень его медиаграмотности невысок, то тогда пользователь оказывается под властью тех медиа, которые он выбрал. В этой ситуации актуализируется проблема симулякризации, растворения персонального в медиасреде и т. д. Иными словами, уровень медиаграмотности обратно пропорционален степени поглощением человека медиа, следовательно, антагонистичен медиа.

Медиаграмотность представляет собой так называемый зонтичный термин, так как в социальной теории отсутствует единое определение данного понятия. В качестве наиболее распространенных трактовок медиаграмотности можно назвать следующие: медиаграмотность есть способность получать доступ, анализировать и передавать сообщение различных типов [15]; медиаграмотность есть задавание вопросов к содержанию того, что человек смотрит, читает, слушает [16].

Ранее нами было показано, что ориентация пользователей внутри информационных потоков новых медиа необходимо включает в себя понимание принципов взаимодействия человека и цифровой техники. Мы предложили рассматривать это отношение с позиции не инструментального понимания медиа, а пространственного. Так, медиаграмотность оказывается условием успешной экспансии медиасреды, что отличается от понимания медиаграмотности как технического умения в ситуации, когда человек использует цифровые технологии только в качестве новой формы, лишаясь при этом возможности конструктивного противопоставления себя медиа-реальности и притягивая своей новой субъектности.

Американский профессор Дж. Поттер отмечает, что поисковый запрос в Google выдает 765 000 результатов на запрос «медиаграмотность» [17], это подчеркивает все нарастающий интерес к данной проблеме, однако оценить значение как теоретических, так и практических работ в данной области на сегодняшний день не представляется возможным, поскольку существует тенденция локальной концептуализации подходов, что значительно усложняет понимание медиаграмотности как феномена. Американский специалист в сфере медиаобразования, директор лаборатории медиаобразования (Media Education Lab) США Р. Хоббс сравнивает медиаобразование с ребенком с тысячей имен [18].

В контексте данной статьи нам представляется важным разделение корпуса исследований теоретической направленности и работ, являющихся результатом различных гражданских объединений или государственных институтов.

Общепринято считать временем становления дискурса медиаграмотности 1960-е гг. когда для стран Европы, США и Канады для расширения демократических прав и свобод граждан стало необходимо лучшее понимание тиражируемого СМИ контента. Британский исследователь Р. Уил-

лиамс отмечает, что в XIX в. под грамотностью подразумевалось единство умения читать и быть легко читаемым [19]. Проводя аналогию, можно предположить, что медиаграмотность с середины XX в. становится условием, фактически синонимом активного участия в жизни демократического общества.

С момента формирования представления о так называемом «эффективном гражданине» актуализируется проблема медиаобразования как гражданского лифта. С развитием технологий медиаобразование вбирало в себя необходимость повысить визуальную грамотность, компьютерную грамотность, интернет-грамотность и т. д. [20] Каждому этапу развития технологий соответствовала особая стадия медиаобразования и соответственно понимание медиаграмотности.

Среди большого количества медиаобразовательных теорий американский исследователь Дж. Поттер выделяет четыре конструирующие темы. Первая заключается в тезисе, что массмедиа обладают потенциалом негативного воздействия на своего реципиента, но одновременно с этим медиа обладают возможностью оказывать положительные эффекты.

Этот подход солидаризируется с первой стадией развития медиаобразования. Как отмечают некоторые исследователи, эта модель взаимодействия может быть обозначена как протекционистская [21] или инокуляционная [22]. В рамках такого подхода к медиаобразованию предполагалось, что различные вещательные формы медиа оказывают на зрителя негативное влияние, так как обладают большим потенциалом гипнотизирования и идеологической обработки. За самим реципиентом СМИ закреплялся статус *tabula rasa*, то есть СМИ могли навязать каждому человеку абсолютно любые ценности.

В качестве второй Поттер называет существование некоего общего абстракта цели, который заключается в преодолении, минимализации негативного влияния со стороны медиа. Он говорит, что существует ряд расхождений среди теоретиков медиаобразования и масштабов воздействия медиа на людей, но отмечает, что даже незначительное влияние СМИ надо рассматривать соотносительно с количеством времени его воздействия, на современном этапе это вся жизнь человека.

Это присуще фазе смирения, которая начинается с 70-х гг. XX в. На данном этапе продолжающееся развитие и интеграция медиа во все сферы жизни человека показала несостоятельность стратегии негативного восприятия их потенциала для сферы образования. Медиа становятся инструментами процесса обучения. Одновременно с этим начинает оформляться корпус вопросов, которые должны были раскрыть идеологическую программу СМИ.

Третьей темой Поттер называет понимание медиаобразования как длительного процесса и возможность потерять приобретенные знания, если человек будет изъят из медиасреды и возвращен туда спустя время, так как имеющиеся навыки могут оказаться несостоятельными, вследствие изменений в формах сообщения информации. Четвертая тема связана с пониманием медиаграмотности как многомерного феномена, ибо СМИ способны оказывать воздействие на формирование оценочных установок, эмоционального и физического состояния.

Эти подходы свойственны теориям медиаобразования критической направленности, появление которых приходится на конец 80-х гг. С этого периода в США, Канаде, Австралии, Европе медиаобразование становится одной из приоритетных сфер изучения, это подтверждается появлением большого количества международных конференций, среди которых «The World Summit On Media For Children Foundation». Кроме этого формируются различные общественные комитеты, так или иначе занимающиеся разработкой ключевых принципов медиаобразования.

Британский исследователь в сфере медиаобразования Д. Букингем утверждает, что медиаобразование – это процесс «обучения и изучения медиа» [23]. Букингем полагает, что быть медиаграмотным в современном обществе так же важно, как и уметь читать и писать. Под медиаграмотностью он подразумевает не набор практических навыков использования новых технологий, а возможность установления взаимодействия между медиа и пользователями.

В 1985 г. выходит книга Лена Мастермана «Teaching the Media». Автор данной работы являлся одним из медиапедагогов нового типа, он не разделял протекционистскую парадигму и оказал впоследствии большое влияние на формирование медиаобразовательных тенденций в англоговорящих странах. Его концепция медиаобразования не вписывалась в имеющуюся на тот момент модель образования. Его позиция предполагала необходимость пересмотра самого принципа обучения. Он выдвигает тезис о том, что для осуществления медиаобразования необходимы «неиерархические режимы обучения и методология, которая будет способствовать рефлексии и критическому мышлению, и в то же время будучи живой, демократической, корпоративно-ориентированной и нацеленной на конкретные действия, которые может сделать учитель» [24].

Д. Букингем разделяет позицию Л. Мастермана о необходимости пересмотра оптики восприятия медиа с «защитной» на «деятельностную». Кроме того, Букингем пишет о том, что опре-

деление зрителя как пассивного объекта получения информации не совсем верно, так как в том числе изменился сам ландшафт медиасреды.

Представляется очевидным, что медиаграмотность является необходимым условием не только удовлетворения информационно-коммуникационных потребностей современного человека, но и обязательным для становления информационной культуры. Интерпретация медиаграмотности как некоторого инструментального навыка выступает в качестве фактора разделения общества на медиаэлиту и медиаплебс. По нашему мнению, медиаграмотность в контексте развития медиаобразовательной теории подтверждает, что наиболее актуальным является понимание медиаграмотности как условия выделения человека из тотальности медийного в качестве медиасубъекта.

Примечания

1. *Cheney D.* Fuzzy logic: Why students need news and information literacy skills. *Youth Media Reporter*, 2010. URL: <http://www.youthmediareporter.org/2010/06/24/fuzzy-logic-why-students-need-news-and-information-literacy-skills/> (дата обращения: 31.05.2017).
2. *Vahlberg V., Peer L. and Nesbit M.* If It Catches My Eye: An Exploration of Online News Experiences of Teenagers. Evanston, IL: Media Management Center, Northwestern University. 2008. URL: https://www.americanpressinstitute.org/wp-content/uploads/2013/09/NIE_if-it-catches-my-eye-2008.pdf (дата обращения: 31.05.2017).
3. *Гэллоуэй А. Р.* Неработающий интерфейс // *Медиа: между магией и технологией* / под ред. Н. Сосна, К. Федоровой. М. : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. С. 252–288.
4. *Куртов М. А.* Генезис графического пользовательского интерфейса. К теологии кода. СПб. : Транслит, 2014. С. 7.
5. *Хачатрян Э., Коцар Ю., Бевза Д.* Всех вылечат, а интернет умрет. URL: http://www.gazeta.ru/tech/2015/01/23_a_6385045.shtml (дата обращения: 04.06.2017).
6. *Миронов В. В.* Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // *Гуманитарий Юга России*. 2012. Т. 1. С. 101–120.
7. *Кронгауз М. А.* Самоучитель олбанского. М. : АСТ : CORPUS, 2013. С. 32.
8. *Красноярова О. В.* Медиа как среда современного человека // *Известия ИГЭА*. 2010. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/media-kak-sreda-sovremennogo-cheloveka> (дата обращения: 04.06.2017).
9. *Сивков Д. Ю.* Медиа и метафизика // *Медиафилософия II. Границы дисциплины* / под ред. В. В. Савчука, М. А. Степанова. СПб. : С-Петербург. Филос. о-во, 2009. С. 16–25.
10. *Савчук В. В.* Медиареальность. Медиасубъект. Медиафилософия (интервью) // *Медиафилософия II. Границы дисциплины* / под ред. В. В. Савчука, М. А. Степанова. СПб. : С-Петербург. Филос. о-во, 2009. С. 226–242.
11. *Кузнецов А. Г.* Медиации и бытие в философии Бруно Латура // *Медиафилософия V. Способы анализа медиареальности*. СПб. : Изд-во С.-Петербург. филос. о-ва, 2010. С. 244–257.
12. *Мартьянов К.* Homo digitus // *Фонд Общественное мнение / ФОМ*. URL: <http://fom.ru/science/10025> (дата обращения: 04.05.2017).
13. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. с фр. О. А. Печенкиной. Тула : Тульский полиграфист, 2013. С. 6.
14. *Poster M.* The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Chicago : University of Chicago Press, 1990.
15. *Aufderheide P.* (ed.). Media Literacy: A Report of the National Leadership Conference on Media Literacy. Aspen, CO : Aspen Institute, 1993.
16. *Hobbs R.* The great debates circa 2001: The promise and potential of media literacy. *Community Media Review*, 2001. P. 25–27.
17. *Potter W.* James The State of Media Literacy // *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 2010. № 54(4). P. 675–696.
18. *Hobbs R.* Pedagogical issues in U.S. media education // *Deetz S.* (ed.) *Communication Yearbook 17*. Newbury Park : Sage Publications, 1994. P. 453–466.
19. *Williams R.* Keywords: A vocabulary of culture and society. L.: Fontana, 1988. P. 187–188.
20. *Burn A., Durran J.* Media literacy in schools: Practice, production and progression. L.: Paul Chapman, 2007.
21. *Федоров А. В., Новикова А. А.* Основные теоретические концепции медиаобразования // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2002. № 1. С. 149–158.
22. *Halloran J., Jones M.* The inoculation approach // *Alvarado M., Boyd-Barrett O.* (eds.) *Media education: An introduction*. L.: BFI, 1992. P. 10–13.
23. *Buckingham D.* Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture. Cambridge : Polity Press, 2003. P. 4.
24. *Masterman L.* Teaching the Media. L.: Comedia Publishing Group, 1985. P. 27.

Notes

1. Cheney D. Fuzzy logic: Why students need news and information literacy skills. Youth Media Reporter, 2010. Available at: <http://www.youthmediareporter.org/2010/06/24/fuzzy-logic-why-students-need-news-and-information-literacy-skills/> (accessed: 31.05.2017).
2. Vahlberg V., Peer L. and Nesbit M. If It Catches My Eye: An Exploration of Online News Experiences of Teenagers. Evanston, IL: Media Management Center, Northwestern University. 2008. Available at: https://www.americanpressinstitute.org/wp-content/uploads/2013/09/NIE_If-it-catches-my-eye-2008.pdf (date accessed: 31.05.2017).
3. Galloway A. R. *Nerabotayushchij interfejs* [Non-working interface] // *Media: mezhdru magiej i tekhnologij* – Media: between magic and technology / ed. N.Sosna, K. Federova. M.; Ekaterinburg. Armchair scientist. 2014. Pp. 252-288.
4. Kurtov M. A. *Genezis graficheskogo pol'zovatel'skogo interfejsa. K teologii koda* [Genesis of graphical user interface. To the theology of the code]. SPb. Translit. 2014. P.7.
5. Hachatryan EH., Kocar YU., Bevza D. *Vsekh vylechat, a internet umret* [All will be cured, and the Internet will die]. Available at: http://www.gazeta.ru/tech/2015/01/23_a_6385045.shtml (date accessed: 04.06.2017).
6. Mironov V. V. *Transformaciya kul'tury v prostranstve global'noj kommunikacii* [Transformation of culture in the space of the global communication] // *Gumanitarij YUGa Rossii* – Humanities of the South of Russia. 2012, vol. 1, pp. 101-120.
7. Krongauz M. A. *Samouchitel' olbanskogo* [Tutorial of Olban language]. M. AST: CORPUS. 2013. P. 32.
8. Krasnoyarova O. V. *Media kak sreda sovremennogo cheloveka* [Media as the environment of modern man] // *Izvestiya IGEHA* – News of ISEA. 2010, No. 6. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/media-kak-sreda-sovremennogo-cheloveka> (date accessed: 04.06.2017).
9. Sivkov D. YU. *Media i metafizika* [Media and metaphysics] // *Mediafilosofiya II. Granicy discipliny* – Media philosophy II. The boundaries of the discipline / ed. by V. V. Savchuk, M. A. Stepanov. SPb. Peterb. Philosophical society. 2009. Pp. 16-25.
10. Savchuk V. V. *Mediareal'nost'. Mediasub"ekt. Mediafilosofiya (interv'yu)* [Media Reality. Mediaobject. Media philosophy (interview)] // *Mediafilosofiya II. Granicy discipliny* – Media philosophy II. The boundaries of the discipline / ed. by V. V. Savchuk, M. A. Stepanov. SPb. Peterb. Philosophical society. 2009. Pp. 226-242.
11. Kuznecov A. G. *Mediacii i bytie v filosofii Bruno Latura* [Mediation and being in the philosophy of Bruno Latour] // *Mediafilosofiya V. Sposoby analiza mediareal'nosti* – Media philosophy V. Methods of analysis of media reality. SPb. Publ. of St. Petersburg philosophical society. 2010. Pp. 244-257.
12. Martynov K. *Homo digitus* // *Fond Obshchestvennoe mnenie* – Foundation Public Opinion / FOP. Available at: <http://fom.ru/science/10025> (date accessed: 04.05.2017).
13. Baudrillard J. [Simulacra and simulation] / translated from the French O. A. Pechenkina. Tula. Tulsy poligrafist. 2013. P.6.
14. Poster M. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Chicago : University of Chicago Press, 1990.
15. Aufderheide P. (ed.). *Media Literacy: A Report of the National Leadership Conference on Media Literacy*. Aspen, CO : Aspen Institute, 1993.
16. Hobbs R. The great debates circa 2001: The promise and potential of media literacy. *Community Media Review*, 2001. Pp. 25–27.
17. Potter W. James The State of Media Literacy // *Journal of Broadcasting & Electronic Media* 2010. № 54(4). Pp. 675–696.
18. Hobbs R. Pedagogical issues in U.S. media education // Deetz S. (ed.) *Communication Yearbook 17*. Newbury Park : Sage Publications, 1994. Pp. 453–466.
19. Williams R. *Keywords: A vocabulary of culture and society*. L.: Fontana, 1988. Pp. 187–188.
20. Burn A., Durran J. *Media literacy in schools: Practice, production and progression*. L.: Paul Chapman, 2007.
21. Fedorov A. V., Novikova A. A. *Osnovnye teoreticheskie koncepcii mediaobrazovaniya* [Basic theoretical concepts of media education] // *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* – Herald of the Russian humanitarian scientific Fund. 2002, No. 1, pp. 149-158.
22. Halloran J., Jones M. The inoculation approach // Alvarado M. Boyd-Barrett O. (eds.) *Media education: An introduction*. L.: BFI, 1992. Pp. 10–13.
23. Buckingham D. *Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture*. Cambridge : Polity Press, 2003. P. 4.
24. Masterman L. *Teaching the Media*. L.: Comedia Publishing Group, 1985. P. 27.

Вклад военных деятелей и ученых в развитие военной науки и научно-методических основ подготовки офицерских кадров (вторая половина XVIII в.)

В своей работе автор анализирует некоторые вопросы, освещающие значение трудов видных военных и государственных деятелей, ученых и педагогов второй половины XVIII столетия, для развития военной науки и научно-методических основ подготовки офицерских кадров для русской армии. В отечественной историографии присутствует незначительное количество работ ученых и историков, в которых прослеживается взаимосвязь уровня развития военной теории с усовершенствованием системы подготовки военных кадров. На основе архивных и других источников анализируется содержание отдельных трудов, оказавших влияние на развитие военной науки и военной школы в Российском государстве второй половины XVIII в. Автором обращено внимание на тот факт, что вышедшие в свет различного рода описания, «рассуждения», записки и другие научные и учебно-методические материалы по истории войн и военного искусства указывали на важность военной теории и являлись историческим обоснованием мероприятий по усовершенствованию военной системы государства. Во многих работах той поры отчетливо прослеживалась мысль о необходимости повышения качества военного образования офицеров и создания специальной отечественной высшей военной школы.

In his work the author analyzes some of the issues, highlighting the importance of the writings of prominent military and public figures, scientists and teachers of the second half of the eighteenth century, for the development of military science and scientifically-methodical bases of training officers for the Russian army. In Russian historiography there is a small number of works of scientists and historians, which traces the relationship of the level of development of military theory and improve the system of military training. On the basis of archival and other sources, analyze the contents of individual works have influenced the development of military science and military school in the Russian state in the second half of the XVIII century, the Author drew attention to the fact that published a different kind of description, "reasoning", notes and other scientific and educational materials on the history of wars and military art pointed out the importance of military theory and was a historical justification of actions for improvement of the military system of the state. In many works of the time clearly traced the idea of the necessity of improving the quality of military education of officers and the creation of a special national higher military school.

Ключевые слова: вторая половина XVIII в., русская армия, военная наука, военная школа, научные основы, подготовка артиллерийских и инженерных кадров, кадетский корпус, П. И. Шувалов, П. А. Румянцев, И. И. Русанов, И. А. Вельяшев-Волынцев, Я. П. Козельский.

Keywords: the second half of the XVIII century; the Russian army; military science; military education; scientific basis; training of artillery and engineers; the cadet corps; P. I. Shuvalov; P. A. Rumyantsev, I. I. Rusanov, I. A. Balashev-volintsev; Y. P. Kozelsky.

В 1750-е гг. П. И. Шуваловым было составлено несколько проектов, в которых большое внимание уделялось развитию русской военной науки и поднималась проблема создания в Российском государстве высшей военной школы. Эти вопросы с той или иной степенью детализации нашли свое отражение как в дореволюционной [1], так и в советской историографии.

Значение отдельных трактатов для развития отечественной военной науки, разработанных П. И. Шуваловым, кратко охарактеризовано в некоторых трудах известного советского историка Любомира Григорьевича Бескровного [2]. Вопросы становления и развития русской военной науки, а также отдельные аспекты проектов П. И. Шувалова по созданию в России высшей военной школы кратко освещаются в работе советского и российского историка и краеведа Сигурда Оттовича Шмидта [3].

Военным историкам и исследователям известно несколько проектов, авторство которых принадлежит П. И. Шувалову и в которых речь идет о создании отечественной высшей военной школы. Это, в частности, проекты 1753, 1755 и 1758 гг. Так, например, разработанный в 1753 г. П. И. Шуваловым трактат (в некоторых источниках «записка». – В. Б.) «О военной науке» [4], 24 марта 1754 г. был подан в Правительствующий Сенат и известен как под названием «О учреждении академии военных наук и о бытии оной при шляхетском кадетском корпусе, определяя вместо профессоров искусных и довольно знающих военнослужащих» [5]. Записка П. И. Шувалова «О военной науке» включала историческую часть, в которой излагались взгляды Шувалова на войну, армию и военное дело в их историческом развитии. П. И. Шувалов в своей записке пишет, что Россия, как и другие державы, в состоянии великой державы была «приведена победоносным оружием», а посему нужно помнить завет Петра: «надеясь на мир, не надлежит ослабевать в военном деле». Это главное положение военного идеолога середины XVIII в. П. И. Шувалова, сторонника создания сильной регулярной армии, которая постоянно совершенствовалась бы «в экзерцициях» [6]. В своей докладной записке «О военной науке» П. И. Шувалов также выдвинул идею организовать «Училище для военных наук». «За весьма нужное в военном деле просвещение подать, чего нам недостает, то есть теории, и для того учредить училище, для военных наук, которому пристойнее в шляхетском кадетском корпусе быть», а вместо профессоров «искуснейших и довольно знающих военное дело военнослужащих определить, которые лекции давать, дезертации делать, экзаменовать и прочее к тому потребное чинить имеют». Военная теория должна поднять военное искусство. «Материи для сего столь богаты, что никто по разным причинам, обстоятельствам и случаям подробно описать не в состоянии...» [7]

Продолжая рассмотрение проектов П. И. Шувалова, отметим, что в 1755 г. был разработан упомянутый выше «Проект об учреждении при шляхетном кадетском корпусе военного департамента для обучения офицеров военному искусству» [8], в основу которого была положена записка 1753 г. В проектах 1753 и 1755 гг. не только мотивирована целесообразность создания высшей военной школы, но и предложена программа обучения и намечен штат преподавателей. Что касается «Проекта об учреждении при шляхетном кадетском корпусе военного департамента для обучения офицеров военному искусству», то, по мнению П. И. Шувалова, задача этого департамента – дать общевоинским офицерам знания основ военной науки. К военной науке Шувалов относит геодезию, фортификацию, артиллерию и инженерное дело. В соответствии с тем, что «военная наука разделяется на две части: 1) как действует армия и 2) как строить крепости», департамент также нужно разделить на два класса [9]. П. И. Шувалов предложил довольно четкий учебный план, в который вошло: 1) «Всему тому, что до военного дела касается, как то экзерцицию употребляющуюся в полках, конную и пешую, солдатскую, унтер-офицерскую, гренадерскую, разводить на часы, сменять, различие знать барабанных боев, как солдатам жить в артелях, ефрейторскую, капральскую, унтер-офицерскую должность»; 2) «воинские художества (как офицеру обращаться и повелевать, как стрельбу производить и т. п.)»; 3) «науки военные (как фронт устроить, как маршировать, как лагерем войска расположить)»; 4) военная история («Рассуждать о всех знатных баталиях и акциях и рассуждать те погрешности отчего они потеряны»; 5) инженерное дело и артиллерия («словом все, что до военной науки касается») [10].

Хотя шуваловские проекты организации военного обучения офицеров не были осуществлены, тем не менее, положения проектов нашли дальнейшее развитие в последующих начинаниях П. И. Шувалова. Это сказалось уже во второй половине 1750-х гг. в изменении программы преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин будущим артиллеристам и инженерам [11].

Большую ценность представляет доклад русского полководца и военного теоретика генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского об организации армии, озаглавленный как «Мысль» [12] и поданный им Екатерине II в мае 1777 г. Проект Румянцева является одним из крупных достижений русской военно-теоретической мысли. Он решительно требовал, чтобы строительство вооруженных сил страны шло на основе национального опыта. «Мы... должны наблюдать, чтобы по мере пользы и выгод наших распространяться и в приличном только иным подражать, и сразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги...» [13] Значительное место П. А. Румянцев отводил вопросам вооружения и снабжения войск. Он добивался полной типизации вооружения.

Примечательны и вызывают особый интерес «Записки военного советника Русанова», представленные Платону Зубову в 1796 г. под названием «Известие о начале, учреждении и состоянии легулярного войска в России с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были» [14]. Рукопись Русинова была опубликована в 1875 г. с пред-

словием А. В. Терещенко, но как анонимная. В предисловии И. И. Русанов дает краткий обзор развития русского войска, начиная с древних времен. Очень обстоятельно, с цифрами и фактами, Русанов описывает формирование регулярной армии при Петре I, Елизавете и Екатерине II. Интересны также авторские «Примечания на устройство войск». **В них говорится о необходимости издания военно-теоретических работ**, так как «различные военачальники, прославившиеся в военном училище и оставившие различные и к совершению военной науки приличные сочинения и изъяснения, преподают премногие в том полезные наставления, из которых готовящийся посвятить себя военному ремеслу почерпает столько сведений, сколько желать может. Для совершенного своего просвещения, в них увидит он (по всей видимости имеется ввиду уже командир или начальник того или иного уровня. – В. Б.), на каком местоположении какое прилично сделать расположение войск; как устанавливать пехоту и конницу, сообразно с выгодой места и расположением неприятельским. Из них научится он, каким образом строить батальон, каре, колонну и другие виды, сходно с настоящею в том надобностью и с надеждою лучших успехов в действиях против неприятеля» [15]. **Русанов ратует за развитие военной науки и качество военного образования, и предлагает не выпускать и не производить в офицеры тех, кто к этому готовится, прежде того момента, когда они приобретут знания из области военной науки в т. ч. инженерной и артиллерийской** [16].

В этот период были изданы многие научно-методические пособия и наставления как по гражданским дисциплинам, так и по артиллерийскому и инженерному делу.

В первую очередь отметим ряд работ математического цикла, подготовленных преподавателями Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

В самом начале второй половины XVIII в. выпускник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса **Николай Ерофеевич Муравьев** (1724–1770), который после выпуска из корпуса в 1750 г. инженер-поручиком как лучший из выпускников был оставлен в корпусе преподавателем фортификации, в 1752 г. подготовил и опубликовал первую часть своей работы «Начальные основания математики» [17], которая считается одной из первых по времени отечественных работ по математике. Кстати, Н. Е. Муравьев, в предисловии обращаясь к П. И. Шувалову, пишет, что «...зная, что ваше сиятельство великую охоту к науке имеет...» и поэтому он осмелился поднести П. И. Шувалову первую часть начального основания математики. Н. Е. Муравьев не ограничился подготовкой учебных пособий по гражданским дисциплинам, преподаваемых в Сухопутном кадетском корпусе и военно-специальных школах. В 1752 г. им же было подготовлено учебное пособие «Фортификационная книга» [18], предназначенное для изучения инженерного дела. Заметим, что в декабре 1753 г. инженер капитан-поручик Н. Е. Муравьев был назначен генерал-адъютантом к П. И. Шувалову.

Одной из первых оригинальных научно-методических работ по артиллерии можно считать изданное в середине XVIII в. учебное пособие П. И. Шувалова «Практика единорогов» [19], применявшееся в учебном процессе для обучения школьников и кадет артиллерийской науке.

Труд **Михаила (Кузьмы) Васильевича Данилова** (1722 – после 1790) «Начальное знание теории и практики в артиллерии: С приобщением гидростатических правил с задачами. / Собранное капитаном артиллерии Михайлом Даниловым» [20], изданный в 1762 г., можно считать одним из первых отечественных печатных курсов артиллерии. Краткая характеристика данной работы приведена в труде «История материальной части» [21], изданном в 1904 г. и подготовленном полковником А. А. Нилусом, являвшимся на тот момент помощником инспектора классов Михайловского Артиллерийского училища и штатным военным преподавателем Михайловской Артиллерийской академии.

Иван Андреевич Вельяшев-Волынцев (1737–1795) руководил до февраля 1759 г. Московской артиллерийской школой, а затем вместе со своими учениками был переведен в Петербург [22] и стал преподавать вместе с Иваном Карамазовым (Картмазовым) курс артиллерии и геометрии в Объединенной артиллерийской и инженерной шляхетной школе [23]. После учреждения в 1762 г. Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) капитан артиллерии И. А. Вельяшев-Волынцев стал преподавать в нем курс артиллерии и алгебры [24]. И. А. Вельяшев-Волынцев написал второе учебное пособие «Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и Инженерного Кадетского корпуса», которое было издано в 1767 г. отдельной книгой и переиздано в 1777 г. [25], став в течение 40 лет единственным руководством для русских артиллеристов. В отличие от работы М. В. Данилова, труд Вельяшева-Волынцева отличался большей основательностью и содержанием. Работа И. А. Вельяшева-Волынцева предназначалась, в первую очередь, для кадет Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса, но фактически она использовалась в учебном процессе на протяжении 50 лет (до 1816 г.) почти во всех военно-учебных заведениях, существовав-

ших в то время. В основу труда И. А. Вельяшева-Волынцева лег опыт преподавания артиллерии в корпусе. В своем труде И. А. Вельяшев-Волынцев критически относится ко всем тем переводным учебным пособиям, которые были изданы в России с начала XVIII в. Он указывает, что получить необходимые сведения по артиллерии в этих книгах трудно потому, «...что один автор пишет теорию, не показывая ничего практических дел, другой же, напротив того, изобилуя в учении практики, не подтверждает оное теорию» [26].

За все время своей службы, которую он начал в восьмилетнем возрасте 6 апреля 1745 г. [27], Иван Андреевич характеризовался своими старшими начальниками только положительно. Вот, например, характеристика капитану артиллерии Вельяшеву-Волынцеву, данная директором АИШКК М. И. Мордвиновым в марте 1764 г.: «Состояния доброго. Обучает с прилежанием» [28]. В характеристике уже на полковника артиллерии (с 10 июля 1773 г.) И. А. Вельяшева-Волынцева сказано, что он «...знает артиллерию и прочие математические науки, географию и историю... владеет французским языком и умеет рисовать... в должности звания своего прилежен, от службы ради ленности больным не рапортован, и во всем себя ведет так как исправным штаб-офицерам надлежит. И как по чинам своим опрятен, так и в никаких от него не порядков не происходит... для чего и вышестоящих чинов достоин» [29]. В 1781 г. И. А. Вельяшеву-Волынцеву был присвоен чин инженер генерал-майора.

Большой интерес представляют также книги известного в последующем русского философа, просветителя, переводчика, писателя и педагога **Якова Павловича Козельского** (1729–1794), одного из авторов Нового уложения законов Российской империи. Якову Павловичу принадлежит авторство одного первых трудов по философии на русском языке [30] и многих других работ в области артиллерийской науки, механики и математики, в частности «Арифметическая предложения для употребления обучающегося... благородного юношества» [31], «Механические предложения...» [32] и др.

Вот какую характеристику дал капитану (с 25 мая 1764 г. – В. Б.) Я. П. Козельскому в марте 1766 г. директор АИШКК подполковник М. Бегичев. Яков Павлович поступил на службу 9 апреля 1752 г. «...в академию наук студентом (Академический университет Петербургской академии наук. – В. Б.). С 16 мая 1757 г. инженер-прапорщик. Грамоте российской читать и писать знает. **Арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию, алгебру и механику, также немецкий и французский латинский язык, историю и географию знает**» [33].

В Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе преподавал еще один образованный и широко известный педагог-математик второй половины XVIII в. **Николай Васильевич Верещагин** (1744–1807), ученик Я. П. Козельского. Н. В. Верещагин, унтер-офицерский сын, родом из Вологодских мест, в **12 лет пришел пешком (!)** [34] в Санкт-Петербург и 9 июля 1756 г. поступил в Санкт-Петербургскую артиллерийскую чертежную школу бомбардиром [35]. Уже в Объединенной артиллерийской и инженерной школе Н. В. Верещагину присвоен чин кондуктора, а 16 декабря 1763 г. – чин штык-юнкера артиллерии [36]. Н. В. Верещагин стал преподавать в АИШКК предметы математического цикла. Например, в 1764 г. в АИШКК он преподавал геометрию и, как указано в характеристике директора АИШКК М. И. Мордвинова, «...обучает с прилежанием» [37]. Уже в 1766 г. директор АИШКК подполковник М. Бегичев дает следующую характеристику Н. В. Верещагину: «Грамоте российской читать и писать, также арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию и алгебру **знает весьма изрядно** (на современный лад «отлично, превосходно». – В. Б.). В механике до сложных машин, в французском языке переводит нарочито, рисует тушью. Состояния хорошего. **Класс свой обучает с прилежанием**. К перемене чина достоин» [38].

Этот всесторонне талантливый человек памятен еще и своим бескорыстным служением делу. Николай Васильевич у себя на дому практиковал **совершенно бесплатное чтение дополнительных лекций** по математике для учащихся АИШКК, проявивших склонность к математическим дисциплинам, и для всех других желающих слушать эти лекции. Благодаря Н. В. Верещагину преподавание математических дисциплин в АИШКК проводилось на довольно высоком уровне. Более того, он оказал существенное влияние на развитие общего математического образования в России во второй половине XVIII столетия.

В 1789 г. была издана специальная работа для унтер-офицеров – «Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах» [39], сочиненные одним из видных военных деятелей времен Екатерины II, директором АИШКК генерал-поручиком **Петром Ивановичем Мелиссино** (1726–1797).

Подведем итоги вышеизложенному. Появившиеся описания, «рассуждения», записки и другие научные и учебно-методические материалы по истории войн и военного искусства служили чисто практическим целям. Они являлись как бы историческим обоснованием предпола-

гаемых мероприятий по усовершенствованию военной системы российского государства второй половины XVIII в.

П. И. Шувалов считал, что путем разработки военной теории можно поднять военное дело до степени науки, и он первым в русской военной истории высказал мысль о важности военной теории. Записка П. И. Шувалова «О военной науке» – первая попытка показать эволюцию военного искусства. Он объясняет развитие военного искусства деятельностью великих полководцев, указывает на постоянное изменение отдельных сторон военного дела, ставит вопрос о необходимости создания военной науки. В докладных записках и своих проектах П. И. Шувалов изложил свои взгляды на развитие военной науки и систему подготовки офицерских кадров для русской армии, **ясно сформулировал мысль о необходимости повышения военного образования офицеров и создания специальной высшей военной школы.**

Примечания

1. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. Т. I. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912 г. 676 с. + приложение. Приложение. С. 33–43.
2. Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 180–183; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воен. изд-во Мин-ва обороны Союза СССР, 1958. С. 180; Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 50–53.
3. Шмидт С. О. Проект П. И. Шувалова о создании в России высшей военной школы (1755 г.) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 390–404.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.20 (Военные дела). Оп. 1. Д. 194. Л. 1-15об.
5. Русский биографический словарь. Том XXIII. Шебанов – Шютц. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1911. 559 с. С. 496.
6. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 194. Л. 10.
7. Там же. Л. 11–12.
8. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 198. Л. 40–51.
9. Там же. Л. 46об.-47.
10. Там же. Л. 47об.-48об.
11. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. С. 662.
12. Фельдмаршал Румянцев: сб. документов и материалов / под ред. Н. М. Коробкова. М.: Госполитиздат, 1947. С. 68–83.
13. Там же. С. 68.
14. Известие о начале учреждения и состоянии регулярного войска в России, с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были / с предисл. А. В. Терещенка; Изд-во Имп. О-ва истории и древностей Российских при Моск. ун-те. М.: В Унив. тип. «Катков и К», 1875. 61 с.
15. Там же. С. 52–61.
16. Там же. С. 60–61.
17. Муравьев Н. Е. Начальные основания математики. Ч. I. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1752. 312 с.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 2409. Л. 1–9.
19. Шувалов П. И. Практика единорогов, изобретенных артиллерии генерал-фельдцейхмейстером и кавалером, графом П. И. Шуваловым, и преимущества их перед прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанные в вопросах и ответах для употребления при артиллерийских школах. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1760. 41 с.
20. Данилов М. В. Начальное знание теории и практики в артиллерии: С приобщением гидростатических правил с задачами / Собранные капитаном артиллерии Михайлом Даниловым. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1762. 104 с. + 2 л. черт.
21. Нилус А. А. История материальной части артиллерии: в 2 т. Т. I. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1904. С. 294–295.
22. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1222. Л. 56.
23. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1234. Л. 6об.
24. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 245.
25. Вельяшев-Волынцев И. А. Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса. СПб.: Тип. Шляхетного кадетского корпуса, 1777. 248 с. + 47 с. чертежи.
26. История Отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М.: Воениздат, 1960. С. 241.
27. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1855. Л. 26об.
28. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 245.
29. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1855. Л. 27.

30. Козельский Я. П. Философические предложения, сочиненные Надворным советником и Правительствующего Сената Секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года его Сиятельству князю Александру Алексеевичу Вяземскому... М. : Директ-Медиа, 2008. 256 с.
31. Козельский Я. П. Арифметические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества. СПб. : Тип. Шляхетного кадетского корпуса, 1764. 285 с.
32. Козельский Я. П. Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1764. 344 с.
33. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 1848. Л. 10 об.-11.
34. Смирнов А. В. Из истории просвещения Вологодского края в XIV–XVIII вв. // Материалы по истории местного края : [Сб. ст.] / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда : Б. и., 1967; Ученые записки кафедры истории. Т. 35. URL: <http://www.booksite.ru/education/main/history/13.htm> (дата обращения: 06.11.16).
35. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 1848. Л. 11 об.
36. Там же.
37. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1596. Л. 245.
38. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 1848. Л. 12.
39. Мелиссино П. И. Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах, сочиненные при артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе. СПб. : В Имп. тип., 1789. 73 с.

Notes

1. Rozhdestvenskij S. V. *Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vv.* [Essays on the history of the systems of the people education in Russia in XVIII–XIX centuries] Vol I. SPb. Typ. of M. A. Aleksandrova. 1912. 676 p. + app. Application. Pp. 33-43.
2. Beskrovnyj L. G. *Ocherki po istochnikovedeniyu voennoj istorii Rossii* [Essays on source studies of Russian military history]. M. Publ. AS SSSR. 1957. Pp. 180-183; *Beskrovnyj L. G. Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian army and navy in the eighteenth century]. M. Military publishing house of the Ministry of defense of the USSR. 1958. P. 180; *Beskrovnyj L. G. Ocherki voennoj istoriografii Rossii* [Essays on military historiography]. M. Publ. AS USSR. 1962. Pp. 50-53.
3. SHmidt S. O. *Proekt P. I. SHuvalova o sozdanii v Rossii vysshej voennoj shkoly (1755 g.)* [Project of P. I. Shuvalov on the establishment in Russia the higher military school (1755)] // *Voprosy voennoj istorii Rossii XVIII i pervoj poloviny XIX veka* – Military history of Russia XVIII and early XIX century. M. 1969. Pp. 390-404.
4. Russian state archive of ancient acts (RGADA). F. 20 (Military Affairs). Sh. 1. File 194. Sh. 1-15 turn.
5. *Russkij biograficheskij slovar'. Tom XXIII. SHEbanov – SHyutz* – Russian biographical dictionary. Volume XXIII. Shebanov – Schutz. SPb. Typ. of Possessions Main Control. 1911. 559 p. P. 496.
6. RGADA. F. 20. Sh. 1. File 194. Sh. 10.
7. Ibid. Sh. 11-12.
8. RGADA. F. 20. Sh. 1. File 198. Sh. 40-51.
9. Ibid. Sh. 46 turn – 47.
10. Ibid. Sh. 47 turn – 48 turn .
11. *Laskovskij F. F. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. CH. III. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva posle imperatora Petra I do imperatricy Ekateriny II* [Materials for the history of engineering in Russia. Part III. The experience of the study of engineering after the Emperor Peter I to Catherine II]. SPb. Typ. of Imp. Acad. of Sciences. 1865. P. 662.
12. *Fel'dmarshal Rumyantsev : sb. dokumentov i materialov* – Field Marshal Rumyantsev : collection of documents and materials / ed. M. Korobkova. M. Gospolitizdat. 1947. Pp. 68-83.
13. Ibid. P. 68.
14. *Izvestie o nachale uchrezhdeniya i sostoyanii reguljarnogo vojska v Rossii, s pokazaniem peremen, kakie po vremenam i obstoyatel'stvam v onom proizvodimy byli* – The news of the outbreak of the institution and the state regular troops in Russia, with the indication of the change which were hold in it in time and circumstances / with foreword by A. V. Tereshenko; Publ. Imp. Society of history and Russian antiquities under the Moscow University. M. Univ. typ. "Katkov and Co" 1875. 61 p.
15. Ibid. Pp. 52-61.
16. Ibid. Pp. 60-61.
17. *Murav'ev N. E. Nachal'nye osnovaniya matematiki* [Initial foundation of mathematics]. Part I. Spb. In Imper. Acad. Sciences. 1752. 312 p.
18. Russian state military historical archive (RGVIA). F. 314. Sh. 1. Vol. 1. File 2409. Sh. 1-9.
19. *SHuvalov P. I. Praktika edinorogov, izobretennykh artillerii general#fel'dcejhmejsterom i kavalerom, grafom P. I. SHuvalovym, i preimushchestva ih pered prezhnimi artillerijskimi orudiyami, kratko opisannye v voprosah i otvetah dlya upotrebleniya pri artillerijskikh shkolah* [Practice of unicorns, invented by artillery general Feldzeugmeister and knight, Shuvalov P.I., and the benefits to the former artillery that are outlined in the questions and answers for use in artillery schools]. SPb. In Imper. Acad. Sciences. 1760. 41 p.
20. *Danilov M. V. Nachal'noe znanie teorii i praktiki v artillerii: S priobshcheniem gidrostaticheskikh pravil s zadachami* [Elementary knowledge of the theory and practice of artillery: With the initiation of hydrostatic regula-

tion with task] / Collected by captain of artillery Mikhailov Danilov. M. Publ. in Emper. Mosc. Univ. 1762. 104 p. + 2 sheets with drafts..

21. Nilus A. A. *Istoriya material'noj chasti artillerii : v 2 t.* [History of material part of artillery : in 2 vol]. Vol. I. SPb. Typ. of P.P. Soykin. 1904. Pp. 294-295.

22. Archive of Military-historical Museum of artillery, engineer and signal corps (VYMAIV and VS). F. 2. Sh. IIIГФ. File 1222. Sh. 56.

23. Archive VYMAIV and VS. F. 2. Sh. IIIГФ. File 1234. Sh. 6 turn.

24. Archive VYMAIV and VS. F. 2. Sh. IIIГФ. File 1596. Sh. 245.

25. Vel'yashev-Volyncev I. A. *Artillerijskie predlozheniya dlya obucheniya blagorodnogo yunoshestva Artillerijskogo i inzhenernogo shlyahetnogo kadetskogo korpusa* [Artillery suggestions for teaching the noble youth of the Artillery and engineering gentry cadet corps]. SPb. Typ. Gentry cadet corps. 1777. 248 p.+ 47 p. drawings.

26. *Istoriya Otechestvennoj artillerii. T. 1. Kn. 2 : Artilleriya russkoj armii v period ukrepleniya absolyutizma (XVIII v.)* – The history of domestic artillery. Vol. 1. Book 2 : artillery of the Russian army in the period of strengthening of absolutism (XVIII). M. Voenizdat. 1960. P. 241.

27. Archive VYMAIV and VS. F. 2. Sh. IIIГФ. File 1855. Sh. 26 turn.

28. Archive VYMAIV and VS. F. 2. Sh. IIIГФ. File 1596. Sh. 245.

29. Archive VYMAIV and VS. F. 2. Sh. IIIГФ. File 1855. Sh. 27.

30. Kozel'skij YA. P. *Filosoficheskie predlozheniya, sochinennye Nadvornym sovetnikom i Pravitel'stvuyushchego Senata Sekretarem Yakovom Kozel'skim v Sankt-Peterburge 1768 goda ego Siyatel'stvu knyazyu Aleksandru Alekseevichu Vyazemskomu...* [Philosophical suggestions by the Court Advisor and the governing Senate Secretary Jacob Kozelsky in St. Petersburg in 1768 to his Excellency Prince Alexander A. Vyazemsky...]. M. Direct Media. 2008. 256 p.

31. Kozel'skij YA. P. *Arifmeticheskie predlozheniya dlya upotrebleniya obuchayushchegosya pri Artillerijskom i inzhenernom shlyahetnom kadetskom korpuse blagorodnogo yunoshestva* [Arithmetic proposals for student use at the Artillery and engineering gentry cadet corps of the noble youth]. SPb. Typ. Gentry cadet corps. 1764. 285 p.

32. Kozel'skij YA. P. *Mekhanicheskiya predlozheniya dlya upotrebleniya obuchayushchegosya pri Artillerijskom i inzhenernom shlyahetnom kadetskom korpuse blagorodnogo yunoshestva, sochinennyya artillerii kapitanom Yakovom Kozel'skim* [Mechanical proposals for student use at the Artillery and engineering gentry cadet corps of the noble youth, composed by artillery captain Jacob Kozelsky]. SPb. In Emper. Acad. Sciences. 1764. 344 p.

33. Archive VYMAIV and VS. F. 2 Sh. IIIГФ. File 1848. Sh. 10. 11.

34. Smirnov A. V. *Iz istorii prosveshcheniya Vologodskogo kraya v XIV-XVIII vv* [From the history of education of the Vologda region in the XIV-XVIII centuries] // *Materialy po istorii mestnogo kraya* – Materials on history of local edge: [coll. articles] / Vologod. State Ped. In-t. Vologda: B. I., 1967; *Uchenye zapiski kafedry istorii* – Scientific of the Department of history. Vol. 35. Available at: <http://www.booksite.ru/education/main/history/13.htm> (date accessed: 06.11.16).

35. Archive VYMAIV and VS. F. 2 Sh. IIIГФ. File 1848. Sh. 11 turn.

36. Ibid.

37. Archive VYMAIV and VS. F. 2. Sh. IIIГФ. File 1596. Sh. 245.

38. Archive VYMAIV and VS. F. 2 Sh. IIIГФ. File 1848. Sh. 12.

39. Melissino P. I. *Kratkie artillerijskie zapiski dlya nastavljeniya unter#oficerov v novouchrezhdennyh artillerijskih batal'onah, sochinennye pri artillerijskom i inzhenernom shlyahetnom kadetskom korpuse* [Brief artillery note for the instruction of noncommissioned officers in the newly established artillery battalions, composed at the artillery and engineering gentry cadet corps]. SPb. In Emper. typ. 1789. 73 p.

УДК 94 (470.57)

Р. Р. Шилова

Деятельность земства по оказанию помощи нуждающимся в годы Первой мировой войны: на примере Уфимской губернии

С вступлением Российской империи в войну перед земским самоуправлением тыловых регионов страны возникли новые задачи, в том числе и в сфере общественного призрения и благотворительности. Статья посвящена рассмотрению основных направлений деятельности земских учреждений Уфимской губернии в годы Первой мировой войны в области организации помощи участникам и «жертвам» войны.

Привлечение неопубликованных ранее источников, периодической печати, современных исследований позволило показать, каким образом была организована помощь со стороны земских учреждений Уфимской губернии в военный период. Изучение опыта организации помощи нуждающимся на примере Уфимской губернии в условиях войны может быть весьма полезным с точки зрения взаимодействия госу-

дарственных учреждений и российских граждан в организации социальной помощи в чрезвычайных условиях.

With the accession of the Russian Empire in the war before the Zemstvo self-government logistics regions of the country pose new challenges, including in the sphere of public charity and philanthropy. The article is devoted to the main activities of the Zemstvo institutions of the Ufa province in the field of organization of aid to the needy during the First world war, including the participants and "victims" of the war.

The involvement of previously unpublished sources, periodicals, modern research has enabled to show the directions and peculiarities of organization of bodies of territorial self-government and created in Ufa province during this period, committees of the Zemstvo Union, assistance to victims of war. The study of the experience of the organization help those in need, on the example of Ufa province in war, can be very useful from the point of view of interaction between state institutions and Russian citizens in the organization of social assistance in emergencies.

Ключевые слова: Первая мировая война, Уфимская губерния, земское самоуправление, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, благотворительность.

Keywords: First world war, Ufa province, zemstvo self-government, all-Russian Zemstvo Union for the sick and wounded soldiers, the charity.

В отечественной историографии в последнее время внимание исследователей обращено на историю земского самоуправления, в частности деятельность земских учреждений тыловых губерний в годы Первой мировой войны. Среди них огромное количество исследований посвящено деятельности земств по организации помощи армии и пострадавшему от войны населению. Что касается Урало-Поволжского региона, то здесь некоторые аспекты этой большой темы затрагивают в своих работах исследователи К. Е. Баженова, Е. Ю. Казакова-Апкаримова, М. С. Нагорная, Р. Н. Сулейманова и др. [1] Вместе с тем следует отметить, что специальных исследований, посвящённых Уфимской губернии и освещающих работу земских учреждений этого региона в годы войны, практически нет. Таким образом, рассмотрение опыта деятельности земств в этот сложный период является весьма актуальным, так как дает понять, как оказывалась помощь различным категориям населения в чрезвычайных условиях.

Первая мировая война по своим масштабам, количеству участвующих стран и по форме ведения стала одним из крупнейших глобальных военных противостояний XX в. Война потребовала от российского правительства мобилизации всех сил и ресурсов страны, что было невозможно без взаимодействия государства и общественности. Именно в это непростое время впервые проявилось широкое и масштабное взаимодействие между фронтом и тылом, поддержка армии со стороны российской общественности, которая имела самые различные формы. В этот сложный период единодушную поддержку правительству в организации помощи фронту и тылу оказали органы земского самоуправления.

Уже с первых месяцев войны земские учреждения России разворачивают широкомасштабную работу по открытию госпиталей для раненых воинов не только на фронте, но и в тылу, организуют помощь пострадавшему от войны населению: семьям мобилизованных, инвалидам войны, детям-сиротам, русским военнопленным и беженцам. Для более эффективного решения проблем и задач, выдвинутых войной в августе 1914 г., в Москве создается Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (ВЗС), который объединил около 40 губернских земств.

Уфимское губернское земство также активно подключилось к оказанию помощи государству и армии. Уже через несколько дней после объявления войны, 10 августа 1914 г., на чрезвычайном губернском земском собрании было принято решение войти в состав Земского союза и внести 100 тыс. руб. в качестве вступительного взноса. Был образован Уфимский губернский комитет ВЗС под руководством гласного губернского земского собрания А. А. Зеленцова [2]. Этот комитет возглавил работу по приему и распределению эвакуированных с фронта больных и раненых воинов, открытию и снабжению госпиталей и лазаретов в губернии, организовав во всех уездных городах свои отделения. В тесном взаимодействии с Земским союзом работал Уфимский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ). Образованный почти одновременно с Земским в августе 1914 г., Союз городов имел схожие с ним цели, направленные на решение одних и тех же задач. Именно поэтому 1 сентября 1914 г. на заседании Уфимского комитета ВСГ было принято решение объединить деятельность обоих союзов, при этом не нарушая самостоятельности каждого [3].

В августе 1914 г. в Уфу с театра военных действий начали прибывать первые поезда с ранеными и больными воинами. Для их размещения в губернской земской больнице в срочном по-

рядке было увеличено число коек, оборудовались свободные помещения земской богадельни, амбулатории и барак при больнице, общее количество коек было доведено до 184 [4].

В крупных городах губернии – Стерлитамаке, Бирске, Белебее, Златоусте, Мензелинске – в течение первых месяцев войны велась напряженная работа по расширению земской больничной сети: под лазареты перестраивались помещения при уездных земских больницах, открывались военные отделения, из земских аптек был организован льготный и бесплатный отпуск медикаментов и перевязочных материалов. Во вновь открываемые лазареты земством приглашались врачи, фельдшеры и сестры милосердия Российского Общества Красного Креста, оплачивалась их работа. Осенью 1914 г. в Уфе при земской фельдшерско-акушерской школе были открыты шестинедельные курсы по перевязкам и уходу за больными, выпускники которых привлекались к работе в лазаретах [5].

Регулярная эвакуация больных и раненых воинов в Уфу началась с февраля 1915 г. В этих условиях основную нагрузку по их размещению и лечению взяли на себя госпитали и лазареты Земского и Городского союзов. Возникла срочная необходимость организовать работу по их оборудованию, по снабжению медикаментами, инструментами, бельем, продуктами питания и пр. Для этого земство губернии призвало население предоставлять свободные помещения под лазареты, брать на патронаж легкораненых, жертвовать деньги, одежду, продукты и оказывать госпиталю и лазаретам всевозможную посильную помощь личным трудом. Процесс создания и оборудования госпиталей и лазаретов в губернии шёл на протяжении всей войны. В Уфе они открывались при земской фельдшерской школе, железнодорожном и землемерном училищах, училище глухонемых, учительском институте, в помещениях Крестьянского банка, Биржевого комитета, при церквях, в торговых домах, домах горожан и пр. [6] На 1 февраля 1915 г. в губернии было оборудовано 46 госпиталей на 2 709 коек [7].

Земство губернии широко поддерживало инициативу населения по сбору средств не только на открытие госпиталей, но и на нужды армии и пострадавшего от войны населения. С разрешения губернатора земские учреждения организовывали сборы пожертвований через санитарно-благотворительные и волостные попечительства. Пожертвования принимались одеждой и продуктами, пасхальными и рождественскими подарками для воинов, деньгами для выдачи пособий семьям призванных от Уфимской губернии, одеждой и обувью для беженцев и др.

В условиях войны, наряду с оказанием помощи армии, приоритетными были также задачи по поддержке семей призванных на фронт. Члены семей, мобилизованных от Уфимской губернии, получали всестороннюю поддержку от губернской власти, благотворительных обществ и земских учреждений. Так, для этих целей 10 августа 1914 г. на 47-й чрезвычайной сессии губернского земского собрания было решено создать особый фонд для оказания помощи солдатским семьям и выделить в этот фонд 10 тыс. руб. [8] В уездах активную работу вели созданные при земских управах отделы и комитеты по оказанию помощи семьям мобилизованных, которые также выделяли средства на всестороннюю поддержку семей.

Важной функцией земства в годы войны было распределение пособий населению. Так, по закону от 25 июня 1912 г. семьи находящихся в армии нижних воинских чинов имели право на получение казенного продовольственного пособия [9]. Однако во многих случаях пособий от государства было недостаточно, поэтому земство часто выступало одним из основных источников средств поддержания семей, выдавало дополнительные пособия на пропитание, отопление или наем жилья.

Главной трудностью, с которой столкнулись земские учреждения в годы войны, была нехватка финансовых средств. Однако даже при таком положении земство губернии старалось увеличивать ассигнование на благотворительные нужды. Так, в смете расходов за 1914 г. на общественное призрение им было выделено 20 869 руб. 65 коп. [10] В последующие годы эта сумма увеличивалась: в 1915 г. – 26 840 руб. 41 коп., а в 1916 г. – 33 251 руб. 70 коп. [11] Также следует отметить, что для увеличения средств на оказание помощи семьям служащие земских учреждений отчисляли 2% от своего жалования, эти средства направлялись на дополнительные пособия и на организацию помощи в сельскохозяйственных работах и др.

В сельской местности губернии с уходом большей части мужского населения на фронт повсеместно ощущалась нехватка рабочих рук. Появилась угроза сокращения посевных площадей и голода среди населения губернии из-за недостатка продовольствия. Необходимо было срочно организовать помощь семьям фронтовиков в сельскохозяйственных работах. Губернское земство пыталось решить этот вопрос путем выделения средств из образованного фонда на покупку семян, аренду инвентаря и сельскохозяйственных машин из земских складов и прокатных пунктов, наем рабочих, принимало на свой счет проценты по ссудам, которые выдавали кредитные товарищества семьям [12]. В 1915 г. при Уфимской губернской земской управе состоялось агрономи-

ческое совещание, по итогам которого на весеннюю вспашку полей было выделено 10 тыс. руб., а для оказания помощи в уборке урожая 50 тыс. руб. [13] Уездные земские управы для решения этой проблемы привлекали кредитные товарищества, санитарно-благотворительные и волостные попечительства, которые организовывали рабочие дружины учащихся, привлекали беженцев и трудовые артели военнопленных. Кроме того, земство часто выступало в местной печати с обращением к населению губернии организовать мирскую помощь в сельскохозяйственных работах солдатским семьям и инвалидам войны, что в значительной мере облегчило положение семей.

Война остро поставила вопросы общественного призрения детей фронтовиков, инвалидов войны и погибших на войне. По всей стране в этот период начинают создаваться приюты и ясли для детей-сирот, открываются школы, общежития, убежища и очаги для детей – инвалидов войны и беженцев. Работу в этом направлении совместно с правительством, благотворительными организациями проводили и земские органы. Следует отметить, что в Уфимской губернии в сельской местности ясли-приюты создавались еще до войны, так с 1900 г. работу в этом направлении губернское земство взяло под свое руководство, однако это не носило постоянный и повсеместный характер [14]. А с началом войны открытие яслей и приютов стало одним из приоритетных направлений в деятельности земства в оказании помощи семьям. В 1915 г. в Уфимском уезде ясли-приюты были открыты в 21 деревне с общим количеством детей 1 281 человек, из них 169 – грудного возраста. В Мензелинском уезде в 45 яслях призревало 3 195 детей, из них до года – 173 ребенка. В Бирском уезде в 19 деревенских яслях призревало 619 детей [15]. Активная работа проводилась земством Уфимской губернии совместно с Романовским комитетом в организации земледельческих приютов «для призрения, трудового воспитания и обучения детей увечных и погибших воинов» [16]. Так, только в Златоустовском уезде летом 1915 г. земледельческие приюты были открыты в 11 населенных пунктах [17]. Помимо этого уездные управы выдавали дополнительные субсидии для семей, которые не смогли устроить детей в ясли.

Война привела к возникновению массового движения населения с прифронтовой территории в глубь страны. Осенью 1915 г. в тыловые регионы империи хлынули десятки тысяч беженцев. Одним из районов размещения беженцев стала Уфимская губерния. Губернские власти, земское и городское самоуправление срочно активизировали работу по их размещению и устройству. Насколько сложной была эта задача, дает понять тот факт, что во время пика притока беженцев в октябре 1915 г. через Уфу в день проходило от 1 000 до 5 000 человек [18]. Часть из них оседала в губернии.

Организация помощи беженскому населению в пределах губернии проводилась на основе решения чрезвычайного Уфимского губернского земского собрания, что «правильное разрешение задачи устройства беженцев возможно лишь при участии всех живых местных общественных сил» [19]. Поэтому к этому делу земство привлекало санитарно-благотворительные и приходские попечительства, местные национальные организации, благотворительные общества и в целом население губернии. Помощь выражалась в открытии питательных и обсервационных пунктов, заразных бараков и изоляционных убежищ, в организации медицинской помощи, выдаче пайков, сборе пожертвований, устройстве приютов для детей-сирот, богаделен для одиноких беженцев-стариков, трудоустройстве и проч.

Таким образом, земские учреждения Уфимской губернии внесли немалый вклад в решение насущных проблем по укреплению тыла и снабжению армии. Привлекая и объединяя все общественные силы, они справились с поставленными перед ними важными социальными задачами.

Примечания

1. *Баженова К. Е.* Деятельность организаций Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Тагил, 2010; *Казакова-Апкаримова Е. Ю.* Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2 (76). С. 113–126; *Нагорная М. С.* Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны: 1913 – февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999; *Сулейманова Р. Н.* Деятельность местных комитетов Всероссийского Союза Городов, Всероссийского Земского Союза, благотворительных организаций и населения Уфимской губернии в первые годы I мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12 (341). История. Вып. 60. С. 54.

2. Врачебно-санитарная хроника. Санитарное бюро Уфимской городской управы. 1914 г. Уфа, 1915. С. 3.

3. *Сулейманова Р. Н.* Деятельность местных комитетов Всероссийского Союза Городов, Всероссийского Земского Союза, благотворительных организаций и населения Уфимской губернии в первые годы I мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12 (341). История. Вып. 60. С. 54.

4. Отчет по Уфимской губернской земской больнице, аптеке, богадельне и патронажу для питомцев губернского Земства за 1914 год. Уфа, 1916. С. 5.
5. НА РБ. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.
6. Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского земского союза на 1-е июня 1915 г. / Все-рос. зем. союз помощи больным и раненым воинам. Отд. эвакуации. 2-е изд. М., 1915. С. 314–315.
7. Список лечебных заведений для эвакуированных воинов: На 1 февр. 1915 г. : Сост. по повелению... верховного нач. сан. и эваку. части на основании донесений губернаторов, градоначальников и начальников областей. 1-е изд. СПб., 1915. С. 399.
8. Журнал Уфимского губернского земского собрания 47-й чрезвычайной сессии. 10 августа 1914 г. Уфа, 1914. С. 23.
9. Закон о призрении нижних воинских чинов и их семейств и о выдаче суточных денег на довольствие эвакуированным увечным, раненым и больным нижним чинам армии и флота. Уфа, 1915.
10. Смета доходов и расходов Уфимского губернского земства на 1914 г. Уфа, 1914. С. 15.
11. Смета доходов и расходов Уфимского губернского земства на 1916 г. Уфа, 1916. С. 24.
12. Журнал Уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии. 19 июня 1915 г. Уфа, 1915. С. 12.
13. Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 41-й очередной сессии 1–21 декабря 1915 г. Уфа, 1916. С. 17.
14. Уфимский сельскохозяйственный листок. 1917. 25 ноября. С. 15.
15. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии. Санитарное бюро Уфимского губернского земства. Уфа, 1916. С. 2.
16. РГИА. Российский государственный исторический архив. Ф. 769. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
17. Врачебно-санитарная хроника. Санитарное бюро Уфимской городской управы. 1914 г. Уфа, 1915. С. 41.
18. Отчет о деятельности Земско-городской организации помощи беженцам. Уфа, 1915. С. 6.
19. Уфимский сельскохозяйственный листок. 1915. 30 сент. С. 17.

Notes

1. Bazhenova K. E. *Deyatel'nost' organizacij Vserossijskogo Zemskogo Soyuza i Vserossijskogo Soyuza Gorodov na Srednem Urale v gody Pervoj mirovoj vojny : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of organizations all-Russian Zemstvo Union and all-Russian Union of Cities in the middle Urals during the First world war : abstr. dis. Cand. hist. sciences]. N. Tagil. 2010; Kazakova-Apkarimova E. YU. *Obshchestvennaya zhizn' ural'skogo goroda v gody Pervoj mirovoj vojny* [Social life of Ural city during the First World War] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* – News of Siberian Federal University. 2010, No. 2 (76), pp. 113–126; Nagornaya M. S. *Zemskoe samoupravlenie na YUzhnom Urale nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny: 1913 – fevral' 1917 gg. : avtoref. dis. ... kadm. ist. nauk* [Zemstvo self-government in the southern Urals on the eve and during the First world war 1913 – February 1917: abstract of dis. ... cand. hist. sciences]. Kurgan. 1999; Sulejmanova R. N. *Deyatel'nost' mestnykh komitetov Vserossijskogo Soyuza Gorodov, Vserossijskogo Zemskogo Soyuza, blagotvoritel'nykh organizacij i naseleniya Ufimskoj gubernii v pervye gody I mirovoj vojny* [The activities of the local committees of the Russian Union of Cities, the all-Russian Zemstvo Union, charitable organizations and citizens of Ufa province in the first years of World War I] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2014, No. 12 (341). History. Vol. 60, p. 54.
2. *Vrachebno-sanitarnaya khronika. Sanitarnoe byuro Ufimskoj gorodskoj upravly* – Medical sanitary chronicle. Sanitary Bureau of the Ufa city council. 1914 Ufa. 1915. P. 3.
3. Sulejmanova R. N. *Deyatel'nost' mestnykh komitetov Vserossijskogo Soyuza Gorodov, Vserossijskogo Zemskogo Soyuza, blagotvoritel'nykh organizacij i naseleniya Ufimskoj gubernii v pervye gody I mirovoj vojny* [The activities of the local committees of the Russian Union of Cities, the all-Russian Zemstvo Union, charitable organizations and citizens of Ufa province in the first years of World War I] // *Herald of the Chelyabinsk State University*. 2014, No. 12 (341). History. Vol. 60, p. 54.
4. *Otchet po Ufimskoj gubernskoj zemskoj bol'nice, apteke, bogadel'ne i patronazhu dlya pitomcev gubernskogo Zemstva za 1914 god* – A report on the Ufa provincial Zemstvo hospital, pharmacy, hospice and aegis for pets of the provincial Zemstvos in 1914. Ufa. 1916. P. 5.
5. The national archive of the Republic of Bashkortostan. F. И-121. Sh. 1. File 28. Sh. 1.
6. *Spisok gosptalej, sostoyashchih na uchete Vserossijskogo zemskogo soyuza na 1-e iyunya 1915 g.*– List of hospitals, including the all-Russian Zemstvo Union on 1 June 1915 / all-Russian Zemstvo Union for aid to sick and wounded soldiers. Dep. of evacuation. 2 publ. M. 1915. Pp. 314–315.
7. *Spisok lechebnykh zavedenij dlya ehvakuirovannykh voinov: Na 1 fevr. 1915 g.: Sost. po povelenuyu... verhovnogo nach. san. i ehvak. chasti na osnovanii donesenij gubernatorov, gradonachal'nikov i nachal'nikov oblastej* – The list of hospitals for evacuated soldiers: On 1 February. 1915: comp. according to the commandment... of the supreme head of san. and evak. department based on the reports of governors, mayors and heads of areas. 1 publ. SPb. 1915. P. 399.
8. *ZHurnal Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 47 chrezvychajnoj sessii* – Journal of the Ufa provincial Zemstvo assembly of the 47th extraordinary session. 10 Aug 1914 Ufa. 1914. P. 23.
9. *Zakon o prizrenii nizhnih voinskih chinov i ih semejstv i o vydache sutochnykh deneg na dovol'stvie ehvakuirovannym uvechnym, ranenym i bol'nym nizhnim chinam armii i flota* – The law on charity of lower ranks of

the military and their families and on the results of daily money allowance for evacuated crippled, twounded and sick lower ranks of the army and navy. Ufa. 1915.

10. *Smeta dohodov i raskhodov Ufimskogo gubernskogo zemstva na 1914 g.* – The estimates of income and expenditure of the Ufa provincial Zemstvo in 1914. Ufa. 1914. P. 15.

11. *Smeta dohodov i raskhodov Ufimskogo gubernskogo zemstva na 1916 g.* – The estimates of income and expenditure of the Ufa provincial Zemstvo in 1916. Ufa. 1916. P. 24.

12. *Zhurnal Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 48 chrezvychajnoj sessii* – Journal of the Ufa provincial Zemstvo Assembly of the 48 th extraordinary session. 19 Jun 1915. Ufa. 1915. P. 12.

13. *Sbornik zhurnalov Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 41 ocherednoj sessii 1–21 dekabrya 1915 g.* – A collection of journals of the Ufa provincial Zemstvo Assembly of the 41st second regular session 1–21 December 1915. Ufa. 1916. P. 17.

14. *Ufimskij sel'skohozyajstvennyj listok* – The Ufa agricultural leaflet. 1917. 25 Nov. P. 15.

15. *Dlya chego nuzhny i kak ustraivat' yasli-priyuty v derevnyah Ufimskoj gubernii. Sanitarnoe byuro Ufimskogo gubernskogo zemstva* – For what purpose and how to arrange the nursery shelters in the villages of Ufa province. Sanitary Bureau of the Ufa provincial Zemstvo. Ufa. 1916. P. 2.

16. RGIA. The Russian State Historical Archive. F. 769. Sh. 1. File 1. Sh. 30.

17. *Vrachebno-sanitarnaya hronika. Sanitarnoe byuro Ufimskoj gorodskoj upravy* – Medical sanitary chronicle. Sanitary Bureau of the Ufa city council 1914. Ufa. 1915. P. 41.

18. *Otchet o deyatel'nosti Zemsko-gorodskoj organizacii pomoshchi bezhencam* – Report on the activities of the Zemstvo of the city organization of assistance to refugees. Ufa. 1915. P. 6.

19. *Ufimskij sel'skohozyajstvennyj listok* – The Ufa agricultural leaflet. 1915. 30 Sept. P. 17.

УДК 930

Ю. В. Демина

Голод 1946–1947 гг. в зарубежной историографии

В статье проанализированы основные подходы к изучению проблемы голода 1946–1947 гг. в зарубежной исторической науке. На основе анализа исторической литературы показаны ключевые направления исследований зарубежных учёных. Научные работы ряда современных зарубежных исследователей придерживаются выводов российского историка В. Ф. Зимы, считавшего голод 1946–1947 гг. «рукотворным», т. е. произошедшим по вине правящих структур всех уровней, которые проводили жёсткую политику продразвёрстки в отношении колхозов и совхозов с целью усмирить голодом народ, ждавший перемен к лучшему. Другие зарубежные исследователи причинами голода считают совокупность объективных факторов, приведших к голоду: тяжёлые последствия войны, нехватка рабочих рук и сельскохозяйственной техники в деревнях, послевоенная политическая обстановка, неблагоприятные климатические условия и др.

The article deals with the main approaches to the study of the problem of hunger of 1946–1947 in foreign historiography. Based on an analysis of historical literature shows the main directions of foreign scientists research. The scientific work of a number of contemporary foreign historians adhere to the findings of the Russian historian V. F. Zima, who believed the famine of 1946–1947. «Man-made», i.e. occurred through the fault of the ruling structures of all levels, who conducted a rigid policy of the surplus in relation to the collective and state farms in order to pacify the hunger people waited for change for the better. Other researchers have causes of hunger consider a set of objective factors that led to the famine – severe consequences of the war, labor shortages and agricultural equipment in the villages of post-war political situation, adverse weather conditions etc.

Ключевые слова: историография, голод, неурожай, последствия войны, смертность населения.

Keywords: historiography, famine, crop failure, the consequences of the war, the population mortality.

Послевоенный период 1946–1947 гг. выдался для населения СССР очень трудным, вслед за Великой Отечественной войной вновь обрушились тяжкие испытания – голод 1946–1947 гг. Истощённая войной, страна была не в состоянии предотвратить трагедии. Первые заметки о голоде встречаются у иностранных путешественников и журналистов. Британский журналист Александр Верт отмечал плачевную ситуацию в областях Киева, Одессы, Житомира, Полтавы, Чернигова и т. д. «Во многих других районах нет машин и очень мало скота. Коровы, которые были предназначены для молочных целей, были запряжены в плуги. Один член миссии увидел своими глазами четырех женщин, запряженных в плуг, в Белоруссии» [1].

Мощным толчком в развитии темы голода 1946–1947 гг. послужила «архивная революция», распахнувшая перед исследователями двери архивов с ранее неизведанными источниками. В 1990-е гг. стали появляться первые научные работы о голоде 1946–1947 гг., принадлежащие отечественным историкам и исследователям бывших союзных республик (Молдавии, Украины) [2]. В научном сообществе разгорелись дискуссии о причинах, масштабах и демографических последствиях голода [3]. В 1996 г. появилась первая крупная работа, посвящённая голоду 1946–1947 гг., автором которой стал российский историк В. Ф. Зима. Его труды характеризуют голод 1946–1947 гг. как «рукотворный», т. е. произошедший по вине правящих структур всех уровней: власти проводили намеренную жесткую политику продразверстки в отношении колхозов и совхозов с целью усмирить голодом народ, ждавший перемен к лучшему [4].

Таким образом, в 1990-е гг. отечественные историки и исследователи бывших союзных республик заложили фундамент для изучения голода 1946–1947 гг. Однако дискуссии о факторах, масштабах и демографических последствиях голода продолжаются до сегодняшнего дня, что делает актуальной дальнейшую разработку этой научной проблемы в современной историографии.

Активное изучение голода 1946–1947 гг. зарубежными историками приходится на 2000-е гг. Позиция зарубежных исследователей на обозначенную проблему схожа со взглядами отечественных историков. Ряд историков поддерживает воззрения В. Зимы о «рукотворном» голоде: М. Элман [5], Д. Фильцер [6]; другая группа исследователей видит причины трагедии 1946–1947 гг. в совокупности объективных факторов (неблагоприятные климатические условия): С. Уиткрофт [7], Н. Гансон [8].

Профессор Амстердамского университета Майкл Элман, исследуя масштабы катастрофы, отмечал, что трагедия началась в июле 1946 г., а пик голода пришёлся на февраль – август 1947 г. Оценивая демографические последствия голода, автор установил, что смертность от голода составила от 1 до 1,5 млн человек. В процентном соотношении самый большой уровень смертности наблюдался в Молдавии, а наименьший – в России [9]. По мнению М. Элмана, у советского государства были запасы зерна, чтобы накормить население, но политика государства в отношении налогов, хлебозаготовок и внешней торговли складывалась не в пользу крестьянства. Ссылаясь на исследования экономиста А. К. Сена, автор приходит к выводу, что «голодные смерти не были прямым следствием природной катастрофы, а были опосредованы советской экономической политикой и советской системой доступа к продовольственным ресурсам: умирали те, кто в советской системе не имел права на получение продовольствия от государства (например, сельские жители). Те же, кто имел такое право (преимущественно городские наемные работники – самая привилегированная группа в карточной системе распределения), обычно выживали». М. Элман утверждает, что если бы политика государства в отношении налогов, хлебозаготовок и внешней торговли была иной, то, возможно, несмотря на низкий урожай 1946 г., голода не случилось бы, или его масштабы были бы гораздо меньшими [10]. Тем не менее исследователь отмечает небольшую помощь голодающим со стороны государства: во-первых, были увеличены семенные ссуды, во-вторых, государство не отвергало продовольственную помощь от зарубежных стран [11].

Более детальный анализ масштабов и последствий голода 1946–1947 гг. представлен в исследовании профессора кафедры российской истории Университета Восточного Лондона Дональда Фильцера. Он посвятил крупную работу, в которой представлена картина жизни советских граждан в послевоенный период. Историк определил хронологические рамки голода, начиная с осени 1946-го и заканчивая весной 1948 г. По мнению исследователя, неурожай разразился не только в России, но и в республиках Молдавии и на юге Украины, где наблюдался высокий уровень смертности: Молдавия потеряла примерно 5% населения, а Украина – около 1% [12]. Автором отмечены высокие показатели смертности и сокращение рождаемости в промышленных центрах страны: в Свердловской области численность смертей в 1947 г. выросла на 54% по сравнению с 1946 г. В городах Челябинской области она подскочила на 63%, и на 83% – в Магнитогорске [13]. Общая смертность по РСФСР в целом увеличилась на 37,3% в период 1946–1947 гг. Д. Фильцер отмечал заметный рост смертности среди городского населения, которая увеличилась на 44,1%, а смертность сельских жителей в это время возросла на 32,5% [14]. По подсчётам автора, урожай зерна в 1946 г. составил всего 39,6 млн тонн, в сравнении с урожаем 1940 г., который достиг 95,5 млн тонн зерна [15]. Фильцер приходит к выводу, что голод 1946–1947 гг. отличался от предыдущих продовольственных кризисов тем, что основная тяжесть голода легла на плечи городского населения, а не сельских жителей, как считают некоторые историки. Это связано с тем, что крестьяне использовали в своём рационе такие продукты питания, как картофель и молоко, в то время как городское население не имело такой возможности.

Тем не менее исследователь отмечает, что повышенная смертность среди городского населения могла быть связана с активной миграцией сельского населения в город. Кроме этого ис-

пользованные автором медицинские отчёты за 1946–1947 гг. свидетельствуют о том, что сельская молодежь обладала более крепким здоровьем, нежели городская, и, следовательно, сопротивляемость организма к голоду и сопутствующим заболеваниям была более сильная. Голод 1946–1947 гг. Д. Фильцер расценивает как «рукотворный», поскольку действия властей «были направлены не на предотвращение голода, а всего лишь на его ослабление в наиболее пострадавших регионах СССР. Вместо того чтобы пустить в продажу государственные продовольственные резервы, хранящиеся на случай чрезвычайных обстоятельств, власти предпочли урезать объём потребляемых населением продуктов питания» [16]. Окончание кризиса автор датирует началом 1948 г., однако поясняет, что «за пределами Москвы и Ленинграда продовольственные товары продолжали оставаться дефицитными, а большинство населения по-прежнему балансировало на грани выживания» [17].

Исследователи Николай Дронин и Эдвард Беллинджер изучили воздействие природно-климатических условий на проблемы продовольствия в России. Они утверждают, что «Советская власть спровоцировала голод чрезмерными хлебозаготовками не только в наиболее пострадавших регионах, которые имели относительно хороший урожай таких как Сибирь, Среднее Поволжье и Казахстан, но и в наиболее пострадавших областях» [18]. Авторы придерживаются взглядов российского историка В. Зимы, суть которых сводится к тому, что «Советский Союз имел достаточные запасы зерна, чтобы избежать крупномасштабного голода. Если бы власти смогли выделить 10 миллионов тонн зерна из государственных запасов для голодающего населения, тогда удалось бы избежать крупномасштабного голода» [19].

Участью медицинской общественности в устранении последствий голода 1946–1947 гг. посвящены исследования американского историка Николаса Гансона, по мнению которого, одной из главных организаций, пытавшихся смягчить тяжелую ситуацию и голод, было Советское общество Красного Креста и Полумесяца. Ссылаясь на отчёты Красного Креста, автор отмечает, что помощь от СОКК получали около 600 тыс. детей [20]. За два года, с конца войны до середины 1947 г., Красный Крест израсходовал 32 млн руб. на медицинскую помощь, продукты и одежду для сирот и инвалидов. В течение 1947 г. на средства Красного Креста кормили горячими завтраками около 30 000 детей [21]. Автор указывает на противоречивую политику властей по отношению к деятельности Красного Креста: власти всячески стремились запретить прямой сбор пожертвований, сокращали количество медицинских работников, особенно на селе. Более того, взрослые работники уже существующих детских учреждений нередко лишались карточек, пайков, иных видов продовольственной помощи.

Николас Гансон акцентирует внимание на проблемах детской беспризорности во время голода. Большое количество сирот, по мнению автора, было прямым следствием долгих четырех лет войны. Кроме того, голод совпал с началом демографического взрыва, то есть с резким скачком рождаемости, связанным с массовой демобилизацией, происходящей весной-летом 1945 г. и продолжавшейся в последующие два года [22].

В монографии «Советский голод 1946–1947 годов в глобальной и исторической перспективе», опубликованной в 2009 г., более детально и развёрнуто анализируются события 1946–1947 годов [23]. Автор устанавливает совокупность факторов, приведших к голоду, среди которых: последствия войны, климатические условия, нехватка рабочих рук и агропромышленной техники. По подсчётам историка, почти 65% работников МТС, демобилизованных с фронта, не вернулись к своему прежнему роду занятий, поэтому основной рабочей силой выступали женщины и старики. К концу 1946 г. в целом по стране были отремонтированы только 24% конных плугов, 30% посевных машин и 25% культиваторов. За годы войны деревня потеряла 84% моторизованных транспортных средств, и это привело к повсеместному использованию крупного рогатого скота в качестве тягловой силы. До войны колхозы имели 107 000 грузовиков, к началу 1946 г. в деревне было только 5 000, таким образом, произошло сокращение транспортных средств на 95,4%. Вследствие этого часть урожая была потеряна, так как из-за отсутствия моторизованных транспортных средств собранное зерно, а также сахарная свекла, картофель, подсолнухи оставались на полях в течение длительного периода времени, что привело к гниению продуктов и хищению. Засуха 1946 г. привела к 16,3%-му спаду сельскохозяйственного производства; всего 39,6 млн тонн зерна заготовили в Советской деревне в 1946 г., по сравнению с 47,3 млн предыдущего года, когда в стране преобладали благоприятные климатические условия [24]. В начале 1946 г. стала ощущаться острая нехватка кормов для животных, это ещё сильнее усугубило ситуацию. Кроме того, в целом по стране была нарушена транспортная сеть, происходили задержки транспортировки зерна, вследствие чего большая часть населения страны оставалась без хлеба на протяжении продолжительного времени [25]. Автор не соглашается с мнением ряда историков о «рукотворном» голоде. Несомненно, государство допускало ошибки в про-

довольственной политике, однако угроза новой войны способствовала ужесточению мер советского руководства по сохранению зерна любой ценой. Приоритетным направлением экономики советского государства выступал экспорт зерна с целью получения валюты и восстановления тяжелой промышленности, в том числе и для наращивания вооружений. Когда последствия засухи стали ясны для советского руководства, оно приняло решение принести в жертву население, прежде всего крестьянство [26].

Николас Гансон предпринял попытку рассмотрения голода 1946–1947 гг. в общеисторическом и международном контексте. Он рассматривает голод 1946–1947 гг. в СССР в сопоставлении с аналогичными кризисами в других странах и приходит к выводу, что никакой политической строй не является панацеей от этого бедствия. На примере Британской Индии он показывает, что объяснение голода тоталитарной природой государства, в котором он разразился, не является обоснованным [27].

Профессор Мельбрунского университета, крупный исследователь по истории голода Стивен Уиткрофт произвёл тщательный анализ метеорологических данных и пришёл к выводу, что погодные условия 1946 г. были неблагоприятными, и одной из основных причин голода выступала засуха 1946 г. Автор дискутирует с выводами российского историка Зимы В., который заявляет, что у государства были огромные объёмы запаса зерна, и можно было бы легко ими накормить голодное крестьянство. По мнению Уиткрофта, не было таких продовольственных запасов. В период с 1 июля 1945-го по 1 июля 1946 гг. государственные резервы зерна сократились с 6,3 млн тонн до 5,7 млн тонн. В следующем засушливом году произошло крупное сокращение запасов зерна, принадлежащих крестьянам, – примерно на треть: от 1,9 млн тонн до 1,3 млн тонн, или от 2,7 млн тонн до 1,8 млн тонн. Сокращение государственных запасов зерна составляло с 5,7 млн тонн в июле 1946 г. до 3,3 млн тонн в июле 1947 г. Этих запасов было недостаточно, чтобы прокормить население в 1946–1947 гг., не говоря уже о каких-либо резервах [28]. Кроме этого автор подчёркивает, что во время войны запасы продовольствия значительно сократились, а когда в 1945 г. население страны за счет присоединенных территорий увеличилось, проблем стало намного больше. Все надежды возлагались на урожай 1946 г. – будь он хорошим, остались бы даже излишки. Но засуха в это тяжелое время спровоцировала неурожай и голод.

Послевоенный голод явился тяжёлым испытанием для всего советского народа. Положение деревни ухудшалось обременительной налоговой политикой по отношению к колхозникам, минимальной оплатой труда и низким правовым статусом крестьянина, заключающимся в отсутствии отпусков и пенсий [29]. Все эти процессы тормозили развитие деревни, и тем самым голод 1946–1947 гг. только обострял и без того бедственное положение колхозников. Причинами этого страшного события выступает целый комплекс факторов: во-первых, неблагоприятные климатические условия, во-вторых, послевоенная разруха, заключающаяся в недостатке рабочих рук и сельскохозяйственной техники, в-третьих, внешнеполитическая обстановка страны, и, наконец, жёсткая государственная политика властей по отношению к крестьянам.

Зарубежные исследователи внесли значительный вклад в развитие темы голода 1946–1947 гг. Одними из первых затронули вопросы оказания помощи пострадавшему населению от голода, на основании статистических материалов определили показатели смертности среди городского и сельского населения, предприняли попытки компаративного анализа голода 1946–1947 гг. в СССР и аналогичных продовольственных кризисов в других странах, выделили социально-экономические и политические причины голода.

Тем не менее анализ зарубежной исторической литературы позволил выявить слабоизученные вопросы голода 1946–1947 гг. Недостаточно освещено в исторической науке влияние голода и сопутствовавших ему эпидемий на воспроизводство населения, его миграционное движение; историками чётко не выстроена иерархия факторов наступления голода. Не завершена дискуссия по вопросам демографических потерь от голода 1946–1947 гг., до сих пор ведутся споры об объёме государственного запаса зерна. Наименее изученной в историографии остается тема о влиянии голода на детское население, рост детской беспризорности и преступности несовершеннолетних.

Изучение всех этих вопросов позволит историкам разобраться в этом тяжелом и противоречивом периоде истории советского крестьянства.

Примечания

1. Werth Alexander Russia. The post-war years, epilogue by Harrison E. Salisbury. N. Y. : Tarlinger, 1971. XVII. P. 151–152.

2. Маковейчук И. М., Пилявец Ю. Г. Голод на Украине в 1946–1947 гг. // Украинский исторический журнал. 1990. № 8. С. 3–23.

3. Попов В. П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60; Зима В. Ф. Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35–52; Волков И. М. Засуха, голод 1946 – 1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19; Зеленин И. Е. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. // Отечественная история. 1997. № 2. С. 196–198.
4. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
5. Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlements Approach to Famines // Cambridge Journal of Economics. 2000. № 24. P. 603–630.
6. Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and Restoration of the Stalinist System After World War 2. Cambridge, 2002.
7. Wheatcroft S. G. The Soviet Famine of 1946–1947, the Weather and Human Agency in Historical Perspective // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64 Issue 6. P. 987–1005.
8. Гансон Н. Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2006. Вып. 17. С. 377–396.
9. Элман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. М., 2005. Вып. 10. С. 197–198.
10. Там же. С. 198.
11. Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlements Approach to Famines // Cambridge Journal of Economics. 2000. № 24. P. 622.
12. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, hygiene, and living standards, 1943–1953. N. Y., 2010. P. 164.
13. Ibid. P. 209.
14. Ibid. P. 211.
15. Filtzer D. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011. С. 71.
16. Ibid. С. 72.
17. Ibid. С. 111.
18. Dronin, N. M., Bellinger, E. G. Climate Dependence and Food Problems in Russia 1900–1990: The Interaction of Climate and Agricultural Policy and their Effect on Food Problems. Budapest ; N. Y., 2005. P. 167.
19. Ibid. С. 168.
20. Гансон Н. Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2006. Вып. 17. С. 389–390.
21. Там же. С. 391.
22. Там же. С. 395.
23. Ganson N. The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective. N. Y., 2009.
24. Ibid. P. 7.
25. Ibid. P. 11.
26. Ibid. P. 111.
27. Ibid. P. 146.
28. Wheatcroft S. G. The Soviet Famine of 1946–1947, the Weather and Human Agency in Historical Perspective // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64 Issue 6. P. 999.
29. Корнилов Г. Е. Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (194–1953) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 97.

Notes

1. Werth Alexander Russia. The post-war years, epilogue by Harrison E. Salisbury. N. Y. : Tarlinger, 1971. XVII. Pp. 151–152.
2. Makovejchuk I. M. Pilyavec YU. G. Golod na Ukraine v 1946–1947 gg. [Famine in Ukraine in 1946–1947] // Ukrainskij istoricheskij zhurnal – Ukrainian historical journal. 1990, No. 8, pp. 3–23.
3. Popov V. P. Golod i gosudarstvennaya politika (1946–1947 gg.) [Famine and public policy (1946–1947)] // Otechestvennye arhivy – Domestic archives. 1992, No. 6, pp. 37 – 60; Zima V. F. Golod v Rossii 1946–1947 gg. [Famine of 1946–1947 in Russia] // Otechestvennaya istoriya – Domestic history. 1993, No. 1, pp. 35–52; Volkov I. M. Zasuha, golod 1946 – 1947 godov [Drought, famine of 1946 – 1947 years] // Istoriya SSSR – History of the USSR. 1991, No. 4, pp. 3–19; Zelenin I. E. Zima V. F. Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya [Famine of 1946–1947 in the USSR: origin and consequences] // Otechestvennaya istoriya – Domestic history. 1997, No. 2, pp. 196–198.
4. Zima V. F. Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya [Famine of 1946–1947 in the USSR: origin and consequences]. M. 1996.
5. Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlements Approach to Famines // Cambridge Journal of Economics. 2000. № 24. Pp. 603–630.
6. Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and Restoration of the Stalinist System After World War 2. Cambridge, 2002.
7. Wheatcroft S. G. The Soviet Famine of 1946–1947, the Weather and Human Agency in Historical Perspective // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64 Issue 6. Pp. 987–1005.
8. Ganson N. Detskaya smertnost' i gosudarstvennaya politika v SSSR v gody poslevoennogo goloda [Infant mortality and public policy in the USSR in the years of postwar famine] // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii – Dialogue with time. Almanac of intellectual history. M. 2006. Is. 17. Pp. 377–396.

9. EHllman M. *Golod 1947 g. v SSSR* [The 1947 famine in the Soviet Union] // *EHkonomicheskaya istoriya* – Economic history. M. 2005, is. 10, pp. 197-198.
10. Ibid. P. 198.
11. Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlements Approach to Famines // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. № 24. P. 622.
12. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, hygiene, and living standards, 1943–1953. N. Y. 2010. P. 164.
13. Ibid. P. 209
14. Ibid. P. 211.
15. Filtzer D. [Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after World War II]. M. 2011. P. 71.
16. Ibid. P. 72.
17. Ibid. P. 111.
18. Dronin, N. M. Bellinger, E. G. Climate Dependence and Food Problems in Russia 1900–1990: The Interaction of Climate and Agricultural Policy and their Effect on Food Problems. Budapest; N. Y. 2005. P. 167.
19. Ibid. P.168.
20. Ganson N. *Detskaya smertnost' i gosudarstvennaya politika v SSSR v gody poslevoennogo goloda* [Infant mortality and public policy in the USSR in the years of postwar famine] // *Dialog so vremenem. Al'manah intelektual'noj istorii* – Dialogue with time. Almanac of intellectual history. M. 2006. Is. 17. Pp. 389-390.
21. Ibid. P. 391
22. Ibid. P. 395.
23. Ganson N. The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective. N. Y. 2009.
24. Ibid. P. 7.
25. Ibid. P. 11.
26. Ibid. P. 111.
27. Ibid. P. 146.
28. Wheatcroft S. G. The Soviet Famine of 1946–1947, the Weather and Human Agency in Historical Perspective // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64 Issue 6. P. 999.
29. Kornilov G. E. *Bednost' kak obraz zhizni: ural'skaya derevnya v voennye i poslevoennye gody (194–1953)* [Poverty as a way of life: Ural village during the war and postwar years (194-1953)] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural historical journal. 2013, No. 3, p. 97.

УДК 502.3 (075.8)

Д. К. Бондарева

Природоохранная агитационно-пропагандистская деятельность в Иркутской области во второй половине 1960-х – 1991 гг.

Статья посвящена изучению агитационно-пропагандистской деятельности в сфере охраны природы в Иркутской области. Рассматривается период со второй половины 60-х гг. до 1991 г. Доказывается, что природоохранная агитационно-пропагандистская деятельность была связана с Иркутским отделением Всероссийского общества охраны природы (ВООП) и значительно активизировалась с образованием в 1969 г. нештатного отдела пропаганды. Отдельное внимание уделяется проводимым мероприятиям, рассматриваются их уникальные особенности. Делается акцент на проводимые кинофестивали, кинолектории, радио- и телепередачи. Затрагиваются вопросы пропаганды сохранения и защиты озера Байкал и природы в зоне строительства Байкало-Амурской магистрали. Рассматривается практика народных университетов, работы со студентами и школьниками. Поднимаются вопросы агитации населения к вступлению в члены ВООП. Обращается внимание на профилактическую, противопожарную, пропагандистскую деятельность.

The article is devoted to the study of environmental advocacy and agitation activity in the Irkutsk region. The period from the second half of the 1960–1991's is considered. The fact that the nature protection propaganda activities were connected with the Irkutsk department of the Pan-Russian Nature Conservation Society and that it significantly intensified with the formation in 1969 of the supernumerary propaganda department are proved. Particular attention is paid to the ongoing activities; their unique features are considered. The focus is on the ongoing film festivals, film theaters, radio and television programs. The issues of propagation of conservation and protection of Lake Baikal and nature in the construction zone of the Baikal-Amur Mainline are touched upon. The practice of public universities, work with students and schoolchildren is considered. The issues of agitation of the population for membership in the Pan-Russian Nature Conservation Society are raised. Attention to preventive, fire-prevention, propaganda activities is drawn.

Ключевые слова: Иркутское отделение Всероссийского общества охраны природы, Иркутская область, агитационно-пропагандистская деятельность, штатный отдел пропаганды, озеро Байкал, народный университет, Байкало-Амурская магистраль.

Keywords: Irkutsk department of the Pan-Russian Nature Conservation Society, Irkutsk region, agitation and propaganda activities, supernumerary propaganda department, Lake Baikal, public university, Baikal-Amur Mainline.

Агитационно-просветительская, или агитационно-пропагандистская, работа являлась одним из важнейших аспектов природоохранной деятельности, связанных с работой Всероссийского общества охраны природы (ВООП) по РСФСР и областных и краевых отделений ВООП на местах.

Иркутское районное отделение ВООП было создано в октябре 1954 г., с 1969 г. при Иркутской областной организации стал функционировать штатный отдел пропаганды, члены которого значительно активизировали природоохранную агитационно-пропагандистскую работу, которая, однако, имела место быть и ранее.

Как и в большинстве сфер природоохранной деятельности в Иркутской области, большая часть агитационных мероприятий была направлена на защиту и сохранение озера Байкал. Пропаганда находила отражение в выпуске агитационных плакатов, карт Байкала, а также памяток для туристов, призывающих бережно относиться к природным ресурсам озера. За 1966 г. было проведено 153 беседы с населением районов, прилегающих к озеру. Беседы посетили 2 413 человек [1]. В конце года планировалось приступить к съемкам фильма «Озеро Байкал и его охрана» [2], а для широкой пропаганды законодательной базы по охране озера и природоохранной деятельности в целом было рассмотрено издание сборника законодательных актов, постановлений и распоряжений.

Согласно «Плану секции охраны природных ресурсов Байкала» [3] за 1967 г., были прочитаны лекции по таким темам, как «Животный мир Байкала», «Байкал и люди», «Роль общества в охране озера Байкал». Кроме того, были проведены теле- и радиопередачи, посвященные вопросам загрязнения озера. Вопросы охраны озера Байкал и его акватории активно поднимались в газетах «Советская молодежь», «Восточно-Сибирская правда» и в «Блокноте агитатора».

В апреле 1969 г. Президиумом ЦС ВООП было утверждено Положение «О штатном отделе пропаганды» [4], которое подразумевало создание штатных отделов при всех республиканских областных, районных и городских отделениях. В обязанности отдела входило осуществление устной пропаганды, работа с редакциями газет, проведение активной издательской деятельности, организация выставок и кинофестивалей, создание клубов охраны природы. Создание штатных отделов активизировало агитационную деятельность. В Иркутской области совместно с иркутским кинотеатром «Хроника» в октябре 1969 г. был организован месячник кино, среди фильмов, рекомендованных к показу, значились документальные и художественные: «Аскания-Нова», «Решая в споре», «Шёл тайгой человек», «По следам леса» [5].

Ещё одним фактором, повлиявшим на активизацию природоохранной пропаганды в конце 1960-х – начале 1970-х гг., стало принятие пятилетнего плана. Постановлением Президиума ЦС ВООП [6] в октябре 1970 г. был утвержден пятилетний план природоохранной деятельности на 1971–1975 гг. План предусматривал и расширение агитационной работы, которая включала в себя активную издательскую деятельность, демонстрации научно-популярных фильмов, проведение конкурсов, выставок и концертов, а также создание центров пропаганды. Кроме того, обращалось внимание на необходимость проведения работы со школьниками, студентами и туристами-краеведами, которым предлагалось становиться авторами статей о защите природы и охране природных объектов [7].

После принятия пятилетнего плана и нового курса на развитие пропагандистской деятельности, мотивированного созданием в ряде местных организаций штатных отделов пропаганды, в наиболее популярных газетах стали появляться специальные рубрики и колонки, посвященные охране природы.

К 1970 г. в газете «Советская молодежь» была организована рубрика «Отдел природы» [8]. В качестве одной из образцовых газет, в которой наиболее полно и активно раскрывалась тема охраны природы, была признана ангарская городская газета «Знамя коммунизма». В газете постоянными были рубрики «Публикует «Кедр», «За охрану окружающей среды», «Байкал – жемчужина Сибири», ежемесячно выходила в печать информационная страница «Кедр» [9].

При областной газете «Восточно-Сибирская правда» существовал штатный отдел охраны природы, в который входили 13 специалистов из разных отраслей народного хозяйства. Отдел был ответственным за выпуск ежемесячной тематической полосы «Человек и природа». Ре-

дакция газеты большое внимание уделяла и письмам читателей, которые неоднократно давали основу для новых статей [10].

Вопросы строительства БАМа и охраны природы в его районе также освещались со страниц периодических изданий при вузах: в 1974 г. в подведомственной ИСХИ газете «Нива» была опубликована статья «Охрана природы в районе БАМа» [11], в которой предлагалось не только создать постоянную рубрику, посвященную данной теме, но и проводить периодические лекции для широкой аудитории. В 1975 г. была опубликована статья в «Блокноте агитатора» «Охрана и использование лесов, примыкающих к БАМу» [12], автор которой отмечает ценность лесов, произрастающих в зоне строительства БАМа, и чувствительность близлежащей природы.

В 1985 г. были подведены итоги областного конкурса газет на лучшее освещение вопросов охраны природы. Лучшей областной газетой была признана «Восточно-Сибирская правда». Среди районных газет была отмечена и награждена работа редакций газет «Заря коммунизма», г. Тайшет; «Ленинское знамя», Слюдянский район; «Красное знамя», г. Братск [13]. Работа газет снова была награждена по итогам 1986 г. Вместе с тем была отмечена слабая работа газет «Рассвет коммунизма», г. Шелехов; «Знамя коммунизма», г. Ангарск; «По ленинскому пути», п. г. т. Куйтун [14].

В конце 1988 г. на имя первого заместителя председателя Президиума ЦС ВООП И. Ф. Баришпола было направлено предложение о выпуске с 1989 г. ежемесячника «Экологический вестник». В качестве учредителей выступал областной Совет ВООП, областной Совет «Красного креста», Фонд Байкал [15].

Помимо освещения проблем охраны природы в периодической печати, члены нештатных отделов старались широко задействовать теле- и радиоресурсы. В работе нештатного отдела принимали участие и члены различных секций.

Согласно Постановлению Президиума Иркутского областного Совета ВООП «О состоянии пропагандистской работы» [16] за 1975 г., усилиями членов нештатного отдела пропаганды Иркутская и Братская студии телевидения запустили в эфир альманахи «Человек и природа» и «Зорька» соответственно.

Отдельное внимание уделялось теле- и кинопередачам. За 1983 г. в области было проведено 4,2 тыс. киносеансов, на постоянной основе действовали 13 кинолекториев [17]. Регулярно выходили выпуски телеальманаха «Человек и природа», проводить которые приглашались представители предприятий и организаций. В альманахе принимал участие управляющий «Иркутск-энерго» Б. П. Варавский, председатель Президиума Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР профессор И. П. Дружинин, главный инженер Прибайкальского лесохозяйственного предприятия Л. А. Ващук, директор института ВостсибНИИГГиМСа профессор П. М. Хренов. Для обсуждения вопросов природоохранной деятельности в зоне строительства БАМа был приглашен директор института географии Сибири и Дальнего Востока В. В. Воробьев. В качестве постоянного ведущего альманаха выступал заведующий отделением биогеографии Института географии Сибири и Дальнего Востока А. В. Белов. Примечательно, что каждый год был посвящен определенным темам. В 1982 г. широко освещались проблемы охраны, сохранения и численности таёжных диких животных, в 1983 г. – состояния атмосферного воздуха в г. Иркутске [18], а 1984 г. был посвящен хозяйскому отношению к лесным богатствам области. Освещался и вопрос борьбы с лесными пожарами [19].

Проводились и кинофестивали. Отличительную черту имел кинофестиваль в г. Братске, где было организовано 32 сеанса в кинотеатрах «Россия», «Аврора», «Октябрь». Для усиления агитационно-пропагандистского эффекта перед сеансами выступали представители предприятий и организаций, которые вели активную природоохранную деятельность: БрАЗа, Завода отопительного оборудования и др. [20]

В 1988 г. для привлечения населения к делу охраны природы был проведен двухмесячный кинофестиваль, в ходе которого было организовано 656 сеансов в крупных городах: Иркутске, Ангарске, Тайшете [21].

Широкая работа велась членами Иркутского областного отделения ВООП по предотвращению лесных пожаров. За 1970 г. в качестве профилактических работ было прочитано 5 059 лекций и докладов, проведено 356 теле- и радиопередач, в печать вышло 246 статей по охране леса [22]. В преддверии весенне-летнего периода 1972 г. был подготовлен перечень «Мероприятий по подготовке к пожароопасному сезону», а с 1 апреля 1972 г. управлению кинофикации была поручена демонстрация фильмов о лесных пожарах и охране природы.

Ещё одной формой пропагандистской природоохранной деятельности являлось создание сети народных университетов по охране природы. К 1988 г. в области действовало уже восемь народных университетов, в которых обучалось 440 слушателей. Университеты были организованы на базе промышленных и сельскохозяйственных предприятий, дворцов культуры и музеев. За

1983 г. работниками нештатного отдела пропаганды было прочитано более 6 тыс. докладов и лекций, проведено более 10 тыс. бесед, организовано 158 выставок [23].

Работа с молодежью имела в Иркутской области примечательный характер. После создания нештатного отдела пропаганды активизировались и добровольческие отряды. К концу 1983 г. насчитывалось 4 418 общественных инспекторов, которые составляли 75 общественных инспекций, действовало 730 отрядов «Зелёных» и «Голубых» патрулей [24]. В 1988 г. был разработан Проект «Комплексной программы совершенствования работы по экологическому образованию и воспитанию учащейся молодежи Иркутской области на 1988–1990 гг.» [25]. Программа предусматривала чтение в вузах курса лекций «Охрана природы», создание отделений охраны природы при факультетах. Кроме того, природные объекты и памятники природы должны были быть распределены между учебными заведениями для охраны, защиты и благоустройства. Была предусмотрена и организация студенческих природоохранительных отрядов, которые должны были действовать на территории Прибайкальского национального парка.

Вопросы пропаганды были напрямую связаны с деятельностью общественных организаций, которые стали активно создаваться во второй половине 80-х гг. В 1988 г. в «Восточно-Сибирской правде» освещалась необходимость создания Фонда Байкал, в ноябрьском номере был опубликован его устав.

В годы перестройки помимо классических методов пропаганды стали широко внедряться коммерческие. Стала использоваться в целях пропаганды природоохранной деятельности реклама. В июле 1988 г. на имя начальника трамвайно-троллейбусного управления был направлен запрос о выделении трамвая для оформления рекламы «Пропаганда охраны природы среди населения» [26]. Рекламным оформлением просили заняться Иркутское отделение торгово-промышленной палаты [27].

Таким образом, в Иркутской области велась активная природоохранная агитационно-пропагандистская работа, которая находила отражение не только в публикациях материала, но и в чтении бесед и лекций, организациях кинолекториев, составлении выставок.

Путём СМИ широким группам населения передавалась информация не только об основных аспектах природоохранной деятельности в регионе, но и о её проблемах, большое внимание уделялась вопросам охраны озера Байкал.

Для усиления пропаганды и увеличения количества членов Иркутского отделения ВООП при рай- и горотделах создавались нештатные отделы пропаганды, которые должны были не только нести в массы идеи бережного отношения к природе, но и агитировать граждан к вступлению в ряды членов ВООП.

Примечания

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
2. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.
3. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 26. Л. 40.
4. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 45. Л. 54.
5. Там же. Л. 67.
6. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.
7. Там же. Л. 33.
8. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.
9. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 396. Л. 41.
10. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 445. Л. 31.
11. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 120. Л. 11 А.
12. Охрана и использование лесов, примыкающих к БАМу // Блокнот агитатора. 1975. № 6. С. 29–31.
13. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 485. Л. 23.
14. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 526. Л. 57.
15. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 613. Л. 54.
16. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 172. Л. 9.
17. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 45. Л. 24.
18. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 396. Л. 17.
19. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 445. Л. 9.
20. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 613. Л. 10.
21. Там же. Л. 11.
22. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.
23. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 613. Л. 51.
24. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 396. Л. 20.
25. ГАНИИО. Ф. Р-3018. Оп. 1. Д. 613. Л. 63.
26. Там же. Л. 74.
27. Там же. Л. 75.

Notes

1. State archive of contemporary history of Irkutsk region (GANIIO). F. P-3018. Sh. 1. File 26. Sh. 2.
2. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 20. Sh. 7.
3. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 26. Sh. 40.
4. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 45. Sh. 54.
5. Ibid. L. 67.
6. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 40. Sh. 30.
7. Ibid. L. 33.
8. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 45. Sh. 16.
9. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 396. Sh. 41.
10. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 445. Sh. 31.
11. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 120. Sh. 11 A.
12. *Ohrana i ispol'zovanie lesov, primykayushchih k BAMu* – Protection and use of forests adjacent to the BAM
// *Bloknot agitatora* – Notebook of agitator. 1975, No. 6, pp. 29-31.
13. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 485. Sh. 23.
14. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 526. Sh. 57.
15. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 613. Sh. 54.
16. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 172. Sh. 9.
17. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 45. P. 24.
18. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 396. Sh. 17.
19. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 445. Sh. 9.
20. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 613. Sh. 10.
21. Ibid, P. 11.
22. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 49. Sh. 17.
23. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 613. Sh. 51.
24. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 396. Sh. 20.
25. GANIIO. F. P-3018. Sh. 1. File 613. Sh. 63.
26. Ibid. Sh. 74.
27. Ibid. Sh. 75.

Топонимы и антропонимы в эргонимиконе г. Казани

Актуальность изучения эргонимиконов полиэтнических городов в современном мире особенно важна в силу особой динамичности и яркости отражающихся в них общественных процессов, протекающих на территории изучаемого региона. Эргонимы как наименования объектов различного функционального профиля являются индикатором предпочтительных языков для наименования городских объектов, а также выступают маркером сфер функционирования языков на данной территории. В эргонимиконе города Казани выявлена тенденция к заимствованиям из иностранных языков, что ведёт к изменению традиционного эргонимикона. Выявлено, что процессом, способствующим изменению эргонимикона города Казани, является глокализация, которая представляет собой проявление национальной идентичности. В данной статье рассмотрены наиболее частотные производящие основы эргонимов города Казани, а также их тематические классификации.

In the modern world, the study of ergonyms of polyethnic cities is especially important, due to the special dynamism of reflected social processes occurring on the territory of the studied regions. Ergonyms as the names of objects of different functional profiles are indicators of preferred languages for naming the objects, and also they serve as markers of languages' functioning areas. The tendency to borrowings from foreign languages leads to changes in the ergonymy of Kazan. Our studies show that the process that leads to changes in Kazan ergonymy is glocalization that is the strengthening of national identity. The article provides the investigation of the most frequent producing bases of ergonyms of Kazan and their thematic classification.

Ключевые слова: эргонимы, топонимы, антропонимы, глокализация.

Keywords: ergonyms, toponymy, anthroponyms, glocalization.

Эргонимикон современных полиэтнических городов формируется наименованиями коммерческих, производственных и социальных объектов под влиянием двух активно развивающихся процессов – глобализации и глокализации [1]. Британский социолог Р. Робертсон, определяющий глокализацию как распространённый вариант глобализации, проявляющийся в способности основных тенденций в сфере производства и потребления универсальных товаров перевоплотиться в региональные формы, считает, что *глокализация* возникает как реакция на *глобализацию* [2]. Под термином «глобализация» А. А. Гревцева понимает «постоянно идущий исторический процесс расширения пространств взаимодействия между людьми, государствами и культурами; как всеобщая универсализация мира и движение к однородному политико-экономическому и культурному миру» [3]. Поскольку эргонимикон отражает социальные процессы, именно производящие основы эргонимов являются косвенными индикаторами предпочтения населения города при номинации объектов. В настоящее время в Республике Татарстан доминирующим социальным процессом является глокализация, которая характеризуется укреплением национальной идентичности.

Термин *эргоним* был введён в 1978 г. А. В. Суперанской, которая определяет эргонимы как особые ономастические единицы, названия социальных объединений людей [4]. Вслед за Н. В. Подольской и Е. А. Трифоновой под термином «эргонимикон» понимаем систему собственных имён предприятий различного функционального профиля: делового объединения людей (научного, учебного, производственного учреждения), коммерческого предприятия (агентства, банка, магазина, фирмы), объекта культуры (кинотеатра, клуба, развлекательного учреждения, театра, парка), спортивного заведения (комплекса, стадиона), спортивные и творческие коллективы, представляющие собой единицы лингвистического пространства города [5].

По мнению ряда учёных (С. В. Земскова (1996), И. В. Крыкова (2004), Е. А. Трифонова (2006), Ю. В. Вайрах (2011)), основными производящими основами эргонимов являются топонимы, антропонимы, соционимы, мифонимы, нумеронимы, зоонимы, фитонимы, астронимы и др. С. В. Земскова и Е. А. Трифонова в своих работах предлагают следующие производящие основы эргонимов: антропонимы, личные имена, фамилии, прозвища, псевдонимы (Александр); мифонимы, мифологические имена, куда входят имена людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, никогда не существовавших (Афродита); топонимы, географические обозначения (Евразия); соционимы, наименование социальной группы людей (Атлет, King); зоонимы, наименования животных (Семь слонов); фитонимы, наименования растений (Дикая орхидея) и др. [6]

Из 1 100 изученных эргонимов г. Казани, сбор которых осуществлялся на улицах Баумана, Большая Красная, Галактионова, Карла Маркса, Кремлёвская, Левобулачная, Правобулачная, Островского, Петербургская, Профсоюзная, Пушкина, Университетская, Вахитова, Чистопольская, Восстания, Фрунзе, Кулахметова, Краснококшайская и Лазарева в период с 2011 по 2015 г., 219 из 1 100 составляют эргонимы с топонимами в производящей основе и 97 эргонимов с антропонимами в производящей основе.

Референтами эргонимов с топонимами в производящей основе являются 90 государственных объектов, к которым относятся образовательные учреждения (школы, университеты, лицеи, колледжи и др.): **Казанский федеральный университет**, административные учреждения (министерства, суды, коллегии и др.): **Казанская коллегия адвокатов**, **Министерство культуры Республики Татарстан**, **Государственный комитет Республики Татарстан по тарифам** др.), объекты культурного наследия (театры, музеи, библиотека и др.): **Молодёжный театр на Булаке**, медицинские учреждения (поликлиники, больницы): **клиника ава-Казань** и 129 коммерческих объектов, к которым относим объекты деловой сферы (банки, сфера услуг и обслуживания, транспортные услуги, сфера коммуникации и др.): **Кредит Европа Банк**, магазины (продуктовые, магазины одежды, бытовой химии, бытовой техники и др.): **Кырлай**, объекты туристской отрасли (отели, гостиницы, информационные центры и др.): **Франс Турс Казань**, **BilyarPalace**, объекты сферы общественного питания (кафе, рестораны, столовые): **Древняя Бухара** и др. Основными референтами эргонимов г. Казани с антропонимами в производящей основе являются 83 коммерческих объекта: сферы общественного питания (**Сеюмбике**, **В гостях у Шаяпина**), туристской отрасли (**Регина**, **Сулейман Палас**), деловой сферы (**Ostrovsky**), сферы развлечений (**Luciano Spa**) и др., и 14 государственных объектов: культурного наследия (**Дом Кекина** [7]), образовательных учреждений (**Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова**, **Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова** [8] и др.).

Топонимы присутствуют в наименованиях государственных объектов, к которым относим административные учреждения (69): **Правительство Республики Татарстан**, **Министерство культуры Республики Татарстан**, **Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Республики Татарстан** и др.; образовательные учреждения (12): **Казанский федеральный университет**, **Казанский государственный аграрный университет**, **Казан дәүләт аграр университеты** и др.; объекты культуры (9): **Национальная библиотека РТ**, **Татарстан Республикасы милликитапханәсе**, **Молодёжный театр на Булаке** и др., и медицинские учреждения (8): **Казанская клиника**, **клиника ава-Казань**, **платная клиника на Булаке** [9] и др. К коммерческим объектам относим объекты деловой сферы (78): **Штрих-м Казань**, **Банк Казани**, **Смартс Казань** и др.; объекты общепита (17): **Евразия**, **Chinatown**, **Древняя Бухара**, **Белфаст**, **Азия**, **Европа** и др.; объекты туристской отрасли (14): **Grand Hotel Kazan**, **отель Татарстан**, **гостиница Дунай**, **Bilyar Palace**, **гостиница Волга**, **Отель Татарстан** и др. и магазины (12): **Рублёвка**, **Идель** [10], **Кырлай** [11] и др. Для рассматриваемых государственных и коммерческих наименований характерно доминирование татарстанских топонимов, которые указывают на связь с данным регионом.

Основными референтами эргонимов г. Казани с антропонимами в производящей основе выступают магазины (42): **Элина**, **Чарли**, **Betty Barclay**, **Marina Rinaldi** и др.; объекты туристической отрасли (14): **Suleiman Palace**, **Шаяпин Kazan Palace Hotel**, **Регина** и др.; объекты сферы общественного питания (10): **кафе Сеюмбике** [12], **в гостях у Шаяпина** и др.; медицинские учреждения (9): **Eva Dent**, **Майя Мед**, **Alan Clinic**, **Центр технологий реабилитации профессора Ивановой В. А.** и др. и объекты деловой сферы (8): **Студия Ильнары**, **Бизнес-центр Пушкин** и др.

Татарстанские топонимы присутствуют в наименованиях ряда объектов города: государственных объектов, административных учреждений (**Комитет по тарифам Республики Татарстан**, **Министерство внутренних дел Республики Татарстан**, **Управление МВД России по городу Казани**), образовательных учреждений (**Казанская государственная медицинская академия**, **Ка-**

занский федеральный университет, Казанский государственный аграрный университет), объектах культуры (Национальный музей Республики Татарстан, Молодёжный театр на Булаке, Казанская городская филармония), медицинских учреждениях (Медикал Он-груп Казань, Ава клиник Казань). По сложившейся в РФ традиции, наименования высших образовательных заведений содержат название города, в котором расположены, и имя личности, оставившей след в их становлении и развитии. Например, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева, Казанская государственная консерватория им. Н. Г. Жиганова.

127 эргонимов с топонимами в производящей основе содержат дериваты слов Казань и Татарстан. Например, Казанские сувениры, Казанское подворье, Кот казанский, Казанские аптеки и др. Очевидно, что данное положение также детерминировано по крайней мере двумя факторами: сложившейся в РФ традицией включать топонимы в названия местных (региональных) объектов, а также стремлением укрепить этническую составляющую в эргонимиконе (глокализация) [13]. Дериваты слов Казань и Татарстан входят в состав названий 95 государственных (Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Республики Татарстан, Министерство культуры Республики Татарстан, Учебно-методический центр МЧС Республики Татарстан, Управление вневедомственной охраны управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Казани) и 24 коммерческих объектов (Grand Hotel Kazan, Банк Казани, БТА Казань, Штрих-М Казань, Банк Казанский и др.). Ряд наименований с дериватами слов Казань дублируются на разных улицах города Казани, поскольку являются наименованиями объектов определённой сети компаний: Банк Казани (4), Банк казанский (3), Казанские сувениры (3), Кот казанский (2), БТА Казань (2), Казанские аптеки (2).

В наименованиях коммерческих объектов присутствуют как татарстанские, так и иноязычные топонимы. Из 110 наименований коммерческих объектов 80 содержат российские топонимы (Булгар банк, Казанские сувениры, Казанское подворье, Банк Москвы, Сибирское здоровье и др.). 30 эргонимов содержат иностранные топонимы: LaManche, Тибет, Maisonde Paris, Британия, Belfast, кафе 24 Istanbul, Монте Карло, Монако и др. Из 30 эргонимов с топонимами в производящей основе 11 наименований относятся к восточным реалиям (Тибет, Сахара, Древняя Бухара и др.) и 19 – к западным (Lamanche, Монако, Монте Карло и др.).

Одним из наиболее ярких процессов, происходящих в современной Казани, является процесс вестернизации, трактуемый современной парадигмой языкознания как «процесс переориентации неевропейских сообществ на культурные, экономические, политические и социальные стандарты, сформировавшиеся в рамках западной цивилизации в Новое время; перенос западных структур в незападные общественные системы» [14]. В эргонимиконе г. Казани представлены наименования 11 городов (3 восточных и 8 западных), 9 стран (1 восточной и 8 западных), 2 наименования частей света, 2 примера использований наименования континента, 3 реки, протекающие на территории западных государств, и одно наименование пустыни. В наименованиях всех данных объектов манифестирована вестернизация лингвистического ландшафта г. Казани.

Помимо вышеуказанных иллюстраций материал исследования содержит примеры использования улиц в наименованиях объектов: Цветы на Фрунзе, Клиника на Чистопольской, Бизнес-центр Профсоюзный. Как видим, наименования в данном случае информируют не только о предлагаемых товарах и услугах, но и о местонахождении данных объектов.

Из 80 топонимов, включенных в эргонимикон г. Казани, референтами 47 являются объекты, находящиеся на территории Республики Татарстан (Булгар Стом [15], Биляр Палас Отель [16]), три – российскими (Рублёвка (2), Нева), а 30 – зарубежными (Ривьера, Британия, Maisonde Paris, Аризона tattoo и др.). Эти наименования являются ярким индикатором двух процессов: глокализации и вестернизации. Наименования российских объектов, являющихся производящей основой казанских эргонимов, превышают соответствующие наименования зарубежных географических объектов более чем в полтора раза: 47:30.

В случае с эргонимами, содержащими антропонимы в производящей основе, наблюдается интересная закономерность. В наименованиях государственных объектов (14) содержатся как русские, так и татарские имена. К данным объектам относим объекты культуры (8): Консерватория им. Н. Г. Жиганова и образовательные учреждения (6): Казанский государственный технологический университет им. А. Н. Туполева, Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова и др.

97 антропонимов в эргонимиконе г. Казани содержат не только имена и фамилии жителей города, но и имена представителей западных и восточных культур. Антропонимы, представленные в эргонимиконе г. Казани, мы делим на следующие группы: 1) Русские имена (68): дом Кекина, Шалыпин Palace Hotel, в гостях у Шалыпина, дом моды Кати Борисовой, центр реабилитации профессора Ивановой В. А. и др.; 2) татарские имена (20): Сеюмбике, Студия Ильнары, Сайма,

Гульчатай и др.; 3) иностранные имена (9), из которых два относятся к восточным реалиям: *Alladine, Suleiman Palace* и сея – к западным: *Marina Rinaldi, Чарли, Basel, Batty Barclay* и др.

63 эргонима содержат в своём составе имена исторических личностей, оставивших след в культуре и истории города: *Шалыпин Kazanpalace Hotel, Объект культурного наследия дом П. С. Садовского – Н. Е. Баратынского* и др. 18 из наиболее частотных 25 имён являются татарскими: *Гульчатай, Сайма, Эльвира* и др. Несмотря на то что в наименованиях представлены 25 наиболее популярных имён, для ряда эргонимов, производящая основа которых содержит антропонимы, характерна частотность употребления одного и того же популярного имени в наименовании объектов на территории нескольких улиц. Таким именем является имя *Элина*, которое использовано семь раз: на улицах Фрунзе, Краснококшайская, Лазарева и Кулахметова в наименованиях сети магазинов продовольственных товаров.

Таким образом, основными референтами эргонимов г. Казани с топонимами в производящей основе являются деловые объекты (38%), а референтами эргонимов с антропонимами в производящей основе выступают магазины (44%). В эргонимиконе г. Казани наиболее предпочтительной производящей основой выступают топонимы (219), на втором месте находятся антропонимы (97). Среди эргонимов г. Казани с топонимами в производящей основе большая роль принадлежит лексеме *Казань* (32%) и сочетанию *Республика Татарстан* (27%), которые указывают на связь объектов с городом или республикой, на территории которых они расположены. Осуществлённое исследование показало, что большее число антропонимов являются русскими (71%) и содержат имена исторических личностей, оставивших заметный след в истории и культуре города. Анализ иноязычных топонимов и антропонимов показал, что их число незначительно (14% топонимов и 9% антропонимов). В данных заимствованиях преобладают наименования западных культур (8% западных наименований и 4% восточных). Как в эргонимах с топонимами в производящей основе, так и в эргонимах с антропонимами в производящей основе абсолютное большинство составляют татарстанские топонимические наименования, а также татарстанские имена на русском и татарском языках, что свидетельствует о том, что в эргонимиконе г. Казани ярко выражен процесс глокализации, а не глобализации.

Примечания

1. Солнышкина М. И., Исмагилова А. Р. Вестернизация и глокализация лингвистического ландшафта г. Казани, Республика Татарстан // *XLinguae European Scientific Language Journal*. 2015. Vol. 8, iss. 2. P. 36–53.
2. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities*. 1995. P. 25–44.
3. Гревцева А. А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы // *Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 70. С. 145–148.
4. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М.: Наука, 1990. 192 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. 192 с.
6. Трифонова Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006; Земскова С. В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольяти Самарской области Российской Федерации : дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 198 с.
7. Купец Леонтий Владимирович Кекин.
8. Татарский советский композитор, педагог (1911–1988).
9. Булак – протока, соединяющая озеро Нижний Кабан с рекой Казанкой в Казани.
10. *Тат.* Волга.
11. Деревня в Республике Татарстан.
12. Сююмбике (ног. Суйимбийке, тат. Сөембикә, тюрк. Сөенбикэ) – правительница Казанского ханства, жена казанских ханов Джан-Али (1533–1535), Сафа-Гирея и Шах-Али, дочь ногайского бия Юсуфа и прапраправнучка основателя династии Ногайской Орды Едигея. Башня Сююмбике – историческая жемчужина Казанского Кремля и архитектурная эмблема Казани.
13. Солнышкина М. И., Исмагилова А. Р. Указ. соч.
14. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014. С. 43–44.
15. Древний город Булгар находится в Республике Татарстан.
16. Средневековый город, столица Волжской Булгарии. Территория современного Алексеевского района Республики Татарстан.

Notes

1. Solnyshkina M. I., Ismagilova A. R. *Vesternizaciya i globalizaciya lingvisticheskogo landshafta g. Kazani, Respublika Tatarstan* [Westernization and globalization, the linguistic landscape of Kazan, Republic of Tatarstan] // *XLinguae European Scientific Language Journal*. 2015, vol. 8, is. 2, pp. 36–53.

2. Robertson R. Globalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities. 1995. P. 25–44.
3. Grevceva A. A. *Kul'turnaya globalizaciya: problemy i paradigmy* [Cultural globalization: problems and paradigms] // *Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* – News of Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. 2008. № 70. Pp. 145–148.
4. Superanskaya A. V. *Imya – cherez veka i strany* [Name through centuries and countries]. M. Nauka. 1990. 192 p.
5. Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. M. 1988. 192 p.
6. Trifonova E. A. *Nazvaniya delovyh ob"ektov: semantika, pragmatika, poetika (na materiale russkikh i anglijskikh ehrgonimov) : dis. ... kand. filol. nauk* [Names of the business objects: semantics, pragmatics, poetics (on the material of Russian and English ergonims): dis. cand. philol. sciences]. Volgograd. 2006; Zemskova S. V. *Leksiko#semanticheskij i slovoobrazovatel'nyj analiz ehrgonimov g. Tol'yati Samarskoj oblasti Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical semantic and word-formative analysis of ergonims the city of Togliatti in Samara region of the Russian Federation: dis. cand. philol. sciences]. M. 1996. 198 p.
7. Merchant Leonti Vladimirovich Kekin.
8. Soviet Tatar composer, teacher (1911–1988).
9. Bulak – duct connecting the low Kaban lake with the river Kazanka in Kazan.
10. Tat. Volga.
11. A village in the Republic of Tatarstan.
12. Syuyumbike (feet. Sulgemine, tat. Cambic, Turk. Senbiki) – ruler of the Kazan khanate, the wife of Kazan khans Jan Ali (1533–1535), Safa Giray, and Ali Shah, the daughter of the Nogai Biy Yusuf and the maternal great-granddaughter of the founder of the dynasty of the Nogai Horde of Edigei. Syuyumbike tower – the historical pearl of the Kazan Kremlin and architectural emblem of Kazan.
13. Solnyshkina M. I., Ismagilova A. R. Op. cit.
14. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki : terminologicheskij slovar'* – Theory and methodology of historical science: a dictionary of terms / ed. by A. O. Chubaryan. M. 2014. Pp. 43–44.
15. Bolgar is in Republic Tatarstan.
16. The medieval capital of Volga Bulgaria. The current territory of Alekseevsky district of the Republic of Tatarstan.

УДК: 81.391

Л. Т. Ягафарова, С. Ю. Глушкова

Концепт *мода* в русском и китайском языках

Целью данной статьи является представление и описание концепта *мода* в двух языковых пространствах – русском и китайском. Концепт *мода* активно функционирует в лингвокультуре современного социума, являясь показателем его ценностных ориентиров и формируя ценностное пространство. Все это позволяет нам говорить о национальной специфике народа. Наше исследование проводится в рамках семантико-когнитивного подхода, с помощью которого осуществляется системное описание концептов. Проведенный анализ показал, что в процессе вербализации концепта *мода* в русской языковой среде акцент делается на эмоциональном восприятии, тогда как в китайской – на эстетическом. Вместе с тем взаимосвязь в объективации все же наблюдается – и выражается она преимущественно в выделении когнитивных признаков, имеющих схожую направленность.

The purpose of this article is to present and describe the concept of Fashion in two language spaces – Russian and Chinese. Fashion Concept actively functions in the linguistic culture of the modern society, being as an indicator of its value orientations and forming a value space. All this allows us to talk about the national specifics of the people. Our research is carried out within the framework of the semantic-cognitive approach, through which a systematic description of concepts is carried out. The analysis showed that in the process of verbalization of the concept of Fashion in the Russian language environment, the emphasis is on emotional perception, while in the Chinese one on the esthetic one. At the same time, interrelation in objectivities is nevertheless observed and expressed mainly in the allocation of cognitive features having a similar orientation.

Ключевые слова: мода, концепт, русское языковое пространство, китайское языковое пространство, ядро, периферия, когнитивный признак.

Keywords: fashion, concept, Russian language space, Chinese language space, kernel, periphery, cognitive sign.

В статье рассматривается национальная специфика концепта *Мода* (时髦 *shímáo*) в лингвокультурах России и Китая.

К пониманию концепта в современной лингвистике выдвигается множество подходов (семантико-когнитивный подход (З. Д. Попова и И. А. Стернин), концептуальные исследования (М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева)) и т. д. [1]

Наше исследование выполнено в рамках семантико-когнитивного подхода, представителями которого следует считать Е. С. Кубрякову, З. Д. Попову, И. А. Стернина, В. Н. Телия и др. В основе данного подхода лежит такое понятие, как концепт, которое представляет собой ментальное образование в сознании индивида, которое выходит на культуру социума, на его концептосферу. С позиций лингвокогнитивного подхода концепт имеет полевую модель, т. е. состоит из ядра и периферии. При этом под ядром ученый понимает словарные значения главной лексемы, обладающие большим потенциалом в раскрытии содержания концепта и особенностей его языкового выражения. Периферия же понимается как коннотации и ассоциации лексемы, содержащие субъективный опыт [2].

Результаты анализа системно-языкового материала позволили узнать о специфике функционирования культурного концепта *мода* в русском и китайском языковых сознаниях.

Анализ семантики культурных концептов в разных языковых пространствах позволяет говорить о специфическом, национальном, восприятии мира. Кроме того, концепт *мода* отображает многие процессы, господствующие в культурах народов, и имеет высокий оценочный потенциал.

Для выявления чувственно-образной составляющей ядра концепта был проведен психолингвистический эксперимент, в ходе которого русские и китайские испытуемые должны были ответить, с какими ключевыми словами у них ассоциируется слово «мода» 时尚. В китайском языке слово 时尚 состоит из слова 时 – время, к нужному времени и 尚 – ещё, всё ещё, пока ещё. Вместе эти две морфемы образуют слово мода, несмотря на то, что каждая из них описывает скорее промежутки времени. Разумеется, предметно-чувственные образы принадлежат преимущественно сфере их личного опыта и не имеют отношения к национальному. Вместе с тем в ядро концепта *мода* в русском языковом сознании входят такие предметно-чувственные образы, как *одежда, обувь, аксессуары, дефиле, показ, коллекция, дизайнер*; в китайском – 入时 – соответствующий духу времени, 髦 – популярный, 登 – современный, 有范儿 – модель, стиль, 模特 – модель, 风尚 – нравы, обычаи, 新颖 – свежий, оригинальный, 个性 – индивидуальность, 走秀 – дефиле, 设计师 – дизайнер. Периферию концепта *мода* в русском языке составили такие образы, как *бутик, магазин, фасон*; в китайском – 美丽 красивый, 发展 – развитие, развиваться, 潮流 – тенденция, традиция.

В результате семантического анализа материала мы выявили набор сем, входящих в состав значения *мода*. В русском языковом сознании такими семами являются:

1) «совокупность вкусов и взглядов, господствующих в обществе в определенное время и проявляющихся в увлечениях чем-либо, формах быта, одежде и т. п.» [3] (*вкус, взгляд, увлечение, формы быта, одежда*);

2) «ходящий обычай; временная, изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах» [4] (*обычай, прихоть, быт, общество, одежда, наряд*).

Семами, представляющими национальную специфику в китайском языковом сознании, являются такие, как:

– 入时赶上时髦, 时兴的风尚; 应时的风气. – то, что соответствует веяниям времени, традициям, нравам, то, что актуально и популярно (*веяние, традиция, нравы, актуальность, популярность*). Основной семой в китайском языке является 时 время [5].

Когнитивный анализ фреймовых образований в структуре концепта *мода* позволил выявить наполнение фрейма и особенности структуры исследуемого концепта. Нами были выделены ядерные и периферийные признаки фрейма в русском и китайском языковых сознаниях. К ядерным признакам фрейма в структуре концепта *мода* в языковом сознании представителей русской лингвокультуры мы отнесли такие противоречивые когнитивные признаки, как:

- 1) переменчивость (увлечение, прихоть);
- 2) стереотипность (обычай).

К периферийным когнитивным признакам фрейма мы причислили следующие признаки:

- 1) дороговизна, престиж (модные лейблы очень дорогие);
- 2) небрежность (мода перестала быть эталоном красоты);

3) приверженность к заграничному: французскому, английскому, итальянскому (законодателем моды являются западные страны).

В ядро фреймовой модели концепта *мода* (时尚), построенной китайскими носителями, входят следующие признаки:

- 1) 潮流 – тенденция, традиция;
- 2) 新颖 – оригинальность;
- 3) 入时 – современность (в ногу со временем).

Периферия фреймового образования *мода* (时尚) в китайском языке содержит следующие признаки:

- 1) 美丽 – красота;
- 2) 模特 – модель;
- 3) 时髦 – популярность.

Мы выделили универсальные когнитивные признаки, входящие в состав фреймового образования концепта *мода* в русском и китайском языковых сознаниях. К таковым относятся: *переменчивость; стереотипность; дороговизна, престиж; небрежность, соблазнительность; приверженность к заграничному; красота; оригинальность; традиция; тенденция; популярность; современность.*

Анализ материалов ассоциативного эксперимента со стимулами *мода* и их синонимами позволил выявить структуру ассоциативного поля в русском и китайском языковых сознаниях и выделить когнитивные признаки исследуемого концепта. Всего нами было обработано 285 ассоциаций китайских информантов, а также 263 ассоциации, представленных русскими испытуемыми. Нами были выделены когнитивные признаки, отражаемые в структурах ассоциативных полей. Структура ассоциативного поля концепта *мода* в русском языковом сознании выглядит следующим образом:

Ядерная зона:

- 1) мода предполагает наличие положительных эмоций (мода – хорошо);
- 2) мода предполагает индивидуальность (мода – стиль);
- 3) мода – массовое явление (мода – стереотип).

Периферийная зона:

- 1) следование моде дает ощущение удовлетворенности (мода – комфорт);
- 2) следование моде дает ощущение состоятельности (мода – благосостояние);
- 3) следование моде дает ощущение некоего превосходства над другими (мода – высокомерие).

Модель ассоциативного поля концепта *мода* (时尚) в китайском языковом сознании:

Ядерная зона:

- 1) мода предполагает красоту в китайском понимании (мода – красота);
- 2) мода предполагает индивидуальность (мода – стиль);
- 3) мода соответствует веянию времени (мода – время, традиция).

Периферийная зона:

1) следование моде дает ощущение принадлежности к сообществу известных людей (актер, певица) (мода – популярность, респонденты ассоциировали моду с именами популярных и красивых китайских актрис);

- 2) следование моде значит быть в новом, современном (мода – новизна);
- 3) следовать моде – носить какие-то дорогие бренды (мода – благосостояние).

К наиболее устойчивым ассоциативным реакциям относятся следующие: *одежда, обувь, аксессуар, коллекция, лейбл, бренд, дизайнер, Париж, показ.*

К наиболее устойчивым ассоциативным реакциям, входящим в ядерную зону ассоциативного поля концепта *мода* (时尚) в китайском языковом сознании, относятся: *入时 – соответствие духу времени, 时髦 – популярность, 摩登 – современность, 有范儿 – модель, стиль, 模特 – модель, 风尚 – нравы, обычаи, 新颖 – оригинальность, 个性 – индивидуальность, 走秀 – дефиле, 设计师 – дизайнер.*

Проведенное исследование показало, что в процессе вербализации концепта *мода* выявляется взаимосвязь концептов в русском и китайском языках, однако характер подобной взаимосвязи несколько отличается. У русских испытуемых наблюдается преобладание эмоционального восприятия изучаемого концепта, тогда как в ответах китайских информантов обнаруживается приоритет эстетического. Еще необходимо отметить, что многие синонимы и ассоциативные характеристики моды в китайском языке связаны с понятием *время*. И слово *мода* в китайском языке образуется при помощи морфемы 时 – время. Также в китайском языке ассоциативный

компонент дополняется именами китайских актрис, что не свойственно русским респондентам. Оценочные характеристики исследуемых концептов также имеют определённые различия. Оценка русских информантов зависит от мнения других, преимущественно иностранцев, тогда как оценка китайских испытуемых, скорее, основывается на внутренних вкусах и традициях китайцев в соответствии со временем.

Примечания

1. Антология концептов / В. И. Карасик, И. А. Стернин. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005. 352 с.
2. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. Минск: Тетра Системс, 2004. 256 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : Изд-во Эксмо, 2003. 736 с.
5. <http://baike.baidu.com/item/%E6%97%B6%E5%B0%9A/8276>. URL:

现代汉语词典（第五版）中国社会科学院语言研究所词典编辑室编。- 北京：商务印书馆，2005。

Notes

1. *Antologiya konceptov* – The anthology of concepts / V. I. Karasik, I. A. Sternin. Vol. 1. Volgograd. Paradigma. 2005. 352 p.

2. *Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie* [Cognitive linguistics : tutorial]. Minsk. Tetra Systems. 2004. 256 p.

3. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – Big explanatory dictionary of Russian language / under edition of S. A. Kuznetsov. SPb. Norint. 2000. 1536 p.

4. *Dal' V. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language. The modern version]. M. Publishing house Eksmo. 2003. 736 p.

5. <http://baike.baidu.com/item/%E6%97%B6%E5%B0%9A/8276>. Address: 现代汉语词典（第五版）。

中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 北京：商务印书馆，2005。

УДК 8; 811.11-112

А. Р. Давыдова

Рематизация синтаксического строя английского языка (на материале английских СМИ)

Настоящая статья посвящена рематическому разворачиванию синтаксического строя английского газетного текста. Цель статьи состоит в том, чтобы показать наличие взаимосвязи между интенцией коммуниканта и особенностями рематизации на уровнях дискурсивных единиц различной степени сложности (словосочетание, предложение, абзац, текст).

Автор развивает тезис о том, что в языке существуют средства, эксплицирующие рематическую прогрессию. Эти средства раскрываются в полном объеме на коммуникативно-прагматическом уровне текста, который представляет собой результат и процесс мыслительной деятельности автора текста.

В ходе исследования фактического материала доказано, что порядок слов является важнейшим средством организации структурно-семантической целостности текста, который позволяет достоверно определить коммуникативные намерения адресата.

Анализ языкового материала показал, что с точки зрения коммуникативности газетных сообщений рематическая информация является главной, а тематические компоненты предопределяют появление рематических компонентов и удерживают эту информацию в определенных рамках. Установлено, что рематическое разворачивание текста представляет собой актуализацию семантико-информативной пропозиции.

The given article is devoted to the process of focusing the syntactic system of the English newspaper text. The aim of the article lies in showing the correlation between the person's intention and the peculiarities of focusing on the levels of discursive units of different degrees of complexity (be it a collocation, a sentence, a paragraph, a text).

The author goes so far as to elaborate on the thesis that there are language means with the help of which rheme progression becomes explicit. These means are fully unfolded on the communicative and pragmatic levels, which pose the author's result and process of the reflective activity.

The analysis of the language material shows that word order is the main means of the organization of the structural and semantic integrity with the help of which the addressee's communicative intentions are reliably defined.

Against the backdrop of the language analysis and from the standpoint of the communicative aspect of the newspaper articles rheme information comes to be the main and theme components predetermine the appearance of the rheme components and keep this information within the certain limits. It is stated that rhematic development of the text appears to be the actualization of the semantic and informative propositions.

Ключевые слова: рематизация, синтаксическое членение, газетное сообщение, тема-рематические отношения, коммуникативно-прагматическая ситуация.

Keywords: the process of focusing, syntactic segmentation, a newspaper article, theme and rheme relations, a communicative and pragmatic situation.

Вопрос тема-рематических отношений является сегодня одним из основополагающих в лингвистике. Современное понимание порядка слов как феномена, обусловленного актуальным членением высказывания и синтаксическим членением предложения, сформировалось в русле общей проблемы соотношения языка и мышления, поставленной еще в античности. Порядок слов является важнейшим средством организации структурно-семантической целостности текста, который, в свою очередь, позволяет достоверно определить коммуникативные намерения адресата. Кроме структурной и семантической роли порядок слов может играть и прагматическую роль, то есть брать на себя функцию воздействия на адресата. Понимание и учет этих функций особенно важны при исследовании таких текстов, которые кроме информативной функции выполняют и функцию воздействия, что весьма актуально для газетных текстов.

Цель статьи заключается в том, чтобы показать наличие взаимосвязи между интенцией коммуниканта и особенностями рематизации на уровнях дискурсивных единиц различной степени сложности (словосочетание, предложение, абзац, текст).

Тема-рематические отношения проявляются на уровне предложения (внутри предложения) и на уровне текста (между предложениями и между абзацами). Смысловой вес членов предложения и тема-рематическое членение определяются в каждом конкретном предложении его коммуникативным заданием. Коммуникативное задание обусловлено конкретной обстановкой данного акта общения, в первую очередь тем, насколько осведомлен слушающий о предметах и явлениях, о которых идет речь в предложении. Сложная коммуникативно-прагматическая ситуации описания события манифестируется на языковом уровне в виде текста газетного сообщения. Предметом сообщения, его исходным пунктом является обычно нечто известное для слушающего – тема; об этом известном сообщается нечто неизвестное – рема. В сочетании известного, темы, и неизвестного, ремы, и заключается основа коммуникации. Следовательно, тема – отправная точка для развития высказывания, – то, что должно быть предварительно известно для полного понимания сообщения. Рема, ядро высказывания, – то новое, что сообщается в высказывании и является целью сообщения. Тема – это категория, устанавливаемая автором текста на его основе предположения о наличии соответствующего представления в сознании реципиента. Если тему отождествлять с номинативной основой языка, представленной в статистическом срезе, то рема скорее ассоциируется с динамическим процессом проявления определенных действительных характеристик на фоне обозначенной темы. Рема соотносима с процессом предикации, актом предикации [1].

При анализе языковых компонентов тема-рематической структуры текста мы исходим из того, что в языке существуют специальные средства, эксплицирующие рематическую прогрессию. Эти средства раскрываются в полном объеме только на уровне использования языка, то есть на коммуникативно-прагматическом уровне текста, который есть одновременно и результат и процесс мыслительной деятельности автора текста.

Появление ремы есть результат рематизации текста, она соотносится с введением новой информации с целью пояснить, конкретизировать, детализировать, уточнить, аргументировать, то есть сказать нечто о том, что воспринимается как уже известное, данное. Лингвистическая природа рематической линии тяготеет к семантико-прагматической форме выражения. Поэтому рематические компоненты непосредственно связаны с предикатами тех предложений, в которых они манифестируются. Например,

(1) **Donald Trump has hit back at Angela Merkel's** recent comments about the unreliability of the US as a trading partner [2].

Рематические компоненты текста получают экспликацию через слова, сочетания слов, предложения (как самостоятельные, так и зависимые). Рематические компоненты текста выполняют различные прагматические функции, которые могут быть осмыслены только в рамках всей коммуникативно-прагматической структуры газетного текста. Например,

(2) His trip led French leader Emmanuel Macron, **with whom Mr Trump was seen gripping hands and gritting teeth**, to announce that the handshake with the President was “not innocent” [3].

В исследуемых нами текстовых фрагментах выделению ремы способствует специфический порядок расположения частей актуального членения текста: изъясняющая часть всегда следует за изъясняемой. Все предложения в структуре текста строятся под воздействием именно такого порядка. По этой причине поясняющая часть не может располагаться перед поясняемой или уточняющая перед уточняемой.

Анализ отношений между предложениями/абзацами в газетном тексте дает возможность утверждать, что сочетание взаимосвязанных предложений/абзацев характеризуется смысловым единством, которое предопределяется строгой зависимостью одного компонента от другого. Одно предложение/абзац выступает в качестве носителя ведущего смысла (тема). Другое предложение/абзац выполняет подчиненную функцию (рема), служит для расширения информации опорного предложения/абзаца либо в плане конкретизации (уточнения, детализации, дополнения и так далее), либо в плане пояснения (аргументации, комментирования, осмысления и так далее).

Рассмотрим процесс рематизации через конкретизацию (уточнение или детализацию)

(3) An Islamic State car bomb that targeted families eating ice-cream after breaking their Ramadan fast has killed at least 17 people and wounded 32 more in southern Baghdad.

The blast outside a popular shop in the Karrada district of the Iraqi capital was followed by another attack, outside an office where people collect their government pensions, which killed 14 and wounded at least 37, according to police.

Isis quickly claimed responsibility for the first attack on early Tuesday morning, which Iraqi officials said appeared to involve remotely detonated explosives inside a parked car. The militant group later also claimed responsibility for the second attack, saying its suicide bombers had targeted gatherings of Shia Muslims [4].

Приведенный абзацный комплекс состоит из трех абзацев, первый из которых является тематическим, он вводит читателя в тему газетного сообщения. Не вся информация абзаца является известной читателю, хотя он наверняка слышал о террористическом акте, о котором рассказывает автор статьи, и название ИГИЛ, которые известны во всем мире. Во втором абзаце тема получает дальнейшее уточнение от «car bomb» к «The blast outside a popular shop in the Karrada», информация, относящаяся к подтеме, носит уточняющий характер, а весь второй абзац функционирует как рема. Также рематичен и третий абзац, с той лишь разницей, что он соотносится с еще одним поворотом темы, а именно: «Isis quickly claimed responsibility for the first attack». Новая информация третьего абзаца вводится автором текста с целью объяснения и детализации совершенного террористического акта.

В тексте газеты переплетаются и авторская оценка фактов, и авторское отношение. Вставные компоненты оценочной семантики могут рассматриваться как рематические, соотносимые с некоторыми моментами текстовой пропозитивной информации. В следующем примере выделенные языковые единицы содержат авторскую оценку.

(4) Some have suggested, **conspiratorially**, that one or other agency **might have wanted** to discredit Trump in the middle of his first foreign trip, as part of their continuing animus against him. That **seems as unlikely, though, as** the contrary idea, seized upon by his many UK detractors, that Trump himself was somehow responsible – **after all, had he not just divulged classified information to the Russian foreign minister?**

This seems even less plausible than the conspiracy theory. **Not only is there scant chance that any leak of this kind would have been referred up to the White House**, but it turns out that this apparently unprecedented release of “shared” information **does indeed have a precedent**. The former Metropolitan Police Commissioner, Lord Blair, disclosed that there had been similar breaches by US agencies in the wake of the 7/7 attacks in London. The difference then – **an interesting and perhaps significance difference** – is that official UK fury was confined to diplomatic channels [5].

Рематически направленные вставные компоненты «an interesting and perhaps significance difference»; «after all, had he not just divulged classified information to the Russian foreign minister?», «conspiratorially» представляют собой размышления автора статьи по поводу выводов, к которым подводит весь информативно-семантический комплекс, состоящий из цепочек субъектно-предикатных структур, создающих основную линию сообщения. Рематическая значимость подобных компонентов заключается в усилении прагматической направленности всего газетного сообщения, автор которого стремится выработать определенное отношение у читателя к тому, о чем он пишет, и в конечном итоге побудить к ответной реакции.

Основной коммуникативной функцией текста газетного сообщения является удовлетворение потребностей читателей в определенной информации. В чистом виде это может быть представлено как вопросно-ответное смысловое единство одного или нескольких предложений.

Вопросительные предложения входят в сложные семантико-смысловые отношения с зависимыми от них предложениями и занимают особое место в тексте газетной статьи. В подобных комплексах более информативно значимым является предложение, содержащее информацию-ответ с ярко выраженной рематической направленностью. Смысловая спаянность достигается тем, что одно из предложений служит для запроса информации (тематическая часть), а второе является собственно информирующим (рематическая часть). Рассмотрим пример с эксплицитно выраженным вопросом.

(5) Just as the Russia fracas in Washington seems to be dying down, Donald Trump's critics have found a new Russia-related stick to beat him with. His son-in-law, Jared Kushner, is accused of meeting Moscow's man in DC to explore setting up a confidential communications channel between the Trump team and the Kremlin.

Why, Trump's enemies ask, would any loyal citizen possibly want a channel closed to the prying eyes and ears of US officials and its agencies, unless for some treasonous purpose?

Given the latest leaks to the US media of sensitive shared UK intelligence, part of the answer to that question should be obvious. Most of the leaking against Trump from the presidential transition to this day has come from one branch or other of the US agencies.

How did anyone other than the participants know there had been a Trump Tower meeting between Kushner and Kislyak and this is what was discussed? Because Kislyak was being taped. Taping an American requires special clearance, but, of course, you can't tape just one half of a conversation [6].

Вопросительные предложения функционируют как сегментированный компонент, что позволяет автору текста подчеркнуть важное или привлечь внимание читателя к ответной рематической информации. Целостный характер подобных вопросительных комплексов информирующего содержания проявляется через имплицитную рематическую часть на фоне ярко выраженной тематической.

Рассмотрим контексты, в которых акцент ставится на рематической части при имплицитно выраженной установочной тематической части. Как правило, эти контексты не содержат эксплицитно выраженного запроса информации, на который автор газетного сообщения дает ответ; вопрос вытекает из всего предшествующего контекста и содержится в нем в имплицитной форме, что и является прагматической основой пояснения и аргументации.

Тематический компонент (предложение или его часть), в содержании которого наблюдается некоторая неясность, недоговоренность, требует появления зависимого рематического компонента (предложения или его части). В нем также могут содержаться незнакомые понятия, требующие пояснения, или информация, вызывающая вопросы или сомнения у получателя. Часто тексту газетного сообщения специально придается окраска интригующей неясности, для того чтобы привлечь внимание читателя. Рассмотрим следующий пример,

(6) Such legal and practical considerations aside – which pose real questions which largely remain unaddressed – I find it hard to understand what is actually wrong with Kushner and Kislyak sounding out the possibility of what is customarily called a **“backchannel”**. **This is a time-honoured way of trying to end a persistent, maybe dangerous, stalemate.**

Creating a backchannel is a highly sensitive and difficult business – one leak, and its whole utility is gone. Those who use it must command the complete trust of their sponsors and, if possible, be sufficiently removed from government to make official involvement deniable. If those conditions are met, it can be a highly effective – indeed the only – way of breaking an impasse, when the positions of either side are entrenched and any concession entails loss of face. The purpose is to find out where the other side actually stands – as opposed to where it publicly says it stands – and where the real “red lines” are [7].

Приведенный фрагмент насыщен пояснениями, органичное включение которых свидетельствует о том, как важны они для того, чтобы понятно изложить то, что может вызвать затруднения при восприятии информации. Автор вводит понятие «backchannel» с дальнейшим пояснением его роли в вопросе урегулирования взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном «this is a time-honoured way of trying to end a persistent, maybe dangerous, stalemate». Автор статьи вводит информацию и уточняет возможные последствия установления данного канала связи «creating a backchannel is a highly sensitive and difficult business – one leak, and its whole utility is gone». Далее, автор проясняет роль неофициального канала связи как необходимого инструмента в вопросе урегулирования взаимоотношений двух держав «The purpose is to find out where the

other side actually stands – as opposed to where it publicly says it stands – and where the real “red lines”».

Зависимые предложения могут выступать по отношению к опорным тематическим предложениям в роли аргументирующих для подтверждения и обоснования суждения, высказанного в опорном предложении. Опорное предложение, то есть то, которое устанавливает тему, как правило, включает в себе аналитическое утверждение, выражающее взгляд на некоторое действие или событие, а зависимое, несущее рематическую информацию, – сообщение о фактах, свидетельствующих о правомерности такого суждения. Например,

(7) In the end, for whatever reason, it appears that a Trump-Kremlin backchannel was not created. **It might have been better for US-Russia relations if it had** [8].

В текстах газетных сообщений такой тип контекста реализуется достаточно часто, так как употребление неаргументированных суждений, выражающих новую или не вполне известную точку зрения, может быть воспринято как неубедительное.

Анализ отношений между предложениями в газетном тексте, а также между абзацами показывает, что зависимые компоненты коммуникативной структуры текста газеты носят подчиненный характер и служат для усиления и углубления коммуникативной эффективности основных тематических сообщений. Тематические компоненты предопределяют появление рематических компонентов, хотя с точки зрения коммуникативности газетных сообщений рематическая информация является главной, а тематическая удерживает эту информацию в определенных рамках. Таким образом, рематическое развертывание текста представляет собой актуализацию определенно семантико-информативной пропозиции.

Примечания

1. Давыдова А. Р. Вербальные средства тематической связности в структуре текста газетных сообщений : монография. Армавир : АГПА, 2015. 152 с.

2. Osborne Samuel Donald Trump hits back at Anhttp://www.independent.co.uk/voices/intelligence-sharing-manchester-attack-donald-trump-theresa-may-nato-a7755831.htmlgela Merkel with ominous warning for Germany // The Independent. URL: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-angela-merkel-respond-germany-very-bad-us-twitter-nato-g7-leaders-visit-a7762841.html (дата обращения: 30.05.2017).

3. Revesz Rachael Donald Trump acted like 'a drunk tourist' on Europe trip that led Angela Merkel to proclaim end of US alliance // The Independent. URL: http://www.independent.co.uk/news/donald-trump-trip-abroad-saudi-arabia-europe-nato-climate-change-human-rights-handshakes-a7761036.html (дата обращения: 29.05.2017)

4. Chulov Martin Dozens of Iraqis killed as Isis targets Baghdad during Ramadan // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/may/30/baghdad-ice-cream-shop-isis-car-bomb-attack (дата обращения: 29.05.2017).

5. Dejevsky Mary The intelligence leaks are not a Trump problem – the UK should have reconsidered this relationship long ago // The Independent. URL: http://www.independent.co.uk/voices/intelligence-sharing-manchester-attack-donald-trump-theresa-may-nato-a7755831.html (дата обращения: 24.05.2017).

6. Ibid.

7. Ibid.

8. Ibid.

Notes

1. Davydova A. R. *Verbal'nye sredstva tematicheskoy svyaznosti v strukture teksta gazetnyh soobshchenij : monografiya* [Verbal means of thematic coherence in the text structure of newspaper reports: monograph]. Armavir. ASPA. 2015. 152 p.

2. Osborne Samuel Donald Trump hits back at Anhttp://www.independent.co.uk/voices/intelligence-sharing-manchester-attack-donald-trump-theresa-may-nato-a7755831.htmlgela Merkel with ominous warning for Germany // The Independent. Available at: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-angela-merkel-respond-germany-very-bad-us-twitter-nato-g7-leaders-visit-a7762841.html (accessed: 30.05.2017).

3. Revesz Rachael Donald Trump acted like 'a drunk tourist' on Europe trip that led Angela Merkel to proclaim end of US alliance // The Independent. Available at: http://www.independent.co.uk/news/donald-trump-trip-abroad-saudi-arabia-europe-nato-climate-change-human-rights-handshakes-a7761036.html (accessed: 29.05.2017)

4. Chulov Martin Dozens of Iraqis killed as Isis targets Baghdad during Ramadan // The Guardian. Available at: https://www.theguardian.com/world/2017/may/30/baghdad-ice-cream-shop-isis-car-bomb-attack (accessed: 29.05.2017).

5. Dejevsky Mary The intelligence leaks are not a Trump problem – the UK should have reconsidered this relationship long ago // The Independent. Available at: http://www.independent.co.uk/voices/intelligence-sharing-manchester-attack-donald-trump-theresa-may-nato-a7755831.html (accessed: 24.05.2017).

6. Ibid.

7. Ibid.

8. Ibid.

УДК [811.111'27+811.134.2'27]:33

Н. А. Гулевец

Языковое воплощение особенностей бизнес-культуры США и Мексики

Предлагаемая статья посвящена исследованию взаимосвязи культуры и бизнеса и ее реализации в английском и испанском языках. На основе классификаций национальных и организационных культур, предложенных Г. Хофстеде, Э. Холлом, Ф. Тромпенаарсом, Р. Льюисом и др., изучаются национальные ценности и особенности бизнес-культур двух соседних стран, США и Мексики; ставится цель проследить особенности их вербализации в корпоративном дискурсе. Результаты сравнительного исследования свидетельствуют, с одной стороны, о глубокой взаимосвязи языка народа и его национальной культуры, а с другой – о возможном влиянии ценностных ориентаций одного народа (с более сильной экономикой) на другой (с менее развитой экономикой), что ведет к изменениям в традиционном функционировании национального корпоративного дискурса.

The article studies the relationship between culture and business and understands its implementation in the English and Spanish languages. The national values and characteristics of business cultures of two neighboring countries, the United States and Mexico, are analyzed considering the classifications proposed by G. Hofstede, E. Hall, F. Trompenaars, R. Lewis, etc. The aim of the article is to trace the peculiarities of their verbalization in the corporate discourse. The results of the comparative study suggest, on the one hand, the serious connection between languages and national cultures, and on the other hand, the possible influence of value orientations of a nation with a stronger economy upon a nation with a less developed economy which leads to changes in the traditional functioning of the national corporate discourse.

Ключевые слова: язык, национальная бизнес-культура, корпоративный дискурс, США, Мексика.

Keywords: language, national business culture, corporate discourse, the USA, Mexico.

Бизнес-культура, или культура предпринимательства, на сегодняшний день является актуальным объектом исследования во многих областях и имеет множество определений. На наш взгляд, бизнес-культура – это прежде всего система ценностей, смыслов, традиций, мотивирующая и регулирующая предпринимательскую деятельность [1]. Бизнес-культура напрямую подвержена влиянию истории, традиций и ценностей национальной культуры [2], что определяет цели работы: проследить, как современные ценности национальных культур США и Мексики реализованы в бизнес-культуре стран-соседей, а также изучить особенности их вербализации в национальном корпоративном дискурсе. Труды Г. Хофстеде, Э. Холла, Ф. Тромпенаарса, Р. Льюиса предлагают полный набор характеристик для описания и классификации национальных и деловых культур, а также аргументируют особенности языковой реализации корпоративной информации. Материал исследования представлен текстами, опубликованными на официальных корпоративных сайтах крупных американских и мексиканских компаний: AT&T Inc. (ATT), Citigroup Inc. (Citi), Exxon Mobile Corporation (EM), JPMorgan Chase and Co. (MCh), Wal-Mart Stores Inc. (WM); Cemex, S. A. de C. V. (CM), Gruma, S. A. B. de C.V. (Gru), GrupoBimbo, S. A. B. de C. V. (GB), GrupoTelevisa (GT), Petróleos Mexicanos (PM).

Одна из характеристик мировых культур, по Э. Холлу, – их принадлежность к так называемым высококонтекстуальным и низкоконтекстуальным культурам [3]. Э. Холл относит культуру Мексики к высококонтекстуальному типу: значительная часть информации известна заранее, лишь меньшая ее часть вербализуется, весомую роль играют невербальные способы коммуникации. Кроме того, исследователь отмечает склонность представителей данного типа культуры к коллективизму, их тесные межличностные связи, преданность определенной группе, важность семейных отношений.

Так, культура Мексики сформировалась на основе культурного и социального наследия индейской и европейской (испанской) цивилизаций [4]. Например, низкий уровень индивидуализма в мексиканском обществе (30 пунктов из ста) [5] может объясняться исторической взаимосвязью

зью с коренными индейскими племенами, где особенно ценились и ценятся близкие связи внутри группы, взаимоподдержка и преданность коллективу [6], что находит свое отражение в тексте корпоративного сайта, например: *Petróleos Mexicanos colabora al desarrollo social e impulso de estrategias productivas en zonas con influencia de actividad petrolera, mediante la aportación de donativos y donaciones a favor de las comunidades que viven o trabajan en áreas de impacto de sus actividades* [PM].

Вследствие этого зачастую компания может восприниматься как семья или тесный круг друзей: «...бизнес делают не компании, а люди, а успешный бизнес ведут только друзья» [7]. Ф. Тромпенаарс справедливо относит организационную культуру Мексики к типу «семья» [8] и использует данное сравнение, чтобы подчеркнуть наличие тесных личных отношений, например: *Valores: Enfocarse al Cliente. Al escuchar a nuestros clientes, entender sus retos, y ofrecerles soluciones valiosas, construimos relaciones cercanas que nos distinguen de nuestros competidores* [CM] или *Siempre comprometidos con quienes nos han hecho ser lo que somos: nuestros consumidores, clientes, proveedores, colaboradores, accionistas y con la comunidad en general. Nuestro compromiso es con nuestro país y con el mundo* [Gru].

Культура США определяется Э. Холлом как низкоконтекстуальная [9], для которой характерны открытая организация сообщения, фокус на вербальную передачу мысли, полное отсутствие или минимальный подтекст. Например, *Exxon Mobil Corporation* прямо и открыто говорит об истории создания компании и ее современном развитии: *ExxonMobil has had a presence in the United States since 1870 when John D. Rockefeller and his associates formed the Standard Oil Company (Ohio), with combined facilities constituting the largest refining capacity of any single firm in the world. Today, Exxon Mobil Corporation is the largest publicly traded international oil and gas company and holds an industry-leading inventory of resources. We are also the largest refiner and marketer of petroleum products, and our chemical company is one of the largest in the world* [EM].

Личным отношениям уделяется незначительное место, главное – индивидуальное исполнение поставленных задач. Как следствие – уровень индивидуализма американского общества, по Г. Хофстеде, один из самых высоких в мире (91 пункт из ста) [10], что определяет одну из неоспоримых ценностей американского общества как непрекословное уважение личности, в бизнесе – партнера, клиента, сотрудника [11]: *Throughout our 200-year history, JPMorgan Chase has always been there for our constituents around the world. In the toughest of times when strong banks are needed the most, we never waver in our support, and we never lose sight of our main mission: serving our clients* [MCh].

Низкий контекст означает низкий уровень открытости и доверия между партнерами, главная цель бизнеса – достижение поставленных целей [12] (см., напр.: *Exxon Mobil Corporation is committed to being the world's premier petroleum and petrochemical company. To that end, we must continuously achieve superior financial and operating results while simultaneously adhering to high ethical standards* [EM]), а не «...эмоциональные отношения или длительные взаимные обязательства между людьми» [13]. Таким образом, Ф. Тромпенаарс определяет тип организационной культуры США как «управляемая (самонаводящаяся) ракета» [14]. Исследователь также определяет этот тип культуры как индивидуалистский, который предусматривает персональное развитие работника, а также ценит инициативность и прагматичность подхода [15], например: *Our solutions help companies adapt to shifting demands. And we give businesses a competitive advantage by helping them react to change in near real time* [ATT]. При этом каждый сотрудник может вносить свой личный вклад в дело компании [16]: *Want to join the team that's changing the way the world shops?* [WM].

Опираясь на высокий уровень оценки индивидуальности, текст корпоративного сайта подчеркивает исключительность компании, сотрудника, клиента, предлагаемой услуги/товара [17]. Одна из ярких языковых характеристик вербализации подобной уникальности – использование в текстах корпоративных сайтов американских компаний превосходной степени сравнения: *We strive to create the best outcomes for our clients and customers...* [Citi]; *The world's largest retailer is also the world's largest, fastest-growing and most dynamic ecommerce organization* [WM]; *We are the world's largest communications company... We serve more than 3.5 million business customers, including nearly all of the Fortune 1000 companies... We're a leading provider of IP-based services to multinational companies* [ATT].

Г. Хофстеде оценивает критерий дистанции власти для Мексики достаточно высоко (81 пункт) [18], что также можно считать наследием древнего индейского мировосприятия, где кастовость общества воспринималась как должное, низшие слои принимали свое подчиненное положение со смирением, а к высшим относились с уважением, почитанием и страхом [19]. В современной Мексике социальный статус непременно подчеркивается, а полномочия имеют значение [20]. Например, при презентации профиля генерального директора компании Pemex акцент делается на перечислении его достижений и заслуг, что заметно повышает статусность и придает вес управляющему звену компании: *José Antonio González Anaya. Director General Es*

Director General de Petróleos Mexicanos. Anteriormente se desempeñó como Director General del Instituto Mexicano del Seguro Social. En la Secretaría de Hacienda y Crédito Público ocupó varios cargos: Subsecretario de Ingresos; Coordinador de Asesores del C. Secretario y Titular de la Unidad de Coordinación con Entidades Federativas; Titular de la Unidad de Seguros, Valores y Pensiones; y Coordinador de Asesores del Subsecretario de Hacienda y Crédito Público. Fue Investigador y Profesor en la Universidad de Stanford; Economista Senior para Bolivia, Paraguay y Perú del Banco Mundial. Obtuvo el grado de Doctor en Economía por la Universidad de Harvard y es egresado de las licenciaturas en Economía e Ingeniería Mecánica del Instituto Tecnológico de Massachussets (MIT, por sus siglas en inglés) [PM].

Основа общественного строя США – демократия и равенство, что в комбинации с характеристиками одной из наиболее индивидуалистских культур приводит к низкому показателю значения дистанции власти (40 пунктов из ста) [21]: *A job at Walmart means an opportunity to build a career. About 75% of our store management teams started as hourly associates, and last year, we promoted about 200,000 people to jobs with more responsibility and higher pay* [WM]. Эта часть текста, например, свидетельствует о посильной, преодолимой дистанции между началом карьеры и получением высокой должности. Кроме этого позиционируется близость руководителя к простым сотрудникам, так как сам он – свидетельство личностного развития и продвижения по карьерной лестнице.

Основной девиз деловой активности в США – «Время – деньги!» [22]. Описывая США как монокронную культуру, Э. Холл [23] подчеркивает важность концентрации на рабочем процессе, поэтапность выполнения задания, четкое определение поставленных целей: *In 2015, GCB delivered meaningful progress on strategic initiatives and set the foundation for growth. We streamlined our product suite and sharpened value propositions to drive new customer acquisition, concentrated our retail presence in top urban centers with our distinctive Smart Banking® model and prioritized the digitization of our business today to reflect the massive shift in transaction activity to digital channels. We also continued to simplify and standardize systems and processes to improve efficiency while accelerating the completion of a uniform technology platform in 2016* [Citi].

Жесткая конкуренция, быстрое принятие решений, творческий подход – характеристики американского бизнеса, где закономерный результат – получение вознаграждения, что может являться дополнительным стимулом к дальнейшему росту [24]. Например, в разделе о найме на работу американский банк JP Morgan Chase так описывает возможности потенциальных сотрудников: *Eventually, it all comes down to people. Creating a winning team and self-sustaining culture takes hard work, and there is no substitute for it... Teams succeed because they are disciplined, they work well together, they execute consistently and they have a passion to win* [MCh].

Для Мексики время – понятие относительное. По Э. Холлу, Мексика представляет собой полихронную культуру [25]; по Р. Льюису, эта культура – полиактивная [26], где максимально выражены такие признаки, как эмоциональность (*Emilio Azcárraga ha hecho de la innovación una pieza clave de la empresa. Ha impulsado poderosas estrategias transmedia y novedosos contenidos digitales para captar la atención de las audiencias jóvenes* [GT]), импульсивность (*Emilio Azcárraga es un firme creyente en la colaboración. Le apasiona soñar en grande, corresponder, mantenerse al día, e integrar las prácticas empresariales más eficientes con tecnologías de vanguardia y contenidos profundamente humanos* [GT]), планирование в самых общих чертах (*Misión: Alimentos deliciosos y nutritivos en las manos de todos. Visión: En 2020 transformamos la industria de la panificación y expandimos nuestro liderazgo global para servir mejor a más consumidores* [GB]), ориентация на человека и семейные отношения (*Gruma es una empresa socialmente responsable que apoya el desarrollo integral de las comunidades donde tiene presencia, siempre ofreciendo productos de alta calidad accesibles a todas las familias...* [Gru]), преобладание чувств над фактами и т. д. Полиактивность и полихронность мексиканской культуры также связаны с высокими показателями коллективизма, выделенными Г. Хофстеде, и семейственности [27].

Однако несмотря на значительные различия культурных характеристик, прямо влияющих на построение и развитие деловых отношений, неизбежность глобализационных процессов оказывает влияние на национальные культуры и приводит к некоторому изменению индивидуальных характеристик и «подтягиванию» национальных культурных характеристик более слабой экономики (в нашем случае Мексики) под характеристики более сильной (США).

Например, культура Мексики – эмоциональна, традиционно в речи используется множество эпитетов [28] (см. выше). Однако, возможно, под влиянием США языковое поведение в корпоративной среде становится более сдержанным: *Nuestro objetivo es fortalecer el compromiso de PEMEX con la transparencia y rendición de cuentas al fungir como enlace y promover el acercamiento con la comunidad financiera. Para ello, se divulgan de manera clara y oportuna las principales actividades operativas y financieras de PEMEX* [PM] и др.

В мексиканском корпоративном дискурсе также наблюдается тенденция к сокращению дистанции власти, например: *En este escenario se modificó también la estructura organizacional y operativa de Petróleos Mexicanos para dar paso a una Empresa Productiva del Estado, ágil, eficiente y redituable* [PM] (гибкость, открытость в подходах) или *Conoce nuestras oportunidades de trabajo. Formar parte del equipo puede ayudarte a alcanzar metas personales y profesionales y contribuir en la construcción de un mejor futuro* [CM] (обращение на «ты»).

Изменение экономической модели Мексики в конце XX – начале XXI вв., что в целом связано с процессами глобализации и модернизацией страны на государственном уровне [29], повлекло за собой процессы реструктуризации производства, внедрение инновационных подходов, открыло возможности творческого, нестандартного подхода к различным видам деятельности компании, что также отражено в тексте корпоративного сайта: *Siempre listos para servir a nuestros clientes; pedidos completos, calidad, innovación, nuevos productos, crecimiento. Ésta ha sido nuestra vida diaria, lo mismo en la satisfacción que en los momentos difíciles, tratando de hacer lo imposible, posible, los primeros en llegar y en servir* [GB]; *Gracias a la innovación y uso de nuevas tecnologías, GRUMA ha ampliado su portafolio de productos y servicios que se adaptan a los diferentes estilos de vida, culturas y necesidades de sus clientes y consumidores en todos los países donde está presente* [Gru] и др.

Таким образом, настоящее исследование подтверждает влияние особенностей национальной культуры на вербализацию характеристик бизнес-культуры в корпоративном дискурсе; проведенный сравнительный анализ свидетельствует о глубокой взаимосвязи языка народа и его национальной культуры. Вместе с тем следует отметить возможность влияния ценностных ориентаций экономически более сильного США на Мексику, что приводит к изменениям в традиционном восприятии окружающего мира и несомненно отражается в языковом материале корпоративного сайта.

Примечания

1. *Макеева В. Г.* Культура предпринимательства : учеб. пособие для вузов по экон. спец. М. : ИНФРА-М, 2002. С. 9.
2. См., напр.: *Гулевец Н. А.* Языковое воплощение особенностей бизнес-культуры стран Латинской Америки // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всерос. науч.-практ. конф. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 90–95.
3. *Hall E. T. (1)* Beyond Culture. N.Y. : Anchor Press, 1976.
4. Деловая культура Мексики. Этикет // Экспортеры России. Единый информационный портал. URL: <http://www.rusexporter.ru/business-etiquette/480/> (дата обращения 15.01.2017).
5. *Hofstede G.* Country Comparison. URL: <https://geert-hofstede.com/mexico.html> (дата обращения: 15.01.2017).
6. *Lewis R. D.* When Cultures Collide: Leading Across Cultures. Boston ; L. : Nicholas Brealey International, 2006. P. 553.
7. Деловая культура Мексики. Этикет...
8. *Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч.* Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Минск : ООО «Попурри», 2004. С. 322–338.
9. *Hall E. T. (1)* Op. cit. P. 105–106.
10. *Hofstede G.* Op. cit.
11. См. также: *Lewis R. D.* Op. cit. P. 180; *Shippey C. C.* USA Business: The Portable Encyclopedia for Doing Business with the United States. San Rafael : World Trade Press, 1995. P. 225.
12. *Shippey C. C.* Op. cit. P. 225; *Schmidt P. L.* Understanding American and German Business Cultures: A Manager's Guide to the Cultural Context in which American and German Companies Operate. Dusseldorf : Meridian World Press, 1999. P. 44–45.
13. *Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч.* Указ. соч. С. 354.
14. Там же. С. 351–357.
15. См. также: *Shippey C. C.* Op. cit. P. 225; *Schmidt P. L.* Op. cit. P. 44–45.
16. *Schmidt P. L.* Op. cit. P. 45.
17. *Lewis R. D.* Op. cit. P. 181.
18. *Hofstede G.* Op. cit.
19. *Lewis R. D.* Op. cit. P. 533.
20. Деловая культура Мексики. Этикет...
21. *Hofstede G.* Op. cit.
22. *Lewis R. D.* Op. cit. P. 179; *Shippey C. C.* Op. cit. P. 226; *Schmidt P. L.* Op. cit. P. 44–45.
23. *Hall E. T. (2)* The Silent Language. N.Y. : Doubleday, 1990. P. 150.
24. *Lewis R. D.* Op. cit. P. 185; *Shippey C. C.* Op. cit. P. 226.
25. *Hall E. T. (3)* The Hidden Dimension. N.Y. : Anchor Books Editions, 1990. P. 173–174.
26. *Lewis R. D.* Op. cit. P. 29–31.

27. См., напр.: *Dávila A., Hartman A. M. Tradition and Modern Aspects of Mexican Corporate Culture // Mexican Business Culture: Essays on Tradition, Ethics, Entrepreneurship and Commerce and the State. Jefferson, N.C. : McFarland, 2016. P. 26–27.*

28. *Lewis R. D. Op. cit. P. 532.*

29. *HernándezRomo M. A. La cultura empresarial en México. México : UAA, 2004. P. 9–10.*

Notes

1. *Makeeva V. G. Kul'tura predprinimatel'stva : ucheb. posobie dlya vuzov po ehkon. spec. [Culture of entrepreneurship: textbook for universities for econ. spec.] M. INFRA-M. 2002. P. 9.*

2. See, eg.: *Gulevec N. A. YAzykovoe voploshchenie osobennostej biznes#kul'tury stran Latinskoj Ameriki [Linguistic embodiment of the peculiarities of business culture of Latin America] // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod : materialy I vsenos. nauch.-prakt. konf.- Translation discourse: a multidisciplinary approach : materials of all-Russia scientific and pract. conf. Simferopol. PT "ARIAL". 2017. Pp. 90-95.*

3. *Hall E. T. (1) Beyond Culture. N. Y. Anchor Press. 1976.*

4. *Delovaya kul'tura Meksiki. Ehtiket – Business culture of Mexico. Etiquette // EHksportery Rossii. Edinyj informacionnyj portal – Exporters Of Russia. A single information portal. Available at: <http://www.rusexporter.ru/business-etiquette/480/> (accessed 15.01.2017).*

5. *Hofstede G. Country Comparison. Available at: <https://geert-hofstede.com/mexico.html> (accessed: 15.01.2017).*

6. *Lewis R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. Boston ; L. : Nicholas Brealey International, 2006. P. 553.*

7. *Delovaya kul'tura Meksiki. Ehtiket – Business culture of Mexico. Etiquette...*

8. *Trompenaars F., Hehmpden-Terner CH. Nacional'no-kul'turnye razlichiya v kontekste global'nogo biznesa [National cultural differences in the context of global business]. Minsk. "Potpourri" LTD. 2004. Pp. 322-338.*

9. *Hall E. T. (1) Op. cit. Pp. 105-106.*

10. *Hofstede G. Op. cit.*

11. See also: *Lewis R. D. Op. cit. P. 180; Shippey C. C. USA Business: The Portable Encyclopedia for Doing Business with the United States. San Rafael. World Trade Press. 1995. P. 225.*

12. *Shippey C. C. Op. cit. P. 225; Schmidt P. L. Understanding American and German Business Cultures: A Manager's Guide to the Cultural Context in which American and German Companies Operate. Dusseldorf. Meridian World Press. 1999. Pp. 44–45.*

13. *Trompenaars F., Hehmpden-Terner CH. Op. cit. P. 354.*

14. *Ibid. Pp. 351-357.*

15. See also: *Shippey C. C. Op. cit. P. 225; Schmidt P. L. Op. cit. Pp. 44–45.*

16. *Schmidt P. L. Op. cit. P. 45.*

17. *Lewis R. D. Op. cit. P. 181.*

18. *Hofstede G. Op. cit.*

19. *Lewis R. D. Op. cit. P. 533.*

20. *Delovaya kul'tura Meksiki. Ehtiket – Business culture of Mexico. Etiquette...*

21. *Hofstede G. Op. cit.*

22. *Lewis R. D. Op. cit. P. 179; Shippey C. C. Op. cit. P. 226; Schmidt P. L. Op. cit. Pp. 44–45.*

23. *Hall E. T. (2) The Silent Language. N.Y. Doubleday. 1990. P. 150.*

24. *Lewis R. D. Op. cit. P. 185; Shippey C. C. Op. cit. P. 226.*

25. *Hall E. T. (3) The Hidden Dimension. N.Y. Anchor Books Editions. 1990. Pp. 173–174.*

26. *Lewis R. D. Op. cit. Pp. 29–31.*

27. See, eg.: *Dávila A., Hartman A. M. Tradition and Modern Aspects of Mexican Corporate Culture // Mexican Business Culture: Essays on Tradition, Ethics, Entrepreneurship and Commerce and the State. Jefferson, N.C. McFarland. 2016. Pp. 26–27.*

28. *Lewis R. D. Op. cit. P. 532.*

29. *HernándezRomo M. A. La cultura empresarial en México. México. UAA. 2004. Pp. 9–10.*

Корпоративные вебсайты

ATT: AT&T Inc. URL: <https://www.att.com> (дата обращения: 25.02.2017).

Citi: Citigroup Inc. URL: <http://www.citigroup.com/> (дата обращения: 25.02.2017)

CM: Cemex, S.A. de C.V. URL: <http://www.cemexmexico.com/> (дата обращения: 25.02.2017).

EM: Exxon Mobile Corporation. URL: <http://corporate.exxonmobil.com/> (дата обращения: 25.02.2017).

GB: GrupoBimbo, S.A.B. de C.V. URL: <http://www.grupobimbo.com/> (дата обращения: 25.02.2017).

Gru: Gruma, S.A.B. de C.V. URL: <https://www.gruma.com> (дата обращения: 25.02.2017).

GT: GrupoTelevisa. URL: <http://www.televisa.com/> (дата обращения: 25.02.2017).

MCh: JPMorgan Chase and Co. URL: <https://www.jpmorganchase.com/> (дата обращения: 25.02.2017).

PM: Petróleos Mexicanos (Pemex). URL: <http://www.pemex.com/> (дата обращения: 25.02.2017).

WM: Wal-Mart Stores Inc. URL: <https://www.walmart.com> (дата обращения: 25.02.2017).

Corporate websites

ATT: AT&T Inc. Available at: <https://www.att.com> (accessed: 25.02.2017).
Citi: Citigroup Inc. Available at: <http://www.citigroup.com/> (accessed: 25.02.2017).
Cm: Cemex, S. A. de C. V. Available at: <http://www.cemexmexico.com/> (accessed: 25.02.2017).
EM: Exxon Mobile Corporation. Available at: <http://corporate.exxonmobil.com/> (accessed: 25.02.2017).
GB: GrupoBimbo, S. A. de C. V. Available at: <http://www.grupobimbo.com/> (accessed: 25.02.2017).
GRU: Gruma, S. A. de C. V. Available at: <https://www.gruma.com> (accessed: 25.02.2017).
GT: GrupoTelevisa. Available at: <http://www.televisa.com/> (accessed: 25.02.2017).
MCh: JPMorgan Chase and Co. Available at: <https://www.jpmorganchase.com/> (accessed: 25.02.2017).
PM: Petróleos Mexicanos (Pemex). Available at: <http://www.pemex.com/> (accessed: 25.02.2017).
WM: Wal-Mart Stores Inc. Available at: <https://www.walmart.com> (accessed: 25.02.2017).

УДК 81'27

Е. А. Картушина

Многоязычие в языковом ландшафте городской среды (на примере города Хельсинки)

Автор рассматривает присутствие языков на территории столичного региона Финляндии, анализируя объекты языкового ландшафта (вывески, объявления, рекламные щиты) на предмет использования в них других языков, помимо финского как первого государственного языка Финляндии. Представлены результаты исследования, проведенного автором в конце 2016 – начале 2017 в столичном регионе Финляндии. В качестве теоретической основы исследования автором изучаются подходы к рассмотрению категории повседневности в лингвистике. Не остается без внимания и прагматическая составляющая анализируемых автором примеров практического материала. Делается попытка оценить уместность употребления того или иного иноязычного элемента с точки зрения метода контент-анализа. Результаты исследования показывают, в частности, частотное употребление в языковом ландшафте английских лексем и лексем шведского языка.

The author focuses on representation of languages in the metropolitan area in Finland analysing the linguistic landscape (billboards, announcements) that may contain elements from other languages i.e. English or Swedish. The category of everyday within the frames of social philosophy approach serves as a theoretical basis for the research as the author analysis the approaches towards extrapolating this category into linguistic. The survey under question took place in late 2016 – early 2017 in the metropolitan area of Helsinki. Judging by the statistic data, in the linguistic landscape of Helsinki metropolitan area there are more elements of English language rather than from Swedish as one could suppose as Swedish being the second official language in Finland.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, финский язык, языковой ландшафт, многоязычие, категория повседневности.

Keywords: sociolinguistics, language situation, Finnish, linguistic landscape, multilingualism, the category of everyday life.

Перемены социокультурного характера, происходящие в эпоху глобализации, не могут не повлечь за собой изменений в языке, его использовании, функционировании и распространении. Дискурсивность, «погруженность в жизнь» связывают язык с категориями социального, культурного и идеологического характера.

Не случайна в связи с этим заинтересованность лингвистов и других исследователей гуманитарного знания в социальных, метафизических категориях, что, возможно, вызвано стремлением расширить горизонты интерпретации языка и коммуникации. Социально-дискурсивный переворот в гуманитарных науках стал повлек за собой становление многих направлений в современной лингвистике, находящихся на стыке с другими гуманитарными науками – когнитивная лингвистика, гендерная лингвистика, лингвистика концептов, лингвосенсорика и другие. Несомненно, междисциплинарные исследования всегда приводят к наиболее значимым результатам, однако адекватность и степень значимости этих категорий заслуживает отдельного рассмотрения.

С другой стороны, нельзя не заметить, что подобного рода исследования, находящиеся на стыке с другими науками, ориентированы больше на сферу функциональной лингвистики, на

феноменологическую концепцию языка, чем на традиционные системно-языковые исследования. Феноменологический поворот затронул не только лингвистическую науку, но и другие отрасли гуманитарных исследований, что имеет ряд причин системного характера, среди которых можно выделить следующие взаимосвязанные друг с другом факторы:

1. Первая причина – частая вариативность языковой нормы, жаргонизация языка, проникновение элементов из других языков, преимущественно американского английского. Строгость языковой нормы заменяется функциональностью языка. «Неосторожный взгляд в будущее позволяет предположить, что критерием правильности будет не столько некая единая норма, привносимая в развитие языка, сколько языковые правила и средства наиболее эффективного его функционирования в интересах разных сфер общественной коммуникации» [1].

2. Междисциплинарные исследования не ограничиваются соприкосновением с одной лишь единственной концепцией гуманитарного знания, они как правило, ориентированы на доминирующую в данный момент методологию в общественных науках, которые могут охватывать хронологические рамки. Междисциплинарность всегда ориентирована, а в большинстве случаев возможна именно благодаря связи с господствующей на данный момент парадигмой в гуманитарном знании. Кроме того, междисциплинарные исследования в лингвистике всегда проходят «проверку на совместимость» на предмет применимости данных других наук к анализу языковых данных. Так, большое развитие получила системная парадигма в языкознании, когнитивная и социальная лингвистика. На сегодняшний день можно говорить о смене философско-методологической парадигмы, развитие и пересмотр постмодернистской философии, которые, как отмечается в работе А. В. Кирилиной «отрицают устойчивые эпистемиологические основы, неоспоримые теоретические предпосылки и установки и закономерности, объединяемые недоверием к абсолютно универсальным нормам и всеобъемлющим теоретическим системам» [2].

На данный момент можно говорить об увеличении интереса лингвистов функциональной лингвистикой, что может в определенной степени говорить об увлеченности феноменологической концепцией [3]. Стоит также иметь в виду, что феноменологический подход априори предполагает междисциплинарность, поскольку интерпретация как анализ в рамках феноменологической феноменологии по определению предполагает многоаспектность. Именно поэтому для объяснения феноменов, происходящих в языке и коммуникации, лингвистика обращается к понятийному аппарату других наук.

Одной из тех категорий, к которым прикован интерес лингвистов и культурологов, является понятие повседневности [4]. Категория повседневности пользуется популярностью в западных культурологических исследованиях, в российской традиции она в основном базируется на идеях Ю. М. Лотмана. Множественность поведения отдельных индивидов определяет некоторую совокупность характеристик поведения, становящуюся нормой [5]. Изучение культуры повседневности может дать ключ к пониманию культурного кода. Повседневность как историко-психологическая, знаковая категория видится как некоторый текст, в котором совмещаются бытовое и бытийное. При этом повседневное поведение не является стереотипным, заданным раз и навсегда. Напротив, в повседневности можно выделить несколько стилей или амплуа, которые представляют определенную линию и стратегию поведения. Выбор определенной стратегии поведения остается за индивидом как объектом социокультурной реальности.

Амплуа (стиль) может задать определенный сценарий поведения, но не сюжетного развития ситуации (с точки зрения социолингвистики – развития коммуникативной ситуации), которые могут зависеть от совокупности амплуа участников, но не являются предсказуемыми.

Экстраполяция категории повседневности в лингвистическое описание хотя и представляется сложной, но, поскольку соответствует гуманитарной области знания, в большинстве случаев видится оправданной. На рубеже веков Макс Вебер писал, что социология должна заниматься типичными единообразными действиями людей с «типичным идентичным предполагаемым смыслом». Современная лингвистика, чтобы объяснить меняющийся язык или хотя бы записать его видоизменяющиеся особенности, все чаще обращается к языку повседневной формы коммуникации, к обыденным формам нашей жизни.

Повседневность как социокультурная категория стала основой одного из микронаправлений лингвистики – языка городской среды. Изучение языка городской среды обрело популярность в начале девяностых годов прошлого столетия [6] и с тех пор продолжает свое развитие в трудах отечественных и зарубежных лингвистов [7]. Отнюдь не умаляя значимость данных исследований, нельзя не заметить недостаток лонгитудных исследований, которые бы позволили проследить изменение языка городской среды, присутствие языков в динамике или в определенном временном отрезке. Очевидно, что разговорная речь меняется не сама по себе, а в совокупности и прямой зависимости от социокультурных условий. Любое изменение в социальных

связях, социальной структуре влечет за собой изменение традиционных систем повседневности, что и может проявиться в диахронических исследованиях языка городской среды.

Также не стоит упускать из виду, что обыденный язык, язык повседневного общения не должен быть приоритетным в исследованиях современной лингвистики. Это «смеховая культура» (М. Бахтин), «карнавальное шествие» (Элиас), которые могут рассматриваться не сами по себе, не как универсальная категория, а как феномен, возможно, даже отклоняющийся от языковой нормы. Анализ разговорной речи даст нам более глубокий анализ, если будет рассматриваться в сопоставлении с языковой нормой.

Вполне логичным также видится реализация категории повседневности и ее изучение в методе языкового ландшафта (linguisticlandscape) как одного из методов изучения языка города – «языка вывесок, рекламных щитов, плакатов» [8]. Тот факт, что повседневность является такой же знаковой системой, как и иные формы культурной и социальной жизни, хорошо проявляется в рекламной и пропагандистской целях. Средства массовой информации создают «эффект присутствия», «эффект рациональной очевидности». Смысл определяется самим фактом демонстрации. Повседневность предполагает наглядность.

Именно эта характеристика повседневности позволяет нам связать категорию повседневности с методом языкового ландшафта. Сам термин также является заимствованным из других областей гуманитарного знания (сравним, например, «финансовый ландшафт», «социальный ландшафт»).

Изучение языкового ландшафта в языке городской среды может также дать нам практическую значимость – рассмотреть степень присутствия разных диалектов или языков в определенном ареале (городской местности). В связи с этим представился небезынтересным языковой ландшафт города Хельсинки, в частности, на предмет представленности в нем второго государственного языка Финляндии – шведского, а также других языков. Финляндия, являясь членом ЕС, может быть ориентированной на многоязычие. Хотя принцип многоязычия официально не зафиксирован ни в одном регламентирующем документе ЕС, тем не менее можно говорить об ориентированности ЕС на многоязычие. Так, например, в Финляндии в школах помимо родного и второго государственного языка (финского и шведского соответственно) обязательным является также изучение английского языка.

Анализ языкового ландшафта города проводился с использованием метода наблюдения в период с декабря 2016 г. по апрель 2017 г. в городе Хельсинки. Объектом исследования стал языковой ландшафт города Хельсинки, предметом – иноязычные элементы (слова, словосочетания или цельные синтаксические структуры из других иностранных языков – английского, шведского или других) при составлении вывесок, объявлений, рекламных щитов, меню, комиксов и других текстов, которые можно беспрепятственно увидеть на улицах Хельсинки. Основной задачей исследования являлось проследить, какие языки присутствуют в языковом ландшафте Хельсинки.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы относительно особенностей языкового ландшафта среды европейского города.

1. Частотное использование английских слов (встретилось в 63 из всего количества анализируемых контекстов):

1) «**Tonight** Liput 10 EUR». В данном объявлении мы видим предложение билетов на вечернее шоу. Английское слово занимает препозицию, в то время как финское является дополнением.

2) «**Pop-up-pistet**, muotinäytökset, **street food marketit**, **showt** ja jopa **stand-up komiikka** siivittävät uusein tuoteiden ja **brändien** lanseerauksia». В данном контексте мы видим словоформы, образованные в соответствии с правилами образования форм множественного числа (окончание -t) в словах pistet, marketit, showt. Также в словах komiikka (комик), brändien (брендовый, дизайнерский) мы встречаем удвоенные гласные и литеру [ä], характерные для финской орфографии.

3) «**Keeping up** ystävien kanssa on poreampaa kuin koskaan». В данном тексте рекламы герундий в функции подлежащего. Текст рекламы говорит о возможности более быстрого общения с друзьями при помощи нового телефона. Возможно, английский герундий использовался с целью привлечения внимания и экономии языковых средств.

4) «Elle. **Snake**-kuvioitua mokkanahka». В данном контексте вывески обувного магазина мы видим указание на узор в форме змеи на одной из моделей обуви. Возможно, использование англицизма вызвано распространенностью марки во многих странах Европы.

5) «Jopa 60% **off** aletuotteet merkitty erikseen». В данном контексте рекламного объявления мы видим предложение скидки на особо выделенные товары. Обращает на себя внимание совмещение финского (jopa) и английского (off) предлогов.

6) «Potatoes whit cheese filling jalopenos» (орфография сохранена). В данном контексте обращает на себя внимание вкрапление финского слова в английский текст меню, где только лексема jalopenos (фрикадельки) является финской.

7) Из комикса: «– No mut hei **please**, onks joku **big deal** jos **droppaa** vähä English sanoja suomen kieleen? Mun mielestä kuulostaa **way coolerilta**. – En mä maindaa, se on ihan **fine**. Heti on paljon **freshimpi touchispiikaamiseen**. Mut joillekin se on **issue**, kyl mä sen **understandaan**». Контекст данного комикса интересен прежде всего сознательным использованием английских слов, зачастую с сознательным искажением орфографии с использованием способов передачи на письме английских звуков способами (touchi), характерными для финского языка, или с использованием морфем грамматических категорий (freshimpi в значении «более свежий»; way coolerilta – inacoolway). Кроме того, нельзя не отметить и прагматическую оценку этого комикса – выражение иронии относительно использования английских слов в финском языке.

8) «Aurinkoista kevättä! Toivoo **Hearts Team. Stylewithasmile**». В данном контексте название компании (HeartsTeam) и рекламный слоган Style with a smile представлены на английском, а текст выражения надежды на солнечную весну выражен на финском. Нельзя не заметить написание style как style, хотя ü и отсутствует в финском алфавите. Возможно, подобного рода написание призвано провести с финской лексемой tyllys (стиль).

2. Вторая по степени многочисленности группа (44 контекста) представлена параллельными текстами на финском и английском языках. Текст на финском представлен первым в большинстве контекстов – 37, однако встречаются контексты, когда первым сделана надпись на английском:

1) «Do not press the emergency button in the event of danger. If the press does not work, press the release button and turning at the same time.

Älä paina hätäseis – painiketta kuis vaaratilanteessa! Jos puristin ei toimi vapauta painike». В данном примере в финском языке восклицательный знак и более строгая модальная конструкция, выражающая запрет – Älä.

2) «Tulipalon sattuessa älä käytä hissiä. Action in fire do not use the lifts». В данном контексте на английском представлена калька с финского.

3) «Terevetuloo Turkuun! Welcome to Turkuun!». В тексте данного плаката заметно, что в английском тексте сохранилась словоформа дательного падежа топонима Turku (город Турку).

4) «Meillä on myös kasviruokia. We also have vegetables». В данной вывеске около кафе мы видим перевод kasviruokia (вегетарианские блюда) как vegetables (овощи).

5) Другой способ совместного использования финского в языковом ландшафте – написание рекламного слогана на английском, а дополнительной информации – на финском: «Beautifulhairinyourhands. Goldwell. Ammattimaisetratkaisut kaikille hiustyypeille».

3. Количество параллельных текстов на финском и шведском языках в одном контексте – единице языкового ландшафта города – встречается гораздо реже в количественном отношении. Нами обнаружено 12 контекстов, преимущественно в рекламных вывесках на двух центральных улицах города Хельсинки и в районе Кауниайнен (район, где преимущественно проживает шведоязычное население). «Kuka olisit, jos saisit olla sinä? Maan inspiroivon valikoima kevään muotia on saaranut. Vem är du när du visar vem du är? Upptäck landet mest inspirerande vårmode». Примечательно, что название салона красоты и риторический вопрос в данной рекламе («Кем бы вы были, если бы не были собой?») над входом написаны по-фински. Являясь вторым государственным языком Финляндии, шведский язык часто используется в официальных документах судопроизводства и делового администрирования. Тем не менее в языковом ландшафте города Хельсинки использование шведского встречается реже.

4. В языковом ландшафте городской среды Хельсинки также встречаются контексты с использованием только английского языка: «Smileasstandard» (вывеска велопроката); «Becareful becauseoffice!! Welcome!» (надпись у входа в продуктовый магазин города Хельсинки); «Your successisoursucceed» (надпись на автомобиле такси). «1. Disinfect your feet before going spa. 2. Enjoy your time in spa». (объявление в спа-отеле).

Помимо финского, английского и шведского в языковом ландшафте встречается и указание на другие языки, однако весьма эпизодические и касающиеся лишь указания на возможность использовать определенный язык: «мы говорим по-русски»; «здесь говорят на вашем языке». Также в центре Хельсинки в предприятиях сферы обслуживания (магазинах, кафе, ресторанах, предприятиях туристской сферы и других) у работников можно увидеть значки с изображением государств, на официальных языках которых работник может говорить с клиентом.

Данное исследование, таким образом, показывает, какие языки присутствуют на определенной территории, хотя фактический статус этих языков может отличаться от их официального

статуса. Так, даже небольшая количественная выборка объектов языкового ландшафта городской среды Хельсинки показывает достаточно высокую степень распространения английского языка. По всей вероятности, это связано со статусом Хельсинки и прилегающих к нему районов Эспоо, Ванта и Кауниайнен как столичного региона.

С другой стороны, использование англицизмов в финском языке не подразумевает их использования «в чистом виде», а зачастую применяя орфографию финского языка или даже грамматические морфемы, являющиеся лакунарными в английском языке (например, падежные морфемы). Нельзя не умалять значения распространённости английского языка в молодежной среде, причем не только в Финляндии, но и других странах ЕС. Анализ смешения языков (в данном случае финского и английского) подобного рода, скорее, относится к сфере языкового пуризма.

Однако нельзя не заметить, что языковая среда города Хельсинки отнюдь не моноязычна и даже не двуязычна, как того можно было бы ожидать в столице государства, где оба языка являются официальными – финский и шведский. Языковой ландшафт, будучи ориентированным на широкую публику, стремится сделать городскую среду понятной для других. Именно эта прагматическая ориентированность на широкую аудиторию и вызывает использование других языков в языковом ландшафте города.

Возможно, анализ языкового ландшафта других городов Финляндии, особенно приграничных с другими государствами, даст другие результаты.

Примечания

1. Костомаров В. Г. Язык текущего момента // Мир русского слова. № 4. 2012. С. 13–19.
2. Кирилина А. В. Когнитивная наука и новая эпистема гуманитарного знания // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. М. : Языки славян. культур, 2009. С. 65–75.
3. Демин И. В. Соотношение языка и речи в контексте герменевтической феноменологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия. Филология». 2014. № 2 (16). С. 64–75.
4. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4. С. 41–52; Никуфорова С. В. Конструирование образов повседневности (из опыта реконструкции повседневности якутов) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 6. С. 16–23.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство-СПб, 1994. 399 с.
6. Колесов В. В. Язык города. М. : Высш. шк., 1991. 192 с.
7. Громова В. М. Описание лингвистического ландшафта как инновационная модель изучения взаимодействия языков в современном мире // Инновационный контекст развития методики преподавания иностранных языков, филологии и межкультурной коммуникации : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ижевск. 2013. С. 239 –241; Кузнецова И. И., Дерюшева А. С. Языковая ситуация г. Казани и г. Ижевска // Современные технологии в науке и образовании: проблемы, достижения, перспективы : сб. науч. тр. в по материалам I науч.-практ. конф. Стерлитамак. 2016. С. 30–34; Faudree P., Schulties B. Introduction: «Diversity talk» and its others. 2015. Т. 44. Р. 1–6; Backhaus P. Linguistic Landscapes. A Comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters, 2007. Р. 158.
8. Федорова Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2014. Т. 13. № 6. С. 70–80.

Notes

1. Kostomarov V. G. *Yazyk tekushchego momenta* [Language of the moment] // *Mir russkogo slova* – World of Russian word. No. 4, 2012, pp. 13-19.
2. Kirilina A. V. *Kognitivnaya nauka i novaya ehpistema gumanitarnogo znaniya* [Cognitive science and the new episteme humanitarian knowledge] // *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: tradicii i novatorstvo : sb. v chest' E. S. Kubryakovej* – Horizons of modern linguistics: traditions and innovation: collected papers in honor of E. S. Kubryakova. M. Languages of the Slavs cultures. 2009. Pp. 65-75.
3. Demin I. V. *Sootnoshenie yazyka i rechi v kontekste germeneyticheskoy fenomenologii* [Correlation of language and speech in the context of hermeneutic phenomenology] // *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Ser. «Filosofiya. Filologiya»* – Herald of Samara Humanitarian Academy. Ser. "Philosophy. Philology". 2014, № 2 (16), pp. 64-75.
4. Tubalova I. V. *Specifika organizacii diskursov povsednevnosti* [Specificity of the discourses of everyday life] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* – Herald of Tomsk State University. Philology. 2011. No. 4, pp. 41-52; Nikiforova S. V. *Konstruirovaniye obrazov povsednevnosti (iz opyta rekonstrukcii povsednevnosti yakutov)* [Construction of the images of everyday life (the experience of reconstruction of everyday life of the Yakuts)] // *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* – In the world of science and art: questions of Philology, art history and cultural studies. 2015, No. 6, pp. 16-23.

5. Lotman YU. M. *Besedy o russoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the life and traditions of Russian nobility (XVIII – beginning of XIX century)]. SPb. Iskusstvo SPB. 1994. 399 p.
6. Kolesov V. V. *Yazyk goroda* [City Language]. M. Vyssh. shk. 1991. 192 p.
7. Gromova V. M. *Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak innovacionnaya model' izucheniya vzaimodejstviya yazykov v sovremennom mire* [Description of the linguistic landscape as an innovative model for studying the interaction of languages in the modern world] // Gromova V. M. *Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak innovacionnaya model' izucheniya vzaimodejstviya yazykov v sovremennom mire* – Innovative development methods of teaching foreign languages, Philology and intercultural communication: materials of the research and pract. conf. with int. participation. Izhevsk. 2013. Pp. 239 -241; Kuznecova I. I., Deryusheva A. S. *Yazykovaya situacija g. Kazani i g. Izhevsk* [Language situation of Kazan and Izhevsk] // *Sovremennye tekhnologii v nauke i obrazovanii: problemy, dostizheniya, perspektivy* : sb. nauch. tr.v po materialam I nauch.-prakt. konf. – Modern technologies in science and education: problems, achievements, prospects : collection of scientific works on the materials of the I scientific-pract. conf. Sterlitamak. 2016. Pp. 30-34; Faudree P., Schulties B. Introduction: «Diversity talk» and its others. 2015. T. 44. P. 1-6; Backhaus P. *Linguistic Landscapes. A Comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters, 2007. P. 158.
8. Fedorova L. L. *Yazykovoj landshaft: gorod i tolpa* [Linguistic landscape: the city and the crowd] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoriya, filologiya»* – Herald of Novosibirsk State University. Ser. "History, Philology." 2014, vol. 13, No. 6, pp. 70-80.

УДК 82-92(=930.9)

З. Ш. Шукурджиева

Идейно-тематические характеристики публицистики Исмаила Гаспринского

В статье рассматриваются идейно-тематические особенности публицистики одной из самых известных личностей тюркского мира конца XIX – начала XX в., просветителя, реформатора образования стран мусульманского региона, писателя, издателя, журналиста Исмаила Гаспринского. Автор статьи акцентирует внимание на проблематике газетных выступлений Гаспринского, на конкретных выдержках из его статей, опубликованных в различные годы в газете «Терджиман» («Переводчик»), издававшейся в Крыму в г. Бахчисарае на протяжении более тридцати лет, показывает основную направленность публицистики Гаспринского. В статье раскрываются основные проблемы, которых касался в своих публицистических произведениях Гаспринский на протяжении всей своей журналистской деятельности, в них подробно излагается позиция автора по многим актуальным вопросам своей эпохи, что представляет особый интерес не только для современных исследователей жизни и деятельности Гаспринского, но и для широкой читательской аудитории. В качестве подтверждения автором приводятся цитаты из первоисточника – непосредственно статей Гаспринского, которые были опубликованы в издаваемой им газете «Терджиман», ставшей информационным рупором всего мусульманского мира конца XIX – начала XX в.

The article examines the ideological and thematic features of the journalism of one of the most famous personalities of the Turkic world of the late nineteenth and early twentieth centuries, an educator, reformer of the formation of the Muslim world, writer, publisher, journalist Ismail Gasprinsky. The author of the article focuses attention on the problems of Gasprinsky's newspaper speeches and on specific excerpts from his articles published in various years in the newspaper Terzhiman ("Translator"), published in the Crimea in Bakhchisarai for more than thirty years, shows the main thrust of the journalism of Gasprinsky. The article reveals the main problems that Gasprinsky has dealt with throughout his journalistic work throughout his journalistic work, detailing the author's position on many topical issues of his era, which is of particular interest not only to contemporary researchers of the life and activities of Gasprinsky, but also to Wide readership. As a confirmation, the author quotes from the source – directly the articles of Gasprinsky, published in the newspaper Terzhiman published by him, which became the informational mouthpiece of the entire Muslim world at the end of the 19th and beginning of the 20th century.

Ключевые слова: публицистика, тематика, проблематика газетных выступлений, статьи, содержание.

Keywords: journalism, subjects, problematik of newspaper speeches, articles, content.

Влияние публицистики на жизнь современного общества велико. Ставшая неотъемлемой частью жизни человеческого общества, публицистика позволяет понять и осмыслить многие общественно-политические процессы современности, отражая их в средствах массовой информа-

ции. Ныне одной из насущных задач теории периодической печати стало научное объяснение журналистского творчества, а также поднимаемые публицистикой проблемы.

Представляя историческую ценность для будущих поколений исследователей массмедиа, современная публицистика призвана зафиксировать комплекс жизненно важных проблем нынешнего дня, для того чтобы исследователи будущего имели возможность вывести общую картину происходящего и донести их до своих современников. Опираясь на фактический материал, зафиксированный в исторических источниках, на архивные документы, а также газеты, журналы, исследователь рассказывает о событиях и глубинных процессах социально-политической жизни прошлого.

Анализировать состояние общества невозможно без огромного пласта публицистического материала, без опыта и знаний предыдущих поколений в этой области человеческой деятельности, а также без учета богатейшего материала, дошедшего до нас во многом именно благодаря труду и перу публицистов. Без использования опыта лучших мастеров прошлого в сфере публицистики невозможно развивать традиции национальной печати. Выдающийся просветитель Востока конца XIX – начала XX в., один из самых ярких мыслителей всего тюркского мира, педагог-реформатор, гуманист, публицист Исмаил Гаспринский оставил огромный след в истории развития интеллектуальной мысли не только регионального, но и мирового масштаба.

Будучи одним из вдохновителей, основателей, продолжателей развития общетюркской интеллектуальной мысли, он оставил после себя богатейшее наследие, в том числе публицистическое. В трудах Гаспринского можно найти ключ к решению множества социально-гуманитарных проблем современности. Обращаясь к ним в поисках ответов на многие вопросы современности, следует внимательно и вдумчиво читать его публицистику. Она многогранна и широка по охвату тем, глубока по степени воздействия, богата набором фактов, отражающих явления социальной действительности. Глубокий авторский анализ, присущий журналистским текстам Гаспринского, опирается на систему знаний общественных, гуманитарных наук, а также отвечает таким журналистским критериям, как актуальность, оперативность, злободневность.

Считаем, что изучение журналистской деятельности и публицистического мастерства Гаспринского представляет большой интерес на современном этапе развития крымскотатарского общества в контексте формирования политической культуры социума и реализации гуманистических идей в обществе. Поскольку в современных условиях исключительно важными становятся генерирование новых идей, трудно переоценить творческие возможности и практические действия публицистов как выразителей интересов общества, и в данном ключе наследие Гаспринского можно рассматривать как потенциально востребованное, тем более учитывая авторитет этой личности как на Востоке, так и в европейских государствах.

Имеющий от природы высокие интеллектуальные способности и бесконечную тягу к знаниям, стремившийся к постоянному обновлению и расширению своих знаний, а также колоссальную работоспособность и огромный внутренний потенциал, Гаспринский реализовал себя в сфере журналистики как талантливый публицист и оставил заметный след в истории крымскотатарской национальной печати.

При исследовании наследия Гаспринского нельзя не учитывать тот факт, что на протяжении многих лет в период советского застоя во многом был утрачен национальный элемент и тем самым подорваны национальные традиции многих народов. Не обошло это стороной и крымских татар, в эпоху советского государства сознательно стремились замалчивать сам факт существования целого народа, который на многие годы был предан забвению.

В этих условиях не могло быть и речи о развитии его языка, литературы, культуры, так же как не могло быть речи об исследовании истории, культуры, духовной жизни народа. Именно по этой причине наследие Гаспринского было недоступно широкой читательской аудитории. Поэтому изучение и обобщение опыта публицистической деятельности Гаспринского представляет огромный интерес прежде всего с точки зрения идейно-художественной направленности его публицистики, стремления автора исследовать злободневные вопросы, волновавшие общество того периода.

Пытаясь осмыслить проблемы современности, он в своих публицистических произведениях передает различные аспекты общественной жизни своей эпохи в самых разнообразных ее проявлениях, таким образом выполняя функцию своего рода передатчика информации будущим поколениям. Следовательно, опыт и знания, которые легли в основу многих его журналистских текстов, представляют собой богатейший исторический материал о жизни той эпохи, содержащий интереснейшие сведения для последующей генерации исследователей творческого наследия Гаспринского.

Учитывая масштабность фигуры Гаспринского в границах не только тюркского мира, но и общемирового, учитывая авторитет этой личности, его богатейшее литературно-публицистическое наследие, можно смело утверждать, что его труды будут актуальными и востребованными для исследовательской работы еще долгие годы. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что публицистика Гаспринского не ограничивается лишь узконациональными рамками. Она является достоянием общетюркской публицистической классики, ее важной и неотъемлемой частью. Многие ученые, исследователи жизни и деятельности Гаспринского в своих работах отмечают этот факт. В частности, академик Н. А. Самойлович отмечал, что имя Исмаила Гаспринского будет стоять на самом месте в истории цивилизации не только тюрко-татарской нации России, но и всего мусульманского мира. А известный татарский мыслитель, литературовед, общественный деятель конца XIX – начала XX в. Дж. Валиди, оценивая личность Гаспринского, неоднократно подчеркивал, что газета, которую он издавал один-два раза в неделю в небольшом формате и в небольшом количестве экземпляров, по значимости и влиянию в тысячу раз превосходила российское «Новое время» и даже такой гигант, как английская газета «The Times».

Высокая гражданская позиция Гаспринского, поднимаемые им актуальные вопросы жизни современного ему общества оказывали заметное влияние на читательскую аудиторию. Его статьи можно рассматривать как способ воздействия на обыденное сознание общества с целью побуждения к целенаправленному действию – получению и постоянному обновлению знаний, а следовательно, просвещению общества. Как известно, знания были мерилем всего, наивысшей ценностью для Гаспринского. При этом под знаниями он подразумевал не только и столько науку, сколько все сведения, необходимые для духовной и материальной жизни человека.

Эта тема неоднократно была центральной в его газетных выступлениях. Так, уже во втором номере «Терджимана», вышедшем 17 апреля 1883 г., в статье «Знание» он пишет: «Знания – лучшие украшения человека. Знания – это нечто столь сильное, что благодаря им слабое существо человека делается повелителем и султаном света, соединяет друг с другом моря, в пустыни проводит воду, на водах создает суши. До какой поры мы будем погружены во мрак невежества? Откроём же наконец наши глаза; взглянем на самих себя и сравним своё состояние с таковым других народов» [1].

Невольно хочется провести параллели с современностью. Сегодня, когда знания, информация стали едва ли самой большой потребностью общества, когда без ежедневного, ежечасного обновления информации, а значит и знаний, немыслима жизнь современного человека, с каждым днем все больше возрастает спрос на качественные знания и их обладателей. Знающий человек всегда востребован и конкурентоспособен в цивилизованном обществе. Более ста лет назад Гаспринский также обозначал наличие этой проблемы и в своей статье «К друзьям», опубликованной в «Терджимане» в апреле 1884 г., выступил со следующим призывом: «Друзья мои, для нас самым благородным делом должно быть дело науки и просвещения. Самым священным стремлением – стремление к знанию и просвещение. Знания – средства к цивилизации, а цивилизация – и цель, и способ для человеческой жизни. Наше время – время знаний. Мир – это поле борьбы знаний: без знаний не существовать на нем! Я знаю, что вас мало, кругом тьма невежества, но не падайте духом: будущее принадлежит нам. Наконец, превосходство знания, коим вы обладаете, такая сила, которая измеряется не количеством, а качеством. Знания такого рода – сила, которая создает идеи, подчиняющие себе миллионы людей» [2].

Острота мысли, смелость суждений, высокий познавательный потенциал Гаспринского, способность ярко иллюстрировать события и в то же время доходчиво излагать свои мысли, взвешенный взгляд на события вызывали постоянный читательский интерес далеко за пределами Крыма, где он жил и творил. Пожалуй, этими факторами можно объяснить многолетнюю популярность «Терджимана» и авторитет Гаспринского-публициста.

Гаспринский не ограничивается лишь постановкой проблем, он дает конструктивные советы, рекомендации по решению насущных вопросов, касающихся различных сфер жизни общества. Гражданский долг, ответственность за судьбу своего народа, безграничная любовь к Родине, высокий уровень национального самосознания – личные качества, присущие Гаспринскому, именно эти черты находят отражения в его статьях. Он был надеждой для тысяч и тысяч тюрков и мусульман в разных уголках Земли.

Публицистика Гаспринского самобытна, своеобразна, многогранна. В ее основе – проблемность, сочетающаяся с глубоким знанием истории развития человеческой цивилизации, прошлого своего народа, тематическая разноплановость, высокая гражданская позиция автора с проникновением в духовный мир народа, глубокий психологизм, неиссякаемый патриотизм, а также использование богатой гаммы лингвистических средств.

Здесь следует отметить, что Гаспринский одинаково хорошо владел родным крымскотатарским и русским языками и равноценно хорошо писал на обоих языках. Эта еще одна особенность публицистики Гаспринского – ее билингвизм. Пожалуй, Гаспринского можно назвать первым крымскотатарским публицистом, одинаково совершенно владеющим двумя языками. Он умел в равной степени использовать их и с их помощью выражать свои мысли, осуществляя успешную коммуникацию.

Рассматривая идейно-тематические характеристики публицистики Гаспринского, следует прежде всего отметить то, что на протяжении всей своей творческой деятельности, около тридцати лет работы в газете «Терджиман», он выносил на суд читателей самый широкий круг вопросов, от общественно-политических до бытовых. Словом, практически не было таких тем, которых бы он не затрагивал в своих публицистических произведениях.

Среди главных – вопросы развития образования во всем тюркском пространстве, культивация идей просвещения и единения тюркских народов, постановка и обсуждение стратегических задач всего тюркского мира и др. Здесь важно отметить, что Гаспринский уделял большое внимание вопросам общеполитического характера, как регионального, так и мирового масштаба, мироустройства в целом, экономическим проблемам, международным отношениям, вопросам социального устройства общества в целом, положению и проблемам своего народа. Наряду с этим автор придает большое значение проблемам функционирования и развития родного языка, вопросам культуры и религии, экологии, окружающей среды и многим другим.

Рассмотрим вкратце основную тематику газетных выступлений Гаспринского.

Центральное место в его публицистике занимает тема любви к Родине, своему народу. Раздумывая о судьбе русского мусульманства в целом, он подразумевал всех тюрко-татар, проживающих на территории России. Этому посвящена одна из самых крупных статей Гаспринского «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина», вышедшая отдельной брошюрой в Крыму в 1881 г. В ней автор, апеллируя к фактам из истории, анализирует весь исторический путь развития тюрко-татар и излагает свое видение современного положения российского мусульманства, а также перспектив его дальнейшего развития. В предисловии к статье Гаспринский пишет: «Цель настоящих заметок – вызвать обсуждение и исследование вопроса о будущем русских мусульман в интересах нашего отечества и цивилизации» [3].

Формулировать конкретные цели и стремиться реализовывать их, действовать, а не оставаться безучастными к своей судьбе, – вот к чему призывал Гаспринский своих соплеменников. В своей деятельности он сам старался придерживаться этого принципа, поэтому его нельзя назвать голословным. В статье «Идеи и действия», опубликованной в «Терджимане» в мае 1895 г., автор размышляет: «Жизнь и счастье человека и целого народа обеспечивается разумно поставленными задачами и стремлениями. Без разумной цели нельзя творить и разумных дел. Всякому творчеству и делу предшествует идея. Все великие события в жизни народов вызывались теми или другими идеями. Отсутствие идей и стремлений деморализует, усыпляет и расслабляет народы» [4]. И далее автор задается вопросами: «Имеют ли современные мусульманские народы какие-либо идеи и в чём они заключаются? Какие идеи и стремления питают мусульманское население России? Но, увы, русско-мусульманская община не имеет определённой идеи и идеала. Она живёт изо дня в день интересом минуты. У нас есть книжки, разъясняющие сны, с песнями соловья и розы, есть сказания о богатыре в девять аршин ростом, но нет ни одной книжки, которая рассеяла бы туман наших мозгов» [5].

Гаспринский призывал интеллигенцию стать той путеводной звездой, которая указывала бы народу правильный путь его развития, прививала интерес и любовь к знаниям, информировала, объясняла, неустанно работая с народом в этом направлении. Этому посвящены его многие газетные выступления в «Терджимане», об этом он пишет также в своей статье «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина». Нельзя просвещать, не обучая, не воспитывая, не возвращая человека, считает Гаспринский и призывает интеллигенцию отдавать все силы для того, чтобы открывать глаза людям, возвышая разум и интеллект.

Таков основной посыл, звучащий в статьях Гаспринского на эту тему. «Братья, примитесь серьезно за дело народного образования! Выучиться самому – достоинство, но передать незнающему свое знание еще большее достоинство и благое, святое дело. Если вы выучились, приобрели знания и добрые правила, не храните их лишь при себе, постарайтесь передавать ваши знания ближним, соплеменникам. Переводите на татарский язык хорошие книги, пишите для бедных, темных татар, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять искусства и ремесла. Это, братья, будет честно и благородно, и если не теперь, то в будущем народ благословит ваше имя, памятуя священное изречение великого Алиа, что “чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика”» [6].

Родившегося и выросшего в Крыму, на стыке двух цивилизаций, двух во многом разных миров – Востока и Запада, Европы и Азии с разным национальным и конфессиональным составом населения, – Гаспринского не могла не волновать тема межнационального и межконфессионального взаимодействия. Он публично озвучил вопрос о необходимости равенства между людьми на основе взаимного доверия и взаимной помощи, вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности, открыто поставил вопрос о необходимости разработки такой формулы взаимоотношений между людьми, которая устраивала бы обе стороны взаимодействия.

В этом плане его мысли, на первый взгляд кажущиеся несколько идеалистическими и оторванными от реальной действительности, подчеркивают тот факт, что данную проблему, чрезвычайно важную и острую, замалчивать нельзя. На стыке XIX–XX вв. Гаспринский отчетливо понимал всю важность проблемы того, как уберечь мир от конфронтации на межнациональной и межконфессиональной почве. В статье «Русско-восточные соглашения. Мысли, заметки и пожелания», вышедшей отдельной брошюрой в Крыму в 1896 г., эта тема также нашла свое отражение. «Следовало бы, чтобы русские и мусульмане лучше и непосредственно изучали друг друга без предвзятых или заказных предубеждений. Тогда они увидели бы, что кроме верования все остальное сближает и скрепляет их. В частной жизни и деятельности мы сплошь и рядом видим прекрасные отношения между мусульманами и христианами. Это и нужно развивать и укреплять, отнюдь не касаясь дорогих каждому религиозных чувств» [7].

Гаспринский много путешествовал в своей жизни. Неоднократно бывая в странах Европы и Азии, он пишет путевые заметки и очерки, в которых размышляет о путях и перспективах развития человеческой цивилизации, анализирует прошлое, настоящее и будущее Востока и Запада, преимущества и недостатки их развития, а также положение народов Европы и Азии. Здесь следует отметить, что такие литературно-публицистические жанры, как «путевой очерк», «путевые заметки», занимают особое место в публицистике Гаспринского, в них отражаются впечатления и наблюдения автора от посещения той или иной страны, региона.

Взаимоотношениям на межгосударственном уровне, вопросам взаимодействия государства и личности, власти и общества Гаспринский уделял большое значение. Будучи сторонником концепции ненасильственного мира, Гаспринский призывал решать проблемы человеческого рода путем мирного их урегулирования. Проповедуя философию единства мира, равенства и добрососедства, всячески стремился к объединению людей разных национальностей, вероисповедания.

Символично, что Гаспринский родился, жил и творил в таком уникальном месте земного шара, в такой стратегической точке мира, как Крым – на небольшой в масштабах планеты территории, где стыкуются два во многом разных конфессиональных мира – мусульманский и восточно-христианский. Как правило, именно в таких исторических местах чаще всего наблюдаются процессы общественных деформаций. И в данном контексте особенно остро проявляется необходимость в объединяющей эти оба мира личности, каковым явился Гаспринский.

В целостной системе общечеловеческих ценностей он особое, едва ли не первостепенное значение уделял гуманистическим принципам, идеалам добра, милосердия, созидания, выступая за цивилизованный образ жизни, провозглашая культ знания. В общем контексте мировоззренческих принципов большое место отводил вопросам гармоничного взаимодействия как на государственном, так и на межличностном уровне. Призывы к построению диалога по вопросам таких взаимоотношений звучат во многих статьях Гаспринского, посвященных осмыслению геостратегических проблем современного ему мира.

Так, в статье «Запад и Восток», опубликованной в «Терджимане» в марте 1902 г., Гаспринский детально анализирует успехи и падения Востока и Запада, рассуждает о положительных и отрицательных проявлениях жизни народов, их населяющих. Автор акцентирует внимание на том, что человеческая цивилизация зародилась на Востоке, однако на современном этапе своего развития Восток утратил свое величие и мощь, что именно восточные народы положили начало человеческому общежитию и знаниям, развили их и передали народам Запада, в настоящее время гигантскими шагами идущим вперед. Пытаясь разобраться в причинах столь разительных перемен, успех Запада Гаспринский объясняет более правильной постановкой жизни и стремлений, иначе говоря, стратегически верным определением целей и идей.

Используя систему аргументации в форме противопоставлений, автор стремится убедить читателя в том, что необходимо избегать процессов застоя в обществе, а это возможно только при огромном желании учиться и совершенствоваться, постоянно работать головой, обсуждать новые мысли и предложения, в умении применять новые знания на практике. Вот как звучат рассуждения Гаспринского об этом: «Единый и Всеблагий Творец всех и вся дает одинаково всем без различия рас и религий, ибо все народы одинаково Его твари. Однако благодаря развитию цивили-

лизации и знаний западные народы являются ныне учителями и хозяевами всего мира. На Западе обо всем говорят, пишут, судят, на Востоке молчание считается лучшим украшением человека. На Западе ежегодно появляется несколько десятков тысяч новых книг, мыслей, предложений, а на Востоке если появится новая книга, то она не находит читателей. Каждый западный житель имеет под рукой массу книг и газет для получения нужных и полезных сведений, житель же Востока далее неверных и преувеличенных или искаженных слухов чайной или базара иных источников не имеет» [8]. Таким образом, Гаспринский призывает народы Востока, где было положено начало многим наукам, где зародились государство, торговля, община, стараться усовершенствовать, улучшать свою жизнь, а для этого необходимо стремиться учиться и развиваться, заключает он.

Будучи носителем прогрессивных идей, широко распространяя их в обществе на протяжении всей своей жизни, Гаспринский встречал непонимание и даже неприязнь со стороны консервативно настроенного мусульманского духовенства. За идеи просвещения широких масс мullahы обвиняли его в вероотступничестве и особенно критиковали Гаспринского за то, что он призывал народ изучать светские науки, усматривая в этом угрозу для изучения основ ислама. Гаспринский в свою очередь посредством своих статей в «Терджимане» публично отвечал на выпады своих оппонентов.

В предельно корректной форме объясняя свою позицию, растолковывая преимущества образованной личности, соответственно, светского образа жизни, он тем не менее не отвергал религиозного начала в духовном развитии личности. Таким образом, одной из ключевых тем в публицистике Гаспринского является тема духовного развития мусульман с акцентом на просвещенный ислам. В общем контексте рассуждений Гаспринского относительно религиозных вопросов, на наш взгляд, интересными представляются умозаключения автора о судьбе мусульманства в целом. Так, свою точку зрения об отношении ислама к культуре и цивилизации Гаспринский высказывает, в частности, в статье «Судьбы магометанства», которая была опубликована в «Терджимане» на первом году его издания: «На вопрос: могут ли воспринять цивилизацию мусульмане, ответим: воспринимают и воспримут. При однородности и совокупности условий – их же очень много – мусульмане могут достигнуть той же степени культуры и цивилизации, как и европейцы. Главнее всего и прежде всего потому, что мусульмане такие же люди, как и европейцы. Говоря иначе, восточное человечество, постепенно озаряемое светом точных и положительных знаний, в силу человеческой природы пойдет вперед» [9].

Среди проблем, рассматриваемых Гаспринским на страницах «Терджимана», значительное место отведено вопросу женского образования, являющегося, как известно, одним из основных показателей социального положения женщины в обществе. Отметим, что вопрос просвещения женщин занимает одно из важнейших мест в дидактической системе Гаспринского. Свои основные идеи по этому вопросу он изложил в следующих статьях: «По женскому вопросу» (1903 г.), «Исламизм и права женщин» (1909 г.), «О правах женщин» (1913 г.) и др. Кроме того, вопросу гендерного воспитания посвящены такие произведения Гаспринского, как «Къадынлар улькеси» («Страна Амазонок», 1890 г.), «Арслан къыз» («Девушка-львица», 1893 г.), «Къадынлар» («Женщины», 1903 г.) [10].

Таким образом, проблематика газетных выступлений Гаспринского свидетельствует о том, что автор не оставался равнодушным к происходящему вокруг, а, напротив, стремился донести до читателей свое видение многих проблем эпохи и рассказать о событиях, происходящих как в своем регионе, так и далеко за его пределами. Считаем, что по широте охвата тем, глубокому содержанию публицистических произведений, таланту и мастерству их изложения Гаспринского можно смело отнести к числу лучших публицистов своего времени. Общественно-политическая, социально-экономическая, духовная сфера человеческой жизни и деятельности, актуальные проблемы современной автору действительности – вот далеко не полный перечень вопросов, которые нашли отражение в публицистике Гаспринского. Сегодня эти материалы, составляющие основу публицистического наследия Гаспринского, представляют огромную ценность как для исследователей, так и для широкой читательской аудитории, поскольку вдумчивый читатель может найти в них ответы на многие злободневные вопросы современности.

Примечания

1. Терджиман. 1883. 17 апр.
2. Терджиман. 1884. 16 апр.
3. Гаспринский Исмаил-бей. Россия и Восток. Казань : Тат. кн. изд-во, 1993. С. 16.
4. Терджиман. 1895. 7 мая.
5. Терджиман. 1895. 7 мая.

6. *Гаспринский Исмаил-бей*. Россия и Восток... С. 58.
7. Там же. С. 64–65.
8. Терджиман. 1902. 29 марта.
9. Терджиман. 1883. 29 мая.
10. Абибуллаева Э. Дидактическая система Исмаила Гаспринского. Симферополь, 2011. С. 138–139.

Notes

1. *Terdzhiman* – Terjiman. No. 2 April 17, 1883.
2. *Terdzhiman* – Terjiman. No. 14 April 16, 1884.
3. *Gasprinskij Ismail-bej. Rossiya i Vostok* [Russia and the East]. Kazan. Tatar book publishing house. 1993. P. 16.
4. *Terdzhiman* – Terjiman, No. 18 May 7, 1895.
5. *Terdzhiman* – Terjiman, No. 18 May 7, 1895.
6. *Gasprinskij Ismail-bej. Rossiya i Vostok* [Russia and the East]. Kazan. Tatar book publishing house, 1993. P. 58.
7. Ibid.
8. *Terdzhiman* – Terjiman, No. 12 March 29, 1902.
9. *Terdzhiman* – Terjiman, № 8. May 29, 1883.
10. *Abibullaeva EH. Didakticheskaya sistema Ismaila Gasprinskogo* [Didactic system of Ismail Gasprinsky]. Simferopol. 2011. Pp. 138-139.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛОВА Наталья Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры права, философии и социальных дисциплин, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал). 607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36.

E-mail: belovane@yandex.ru

БЕНДА Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент межфакультетской кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

E-mail: bvn.1962@mail.ru

БОНДАРЕВА Дарья Константиновна – аспирант базовой кафедры истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет. 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40.

E-mail: rimava.9191@inbox.ru

ВЕРЕЩАГИН Олег Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры права, философии и социальных дисциплин, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал). 607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36.

E-mail: helgardt@mail.ru

ГАЗИЗОВ Раиль Робертович – кандидат технических наук, доцент кафедры криминалистики, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: rael888@mail.ru

ГАСHEВА Наталия Николаевна – доктор культурологии, профессор кафедры истории философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: gascheva2010@yandex.ru

ГЛУШКОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18.

E-mail: svetaelina@gmail.com

ГОРЮНОВА Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: tagorunova@inbox.ru

ГУЛЕВЕЦ Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Севастопольский государственный университет. 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

E-mail: ngulivets@gmail.com

ДАВЫДОВА Анна Робертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Армавирский государственный педагогический университет. 352901, г. Армавир, ул. К. Маркса, 49.

E-mail: bootlegger@inbox.ru

ДЕМИНА Юлия Викторовна – аспирант, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН. 620990, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16.

E-mail: yuliya.demina2017@yandex.ru

ИСМАГИЛОВА Алия Ринатовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для естественнонаучного направления, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Межлаука, 3.

E-mail: ismalisha@mail.ru

КАРТУШИНА Елена Александровна – кандидат филологических наук, зав. сектором иностранных языков кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 8.

E-mail: eakartushina@gmail.com

КОТЛЯР Полина Сергеевна – аспирант кафедры социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: polikotsob@mail.ru

ПАВЛОВ Александр Павлович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет. 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 79.

E-mail: pavloff56@list.ru

СОЛНЫШКИНА Марина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2.

E-mail: mesoln@yandex.ru

ШИЛОВА Роксана Радиковна – аспирант специальности «Отечественная история», Уфимский научный центр Российской академии наук. 450054, г. Уфа, просп. Октября, 71.

E-mail: Roksila89@mail.ru.

ШУКУРДЖИЕВА Зельфира Шевкетовна – аспирант направления подготовки «Языкознание и литературоведение», преподаватель кафедры крымскотатарской литературы и журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет. 297500, г. Симферополь, пер. Учебный, 6.

E-mail: zelfiram@rambler.ru

ЯГАФАРОВА Лилия Талгатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, университет управления «Тисби». 420012, г. Казань, ул. Муштары, 13.

E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BELOVA Natalya Evgenyevna – candidate of political sciences, associate professor, the Department of law, philosophy and social disciplines, Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevskiy (Arzamas branch). 36 K. Marx str., 607220, Arzamas.

E-mail: belovane@yandex.ru

BENDA Vladimir Nikolayevich – candidate of historical sciences, associate professor of the inter-faculty Department of the History, Pushkin Leningrad State University. 10 Petersburg Road, 196605, St. Petersburg, Pushkin.

E-mail: bvn.1962@mail.ru

BONDAREVA Daria Konstantinovna – postgraduate student of the base Department of history, pedagogy and psychology, Bratsk State University. 40 Makarenko str., 665709, Bratsk.

E-mail: rimava.9191@inbox.ru

VERESHCHAGIN Oleg Aleksandrovich – candidate of philosophical sciences, associate professor, the department of law, philosophy and social disciplines, Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevskiy (Arzamas branch). 36 K. Marx str., 607220 Arzamas.

E-mail: helgardt@mail.ru

GAZIZOV Rail Robertovich – candidate of technical sciences, associate professor of the Department of criminology, Bashkir State University. 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.

E-mail: rael888@mail.ru

GASHEVA Natalya Nikolaevna – doctor of culturology, professor of the history of philosophy, Perm State National Research University. 15 Bukirev str., 614990, Perm.

E-mail: gascheva2010@yandex.ru

GLUSHKOVA SVETLANA YURIEVNA – candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of altaic and chinese studies, kazan (volga region) federal university. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.

E-mail: svetaelina@gmail.com

GORYUNOVA Tatyana Alexandrovna – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Vyatka State University. 36 Moskovskaya St, 610000, Kirov.

E-mail: tagorunova@inbox.ru

GULEVETS Natalya Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor of theory and practice of translation, Sevastopol State University. 33 Universitetskaya str., 299053, Sevastopol.

E-mail: ngulivets@gmail.com

DAVYDOVA Anna Robertovna – candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages and teaching methods, Armavir State Pedagogical University. 49 K. Marks str., 352901, Armavir.

E-mail: bootlegger@inbox.ru

DYEMINA Yulia Viktorovna – postgraduate student, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of sciences. 16 Kovalevskaya str., 620990, Ekaterinburg.

E-mail: yuliya.demina2017@yandex.ru

ISMAGILOVA Aliya Rinatovna – senior lecturer of the Department of foreign languages for natural-science directions, Kazan (Volga region) Federal University. 3 Mezhlauk str., 420008, Kazan.

E-mail: ismalisha@mail.ru

KARTUSHINA Elena Aleksandrovna – candidate of philological sciences, head of the sector of foreign languages of the Department of social-humanitarian disciplines, State Russian Language Institute n.a. A. S. Pushkin. 8 Academician Volgin str., 117485, Moscow.

KOTLIAR Polina Sergeevna – postgraduate student of the Department of social philosophy, Institute of socio-philosophical sciences and mass communications, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.

E-mail: polikotsob@mail.ru

PAVLOV Alexander – candidate of philosophical sciences, associate professor, Department of sociology, Siberian Federal University. 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk.

E-mail: pavloff56@list.ru

SOLNYSHKINA Marina Ivanovna – doctor of philological sciences, professor of Germanic philology, Institute of philology and intercultural communication n. a. Lev Tolstoy, Kazan (Volga region) Federal University. 2 Tatarstan str., 420021, Kazan.

E-mail: mesoln@yandex.ru

SHILOVA Roksana Radikovna – postgraduate student of specialty "National history", Ufa Scientific Center, Russian Academy of sciences. 71 Oktyabr' Ave., 450054, Ufa.

E-mail: Roksila89@mail.ru.

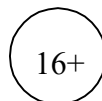
SHUKURDZHYIEVA Zelfira Shevketovna – postgraduate student of the specialty "Foreign Language Study and Literature Study", teacher of Department of Crimean Tatar literature and journalism, Crimean Engineering and Pedagogical University. 6 Uchebiy lane, 297500, Simferopol.

E-mail: zelfiram@rambler.ru

YAGAFAROVA Liliya Talgatovna – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of philology, University of Management "TISBI". 13 Mushtari str., 420012, Kazan.

E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 8 (2017)

Подписано в печать 31.08.2017 г.
Дата выхода в свет 15.09.2017 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 200. Заказ № 4707.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36